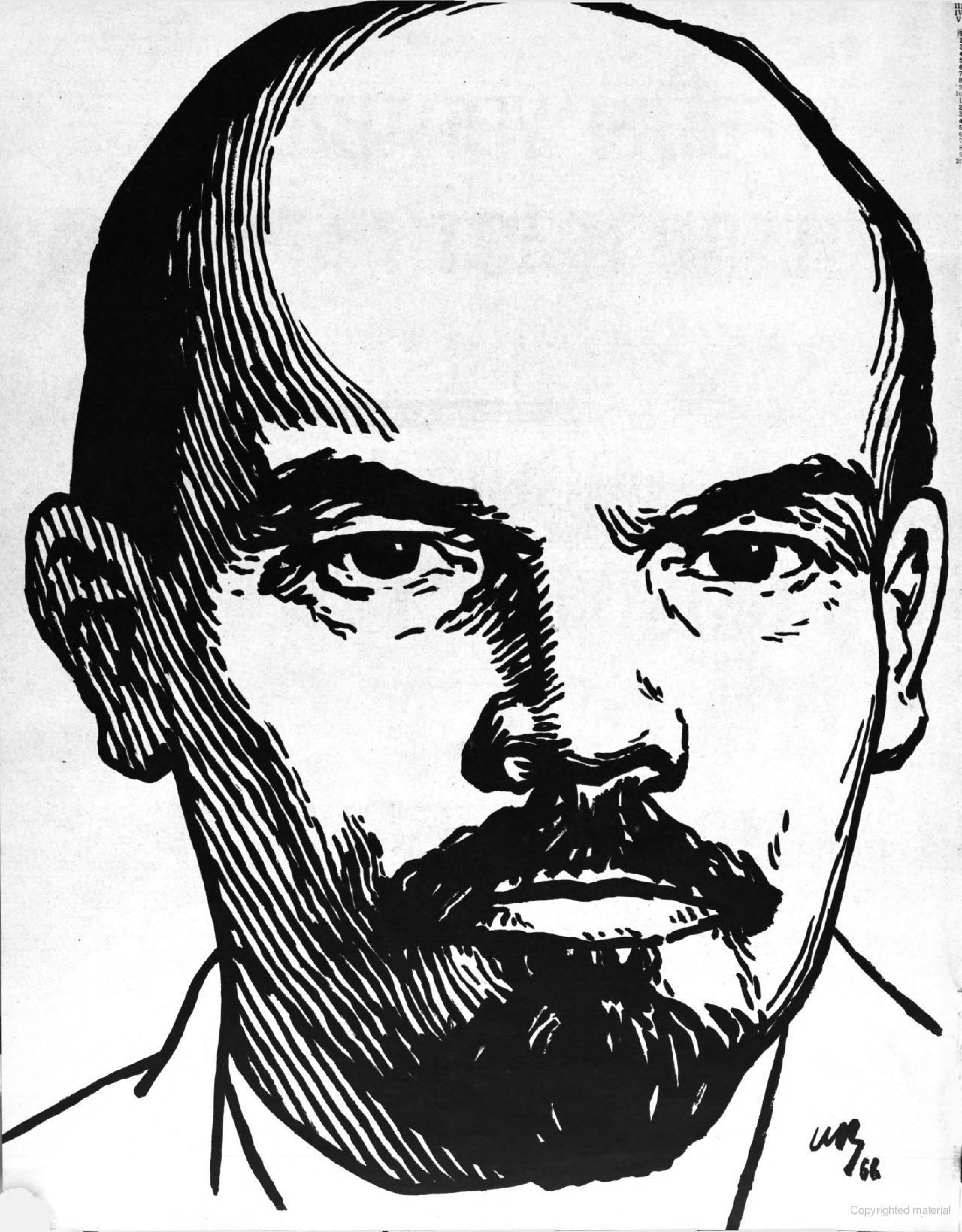

ОГОНЁК

№ 13 МАРТ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЮТ XXIII СЪЕЗД РОДНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ!

ЧТОБЫ УПРАВЛЯТЬ,
НАДО ИМЕТЬ АРМИЮ
ЗАКАЛЁННЫХ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-
КОММУНИСТОВ,
ОНА ЕСТЬ,
ОНА НАЗЫВАЕТСЯ
ПАРТИЕЙ.

ЛЕНИН

Хесус Фариа в Москве

Более двух лет провел в тюрьме Сан-Карлос генеральный секретарь Коммунистической партии Венесуэлы товарищ Хесус Фариа. Прогрессивные силы во всем мире вели активную борьбу за освобождение видного деятеля международного революционного движения и других венесуэльских патриотов, незаконно брошенных за решетку.

Сила международной солидарности победила: Хесус Фариа освобожден. 21 марта мужественный борец Венесуэлы прибыл в Москву. На Шереметьевском аэродроме товарища Фариа встретили член Президиума, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, ответственные работники ЦК и МГК КПСС, многочисленные советские друзья. Выступая на аэродроме, Хесус Фариа горячо поблагодарил всех тех, кто ведет борьбу за освобождение политзаключенных Венесуэлы.

На следующий день состоялась теплая, сердечная встреча Хесуса Фариа с Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Л. И. Брежнев пожелал товарищу Фариа новых сил в борьбе за свободу венесуэльского народа.

На снимке: товарищ Фариа на Шереметьевском аэродроме.

Фото С. Раскина.

ГОЛОСУЮ, ТОВАРИЩИ!

Александр КОСИЦЫН,
бригадир слесарей-наладчиков Горьковского автозавода, делегат XXIII съезда КПСС

Через несколько дней мне вручат мандат делегата партийного съезда. Волнуюсь ли я, готовлюсь ли к поездке в столицу? И волнуюсь и готовлюсь... Откровенно говоря, я сердцем ощущаю всю меру доверия и ответственности, которые возложили на меня мои партийные товарищи — рабочие, хлеборобы, учителя, медики, солдаты Горьковской области. С разных концов страны прибудут посланцы коммунистов городов и деревень, чтобы обсудить и принять новый пятилетний план развития нашего народного хозяйства. Разве это не большая ответственность? Я внимательно и не раз прочитал проект Директив партийного съезда и скажу, что меня порадовала трезвость приведенных расчетов. Тут, в плане, есть хорошая сдержанность мастера, который уверенно, без похвальбы делает свою работу.

Вся моя сознательная жизнь связана с Горьковским автозаводом. На моих глазах завод, любимое детище первых пятилеток, вырос в современного гиганта индустрии. И я, работая в инструментально-штамповом корпусе, знаю, как важна точность в изготовляемой детали, да и вообще всякого расчета. Говорят, что дурная голова ногам покоя не дает. Добавлю: и рукам! Если что поспешно, на глазок рассчитаешь, то и твои товарищи в соседнем цехе сработают деталь, а то и целиком нашу красавицу «Волгу» тоже негодную, на глазок. В наш век высоких точностей поступать так негоже! Вот я и думаю, что на съезде надо очень серьезно обговорить новую пятилетку, поработать головой, чтобы потом рукам было легче. Ведь план в нашей стране — это тот же инструмент, только инструмент самый главный, без которого нельзя двинуть вперед чудесную машину времени.

В Москве не раз вспомню своих товарищей, которые в дни работы съезда придут, как и в обычные будни, в мой родной цех, станут, как всегда, на свое рабочее место и склонятся над новым чертежом. Рядом со мной работает Юра Холодов и другие ребята. Молодежь хорошая, серьезная. Каждый настоящим-то рабочим человеком стал на моих глазах! И как бы далеко я ни уехал, какое бы важное поручение ни выполнял — всегда в дни отъезда нет-нет да и вспомню о них: как там да что, как с квартальным планом или с домашними делами?.. Конечно, и на съезде я буду со своими товарищами по работе. А ребята, оставаясь в цеху, уверен, мысленно будут вместе со мной, в Кремле. Уж это так, точно. Я и сейчас угадываю, как на перекуре скажет Юрка Холодов: «Ну, как там наш Александр Иванович? Голосует, наверно!..» Голосую, товарищи!

РАБОЧАЯ ЗАКВАСКА

Роланд Метсар, делегат XXIII съезда КПСС.

Фото В. Сальмре.

— Хорошо ли мы работали перед съездом? — говорит Роланд Метсар.— Думаю, неплохо. Мы обязались к XXIII съезду КПСС выпустить «юбилейную», тысячную, чугунную задвижку. Она будет готова к 26 марта. Рационализаторы в честь съезда решили довести до конца все свои задумки. А их было пятнадцать. Сейчас уже разработано и сдано в бриз шестнадцать рационализаторских предложений. Но в нашем деле главное не количество, а качество...

Роланд Метсар понимает толк в этих делах: он разметчик Таллинского машиностроительного завода, поставляющего нефтяное оборудование. А точность и прочность такого оборудования во многом зависят от разметчика.

...Роланд пришел на завод мальчишкой из ремесленного училища. И сразу попал в хорошие руки — в бригаду Альфреда Валдова, Героя Социалистического Труда. Валдов — член ЦК Компартии Эстонии, душа общественной жизни цеха и завода, был делегатом партийных съездов республики и XXII съезда КПСС. Он уже сорок два года работает на машиностроительном, а на вид все такой же молодой, веселый, каким узнал его Роланд Метсар девятнадцать лет назад. Метсар многому научился у Валдова. И однажды Альфред сказал ему:

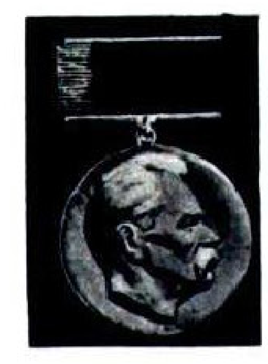
— Больше я ничему не могу научить тебя. Полагаю, что ты сам стал разметчиком номер один.

Роланд продолжал учиться. Окончил среднюю школу. Поступил в университет марксизма-ленинизма. Вступил в партию. Был избран председателем Таллинского городского совета рационализаторов. Он перенял у Альфреда Валдова не только его опыт разметчика, но и, что еще важнее, его рабочую закваску, партийность, стремление к знаниям, влюбленность в свое дело.

Коммунисты республики избрали молодого рабочего Роланда Метсара делегатом XXIII съезда КПСС.

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

ПОЧЕТНЫЕ ЗВАНИЯ РОССИИ

В феврале прошлого года в нашей печати было сообщено о том, что Совет Министров РСФСР принял решение об учреждении республиканских премий за выдающиеся произведения литературы, искусства и исполнительской деятельности. 15 марта этого года Постановлением Совета Министров РСФСР утверждены состав Комиссии по Государственным премиям и образцы лауреатских знаков. В состав Комиссии вошли известные советские писатели, работники кино, художники, артисты, литературные критики и искусствоведы — всего сто десять человек. Присуждение Государственных премий

ПОЛЕТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Как известно, предприимчивый гасконец Д'Артаньян прибыл покорять Париж, располагая транспортом всего в одну лошадиную силу, да и то весьма сомнительных достоинств. В отличие от прославленного шевалье нас доставили в столицу Франции одиннадцать тысяч лошадиных сил, которые действовали безукоризненно,— именно такова мощность двух турбовинтовых двигателей советского вертолета «МИ-6».

Прошлым летом здесь, в Париже, на 26-м международном салоне авиации и космонавтики, наши летательные аппараты произвели фурор...

После триумфального успеха в Амстердаме и Роттердаме советских «летающих мельниц» — так окрестила голландская пресса вертолеты Миля — наша «десятка», как и предусматривалось программой, отправилась домой, в Советский Союз, а «шестерка» полетела на запад, в Париж.

В прошлом номере «Огонька» я уже рассказывал о демонстрационных полетах наших вертолетов в Голландии.

Я вспоминаю последний полет в Роттердаме.

Голландские фирмы, которые собираются приобрести наши машины, весьма придирчивы. «Сделайте это, сделайте то»,— настойчиво просят их представители. «МИ-6» поднимается в воздух, зависает над аэродромом, цепляет огромный генератор весом в несколько тонн, легко поднимает его и, сделав над полем круг, ставит генератор точка в точку на вычерченный по бетону крест. Директора фирм восхищены и тут уж начинают с представителем «Авиаэкспорта» разговор о ценах, сроках поставки и прочих вполне конкретных вещах.

В Париж мы вылетели из Роттердама пасмурным днем. Моросил дождь. Густая дымка висела над землей. Впрочем, она нам не мешала: мы шли на маленькой высоте — от 70 до 200 метров — и все отлично видели.

Миновали Голландию — пестрые клочки земли, отгороженные от моря ровными линиями дамб; прошли над Бельгией, распугав кур,— сверху было отчетливо видно, как они в ужасе метались по крестьянским дворам. Сытые коровы равнодушно поднимали головы и разглядывали странное летающее существо. Люди высыпали из домов и смотрели нам вслед. Где-то возле маленького бельгийского городка — хотел спросить у штурмана его название, да не успел — я видел, как велосипедист, заглядевшись на нашу машину, влетел в канаву. Надеюсь, все обошлось благополучно. Во всяком случае, это было единственное неприятное происшествие за все время полета.

Мы шли над полями и заводами, любовались старинными замками, живописными парками и озерами. После равнин Голландии терриконы около шахтерских городов Бельгии смотрелись потухшими вулканами. Зеленый цвет сменялся черным, потом возникал снова и тут же превращался в красный — цвет городских черепичных крыш.

В пилотской кабине — двое. Командир корабля Василий Колошенко — веселый, быстрый, с озорными глазами. Известнейший ас. Летал на вертолетах во всех широтах земного шара — от Северного полюса до Южного. Мировой рекордсмен, он впервые перешагнул на вертолете 300-километровый рубеж скорости. К тому же поставил еще четыре мировых рекорда. Показывал наши вертолеты в Индии, в сложнейших условиях высокогорных районов Гималаев. В. Колошенко и его товарищи на машинах «МИ-4» по всем пунктам превзошли знаменитые американские вертолеты, сконструированные Сикорским.

Второй пилот — Юрий Гарнаев, внешне спокойный, сдержанный, неторопливый. Он и о себе рассказывает сдержанно и неторопливо.

Несколько дней назад мы стояли с Колошенко и Гарнаевым в амстердамском Рейксмузее подле рембрандтовского «Ночного дозора», а потом долго выбирали слайды — диапозитивы с репродукций Ф. Гальса, Рембрандта, Вермеера. Ходили увешанные фотоаппаратами по Амстердаму, снимали его каналы, площади, дома, похожие на нарядные рождественские торты, фотографировали ребятишек и голубей возле памятника жертвам войны.

А сейчас, стоя в пилотской кабине, я смотрю, как эти замечательные летчики ведут машину. Улыбается каким-то своим мыслям В. Колошенко, кажется, даже напевает что-то. Сосредоточенно хмурит брови Ю. Гарнаев. Люди высокого мастерства, ясных и глубоких убеждений. Коммунисты.

...Летим над Европой. Над ее горами и автострадами, над ее страстями и проблемами, над ее жизнью — сложной и противоречивой.

Перелет наш был очень коротким. В 11.15 по среднеевропейскому времени мы вылетели из Роттердама, а в 12.50 приземлились в парижском аэропорту Ле Бурже, в том самом, где прошлым летом собиралась авиационная элита мира, где строгие судьи вывели советским вертолетам высший балл.

Аэродромный служащий в синем комбинезоне, подкативший на розовой малолитражке к советскому вертолету, взял под козырек и улыбнулся:

— Со счастливым прилетом, месье!

Мы — в Париже.

По просьбе французских фирм здесь состоятся демонстрационные полеты, а потом «МИ-6», взяв на борт специальное оборудование, вылетит на юг, в район Марселя, Тулона, Ниццы. Там он покажет свои возможности еще в одном сложном виде работ — в тушении лесных пожаров в горной местности.

Г. ГУРКОВ

Париж. По телефону.

станет радостным событием в культурной жизни России и, безусловно, окажет благотворное влияние на идейно-эстетический уровень произведений художественного и исполнительского творчества.

Первое присуждение Государственных премий состоится в 1966 году. В настоящее время Комиссия по Государственным премиям РСФСР уже начала свою работу. К рассмотрению принимаются произведения и работы, содействующие коммунистическому воспитанию трудящихся, отвечающие принципам социалистического реализма и получившие широкое народное признание. В выдвижении кандидатов могут принять участие не только государственные, общественные и творческие организации, но и собрания трудящихся.

Таким образом, Комиссия может получить самую разностороннюю оценку выдвигаемых произведений и выделить самых достойных для почетного звания лауреата Государственной премии РСФСР.

На лицевой стороне почетных знаков будет соответственно расположено барельефное изображение М. Горького, И. Репина, К. Станиславского, М. Глинки и создателей фильма «Чапаев» братьев Васильевых.

Плакат Нины Ватолиной
(Издательство «Советский художник»)

12 ИЮНЯ 1966 ГОДА— ДЕНЬ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

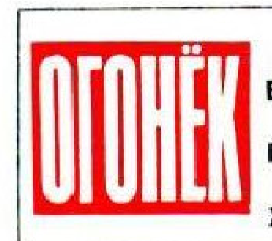
В воскресенье, 12 июня этого года, произойдет большое событие в жизни нашей страны. Указом Президиума Верховного Совета СССР на этот день назначены выборы в высший орган государственной власти Советского Союза.

Значение этого события в нынешнем году особенно велико: выборы в Верховный Совет СССР будут проходить вскоре после XXIII съезда КПСС, который определит задачи очередного этапа коммунистического строительства.

Недавно газеты опубликовали Указы Верховного Совета СССР «О времени голосования в день выборов в Верховный Совет СССР» и «Об изменении нормы представительства от союзных республик в Совет Национальностей». Теперь в день выборов время голосования—от 6 часов утра до 10 часов вечера по местному времени. В Совет Национальностей от каждой союзной республики будет избираться по 32 делегата.

Уже началось выдвижение кандидатов в состав Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР. В состав этой комиссии народ выдвигает достойных своих сынов.

В городах и селах открываются новые агитпункты, активнее стали работать агитколлективы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
44-й год издания
№ 13 (2022)
27 МАРТА 1966

Поздним весенним вечером, третьего апреля тысяча девятьсот семнадцатого года, на второй день пасхи, студент Петроградского университета Анатолий Оршевский шел из гостей — от приятеля своего, тоже студента, Василия Шахова, с которым он спорил весь вечер.

Сначала шел спор за общим столом, где была и праздничная закуска и водка, а потом этот спор продолжался уже в комнатке Василия, и конца ему не предвиделось. Потом они оба враз прервали спор, засмеялись, и Шахов воскликнул:

— Мы же с тобой приятели не разлей водой — ну к чему мы так яростно спорим?

— Сейчас спорят все в России. Посмотри: спорят на улицах, на митингах, в домах, спорят бедные и богатые, спорят и в правительстве и в Совете, рабочие и солдаты, крестьяне, все кричат. Не кричать нельзя. Как будет дальше жить Россия, куда пойдет?

— Мы, кажется, опять начинаем все сначала,— ответил, горячась, Шахов.— Ждали мы ждали, чтобы Романовых свергнуть. Свергли. Народный праздник — все ликовали, от мала до велика. Есть у нас Временное правительство, и с ним согласен и Совет рабочих и солдат. Власть есть, значит, будет и порядок...

Николай ТИХОНОВ

Рассказ

Автолитография В. КУЗНЕЦОВА.

Апрель в

— Подожди, дорогой Вася, послушай. Какой же порядок, когда твои министры-капиталисты ничего не делают для народа...

— Как, разве они не у власти?

— Они-то у власти, а смотри, второй месяц революции, а главного нет и в помине.

— Что ты называешь главным?

— Войну надо кончать, а они только что подтвердили: «Война до победного конца!» Крестьянам нужно землю, а они что объявили? Удельную землю передали в министерство земледелия, а кому она достанется и когда — неизвестно. Куда же они поведут нас?

— Но Родзянко — опытный политик, председатель Государственной думы!

— Что он, по-твоему, за народ? Смешно, ей-богу!

— Но Керенский, как он говорит, как зажигает своими речами! Как громит старый режим!

— Твой Керенский — адвокат! Это одни слова, слова... А что будет дальше? Надолго их хватит, твоих временных... капиталистов?!

— Но подожди, я же сказал тебе, что с ними вместе заодно рабочий и солдатский Совет.

— Знаешь, Вася,— сказал решительно Анатолий,— я не разбираюсь хорошо в партиях: там и меньшевики, и эсеры, и анархисты, и большевики,— но одно скажу, что не понимаю, почему рабочим и солдатам по пути с Временным правительством. Да, в самом деле, почему?

Так он шел сейчас домой и мучительно думал, почему получилась такая страшная неразбериха и почему министры, которых справедливо называют министрами-капиталистами, неизвестно куда ведут страну...

Конечно, в те дни в своих мучительных поисках он был не одинок. Действительно, кипела вся страна, а уж о революционном Петрограде и говорить нечего. Вот и сейчас. Праздничный день. Второй день широкого русского праздника — пасхи. Заводы не работают, даже трамваи стоят, а откуда идут эти толпы, эти огромные массы рабочих? Идут, как на демонстрацию, с красными стягами, с песнями, идут и едут на грузовиках. Много людей, по-праздничному одетых, много солдат, которые движутся стройными рядами, не очень стройными, но строятся и соединяются с рабочими колоннами. Что тут происходит?

Он сначала, занятый своими мыслями, только проталкивался, но потом уже и проталкиваться стало трудно, потому что колонны занимали места плотно друг к другу, и скоро площадь перед вокзалом была так переполнена, что подъезжавшие грузовики уже не уходили, а оставались среди пришедших. Это море человеческих голов колыхалось все время, потому что надо было давать пройти к вокзалу новым демонстрантам. Что происходит? Финляндский скромный вокзал, видимо, ждал чьего-то приезда.

Теперь Анатолием Оршевским владела другая мысль: увидеть предстоящее событие. Что это будет важное событие, видно было по волнению собравшихся, по шуму голосов, что-то выкрикивавших, как бы приготовляясь кого-то могуче приветствовать. Вдруг над площадью проносилась революционная песня, которую пели недружно, но громко и уверенно. Анатолий понял, что он не пробьется через площадь, и он стал искать места, откуда бы лучше увидеть вход в вокзал. Он нашел грузовик, с него то слезали, то вновь на него влезали люди. За грузовиком был удобный выступ стены, и в тесноте, достигнув его, он, прижатый к выступу, вскарабкался на него.

Новое оживление было вызвано продвижением моряков, которые, чернея в толпе своими бушлатами и сверкая оружием, проходили в вокзал. Потом стали разворачиваться броневики, чтобы занять нужные им места. Время шло незаметно. Анатолий вслушивался в громкие разговоры, которые были вокруг. Кто-то воскликнул: «Будем ждать все равно — хоть всю ночь, будем ждать!» Другой голос ответил: «Да нет, говорят, уже Белоостров проехал, а тут уже рукой подать!»

Неожиданно на площади стало светло. Какие-то солдаты из инженерных войск привезли с собой прожекторы. Анатолий испытывал странное чувство. Он много видел за дни Февральской революции сцен, самых разных — от восторженных до трагических, когда под пулями последних слуг старого режима падали люди,— видел митинги и собрания, где бушевали страсти, но тут, в этом скоплении народа, было что-то новое, необыкновенное.

Само ожидание, такое взволнованное и глубокодушное, какое-то единство, скреплявшее эти бесконечные ряды людей, готовых ждать, не считаясь со временем, появления кого-то, кто, еще не появившись, имеет такую привлекательную силу, что тысячи готовы его поднять на руки; одно это ожидание, затянувшееся на долгие часы, уже настраивало на торжественный и вместе с тем боевой лад.

Дело шло не о красивых словах, революционных фразах, а о чем-то очень серьезном, что может стать судьбой, сражением, переломом истории.

Много раз повторялось одно имя, и это имя производило на молодого студента сложное впечатление. Это имя он уже слышал. О его носителе иные говорили как о явлении, чуть не враждебном народу. Но почему же народ пришел встречать его с такой любовью и доверием? Что объединило солдат, рабочих, матросов, женщин, пожилых людей, молодежь на этой встрече?

Мысли путались в голове Анатолия, но ясно было одно: он свидетель необыкновенного, пусть он еще не разобрался в положении, но стоит увидеть то, что сейчас произойдет. Наступили времена каких-то устремлений, и надо посмотреть в лицо будущему, отвергнув все маски, которые окружают тебя и тащат в разные стороны. Он первый раз в жизни чувствовал себя в глубине народных масс, и ему было приятно это ощущение, потому что ничего наигранного, ничего ложного здесь, на этой площади, не было. Здесь все дышало жизнью, большими чувствами, великими надеждами.

В двенадцатом часу где-то темноту прорвал гудок, оркестры заиграли все сразу. Был слышен шум и свист подошедшего поезда. Клубы дыма вырвались из вокзала. Площадь то замирала до почти полной тишины, то снова начинала наполняться гулом многих голосов.

— Идет! Идет! — раздалось откуда-то от вокзала, но, даже вытянув голову, Анатолий не мог ничего увидеть, кроме группы людей, которая вышла из вокзала и сразу утонула в народной волне. Но площадь, ярко освещенная прожекторами и факелами, осененная знаменами и плакатами, гремела «ура» и под гром оркестров кричала: «Ленин! Ленин! Привет Ленину! Да здравствует революция!»

Как-то вдруг, точно по невидимому сигналу, все стихло, и Анатолий не видел, как Ленин вышел из вокзала на площадь, но когда он поднялся на броневик, он стал отчетливо виден всем, кто был близко. Ленин был в демисезонном пальто и сером костюме. Он стоял на броневике и, вытянув руку к народу, громко говорил, но только отдельные фразы можно было слышать, хотя слушали внимательно, затаив дыхание. Постепенно из отрывочных фраз складывалось нечто, что доходило до сердец слушавших, и совсем отчетливо услышал Анатолий, как он бросил, как факел, последнюю фразу: «Да здравствует социалистическая революция!»

С народом творилось нечто поразительное. Как будто кто-то вдохнул в него волну такой энергии, что теперь-то уж нельзя стоять спокойно. Теперь надо двигаться, теперь надо идти вперед. И невиданное шествие действительно двинулось.

Вся площадь как бы повернулась в одну сторону, и, провожаемый криками и шумом двигающихся тысяч, Ленин еще некоторое время виднелся на броневике, который уже тронулся в путь, но потом сошел с него и, чего Анатолий тогда не знал, сел рядом с водителем, и броневик направился к Финляндскому переулку.

В большой суматохе перестроения машин и колонн Анатолию удалось перескочить с выступа на грузовик и втесниться в стоявшую на грузовике толпу, уже ни на что не обращавшую внимания, кроме как на броневик, который шел впереди.

Теперь начался второй поражающий акт исторической эпопеи этого вечера. Этот удивительный путь входил в глаза отдельными картинами небывалого шествия. Впереди медленно двигался броневик. За ним, уходя в темноту, виднелись несчетные головы, знамена, штыки, броневики, факелы.

Не было конца этому потоку, который останавливался на несколько минут, когда останавливался передовой броневик, и Ленин, стоя на подножке, держась за открытую дверь или выходя на улицу, выступал с краткой речью или просто говорил слова приветствия. Открывались окна в домах. Удивленные люди высовывались из окон, прохожие останавливались, пораженные зрелищем.

При появлении Ленина из всех колонн снова гремели приветствия, в воздух кидали шапки и кепки, подымали винтовки, и в ответ идущим сверкали штыки поднятых винтовок у солдат, стоявших по пути вдоль улиц.

Анатолий был потрясен всем виденным. Ночь, а была уже ночь, преобразила лица. Он с захватывающим дух интересом смотрел на этих людей, живших в одном с ним городе, но он никогда не видел таких лиц.

Из тьмы выступали освещенные прожекторами, факелами, фонарями незабываемые лица, на которых можно было прочесть отважную уверенность, беспощадность к врагам революции, восторг, суровую нежность людей, охраняющих самое для них дорогое.

Во всем этом шествии, в поступи многих тысяч, в тяжелом шуме их ног, в говоре, напоминавшем шум большого встревоженного леса, в песнях, которые вспыхивали, подобно тем факелам, что освещали идущих, было нечто от эпических времен, когда слово «народ» не требует уточнений.

Одно дыхание, одна мысль, одно чувство владели этой массой, двигавшейся через город с торжественной и угрожающей медленностью. Кому же угрожала эта масса, прожигая огнями ночь и сверкая оружием?

Она угрожала тем силам, которые прятались в окружающей темноте, злобно всматриваясь в неповторимое шествие, и готовились, подсчитав свои возможности, завтра же броситься, чтобы остановить, отбросить, разгромить этих людей, так уверенно идущих вперед, в будущее.

В этих людях жила радость, потому что начало новых дней уже было рядом с ними, в них. Революция должна была подняться на высшую ступень, а тревожное волнение росло, потому что было ясно: понадобятся новые жертвы, новые, решающие бои, когда кровь обагрит улицы старого города на Неве.

Это шествие было таким красочным, таким впечатляющим еще потому, что в нем соединились все те, кто давно, еще с юности, встал под знамена революции, кто шел за Лениным, кто завтра будет драться за Октябрьскую революцию на всех фронтах, кто начнет строительство небывалого в мире рабоче-крестьянского государства, кто кинет вызов всему старому миру и понесет пламя победных знамен до границ старой империи.

Всего этого не мог знать и чувствовать Анатолий Оршевский, студент Петроградского университета. Когда он вскочил в грузовик, где-то в глубине сознания отметил, что ему просто по дороге к дому, удобно включиться в маршрут этого народного шествия (он жил на Лахтинской улице). По мере же развертывавшихся ночных картин, встреч и выступлений Ленина на так хорошо знакомых местах, как угол Новгородской и Боткинской, на Самсониевском проспекте, на Оренбургской улице, на Большой Вульфовой он уже чувствовал, что именно ему по дороге с этим народом, идущим так, точно никогда не кончится это шествие.

Ему казалось, что начинается нечто невиданно новое в истории этого много видевшего, много испытавшего города, но что главное еще впереди и он — простой, скромный человек, маленький студент — будет участником чего-то невероятно грандиозного.

Это заражало его волнением, которому пока не было объяснения. Он мог бы только сказать, что он уверовал в то ему до сих пор неизвестное, что собрало людей на площадь, оторвав их от праздничного отдыха, от своих жилищ, где можно было встречать пасху по старинке, оторвало от всего, что было прошлым, и направило по неизвестному, но героическому пути за этим человеком в демисезонном пальто. Лица выступавшего он не успел хорошо разобрать, но на всю жизнь запомнил его жест и его краткую заклинательную пророческую речь!

И он все смотрел и смотрел и не мог насмотреться.

Утром к нему пришел его друг и постоянный спорщик Василий Шахов. Он сразу сказал:

— Есть новость, специально для спора. Будем спорить сейчас или посидим и поговорим просто о жизни?..

— Нет, спорить не будем,— ответил почти надменно Анатолий.

— Почему?

— Потому что я спорил в поисках будущего. Теперь я нашел, что искал...

— Что же это такое — не секрет?

— Какой секрет! Об этом весь мир уже, наверное, трубит. Ты знаешь, что я по своей специальности химик, но я люблю музыку. Химики любят поверять небесной гармонией свои земные формулы. Но ты знаешь, что я занимаюсь и рисованием. Для себя. Так я тебе сейчас кое-что нарисую...

— Интересно, неожиданный поворот,— заметил Василий,— ну, рисуй!

Анатолий взял тушь, лист бумаги и быстро набросал какой-то чертеж, но нет, это был, конечно, не чертеж...

— Позволь,— сказал Василий,— по-видимому, да не по-видимому, а точно, я не ошибаюсь — это броневик?

— Он самый. А теперь...

Василий смотрел растерянно, как на башне броневика вырастала фигура с протянутой вперед рукой, как будто обращенной в большое пространство.

— Броневик вижу,— сказал Шахов,— а кто же это с протянутой рукой? И что за речь он держит?

— Что за речь? Слушай вкратце... То, что мы совершили,— еще не полная победа. Победа будет впереди. Это еще не та революция, пролетарская революция должна быть впереди, социалистическая революция!..

— Постой, постой! — воскликнул Шахов.— Да это же ты Ленина нарисовал. Это он вчера с броневика у Финляндского вокзала говорил. Ну, что ты, кто же пойдет за ним?! Ты видел сам-то его?

— Да. Я видел сам, и я тебе скажу: за ним шел вчера весь народ, все питерцы — и рабочие, и солдаты, и матросы, и женщины, и старики, и подростки,— вчера шли, а завтра пойдет вся Россия!

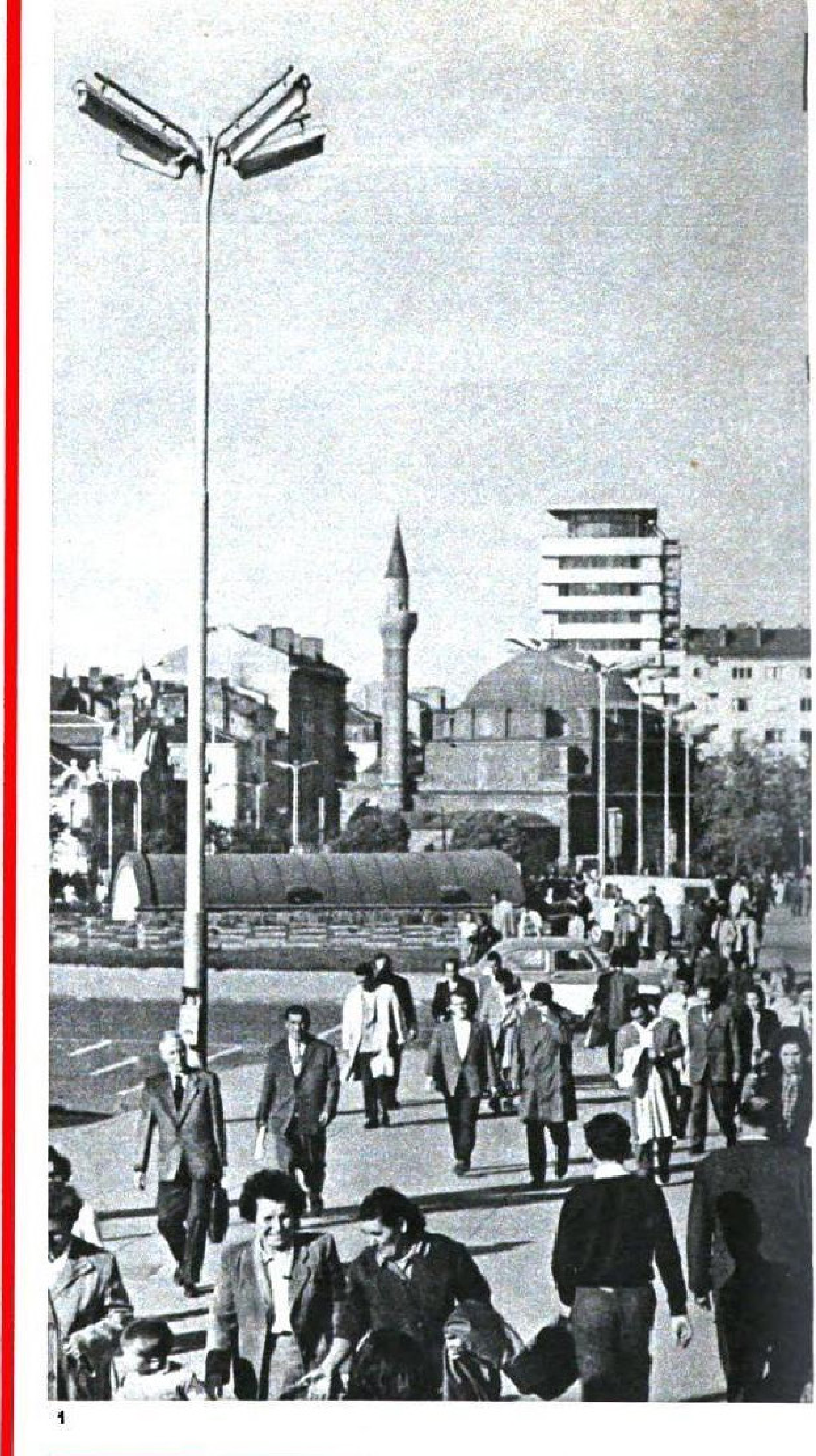
— Ты уверен? — нерешительно сказал Шахов.— Почему пойдет за ним?

— Потому что он единственный, может быть, человек сегодня в России, который знает настоящий путь! И я хочу идти этим путем!

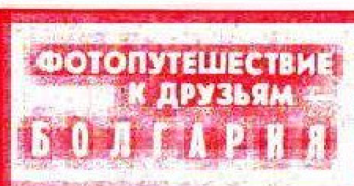
— Как же так? — уже растерянно сказал Шахов.— Ты жил, не гадал — вдруг какое-то чудо! Один вечер — и все ясно. Разве так бывает?

— Бывает, ты сам сказал хорошо про чудо. Да, это чудо одного апрельского вечера, и это чудо повернуло не только мою жизнь, а может, и жизнь всей России, а может, и пошире...

Чудо этого апрельского вечера Анатолий Оршевский хранил в памяти до самой смерти. Он погиб на фронте в рядах Красной Армии в 1918 году.

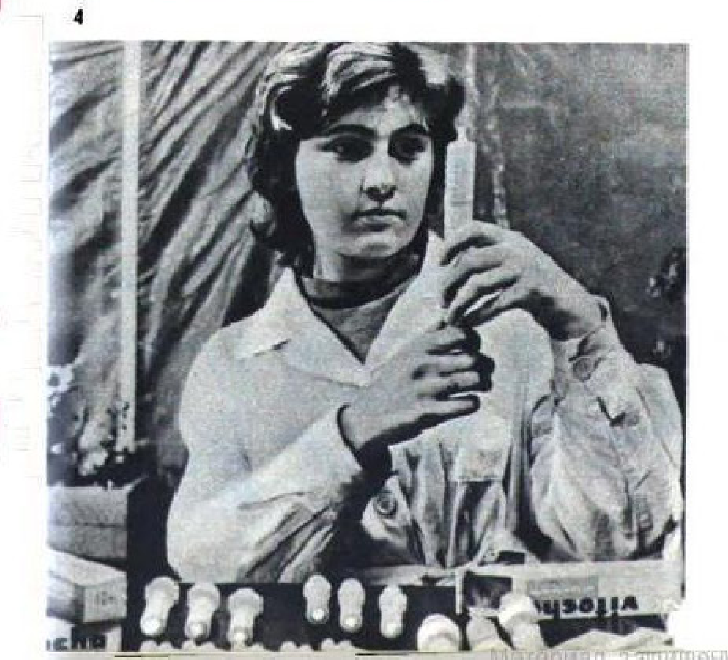

1

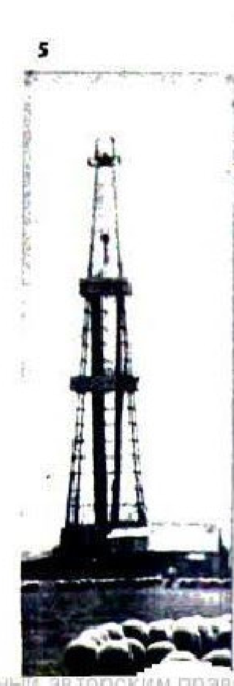

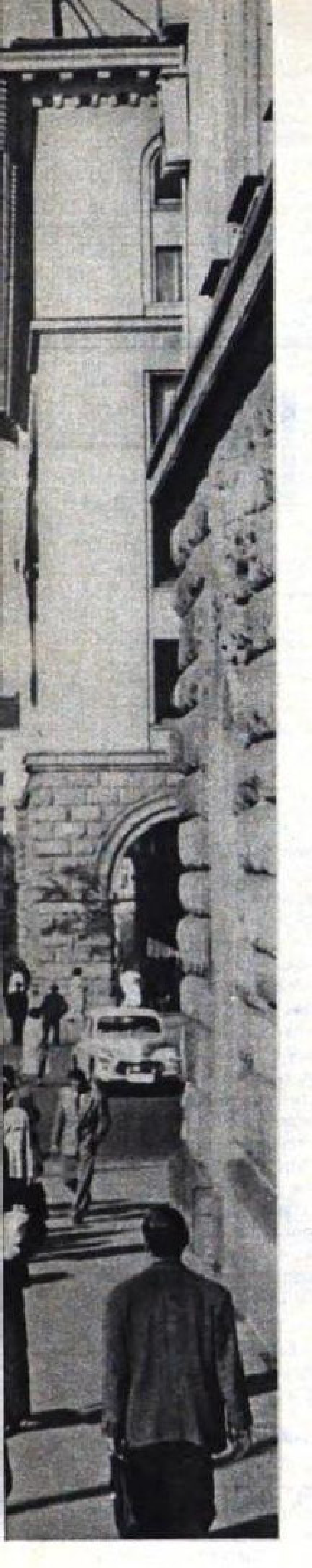
Юрий КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

4

5

Болгарию можно пересечь на автомобиле за один день. Но удивительное дело: страна вам никогда не покажется маленькой. Природа, изваявшая этот чудесный кусочек нашей планеты, видимо, не скупилась на выдумку и более всего заботилась о разнообразии. Широкие равнины Дунайской долины и Фракии; фантастические, будто вышедшие из-под резца скульптора скалы Белоградчика; реки на выбор — от величавого, широкого Дуная до быстрого, игристого Искора и таинственно шелестящей в зеленых зарослях Ропотамо, где прячутся в траве черепахи; альпийские луга, сверкающие самоцветами-цветами, и над ними суровые вершины могучих Балкан; и, наконец, море, широко распахнутое, сплошь усыпанное золотом солнечных чешуек.

Создавая всю эту красоту, природа заботливо припрятала в подземные кладовые свои сокровища — уголь и железную руду, редкие и цветные металлы, нефть и газ.

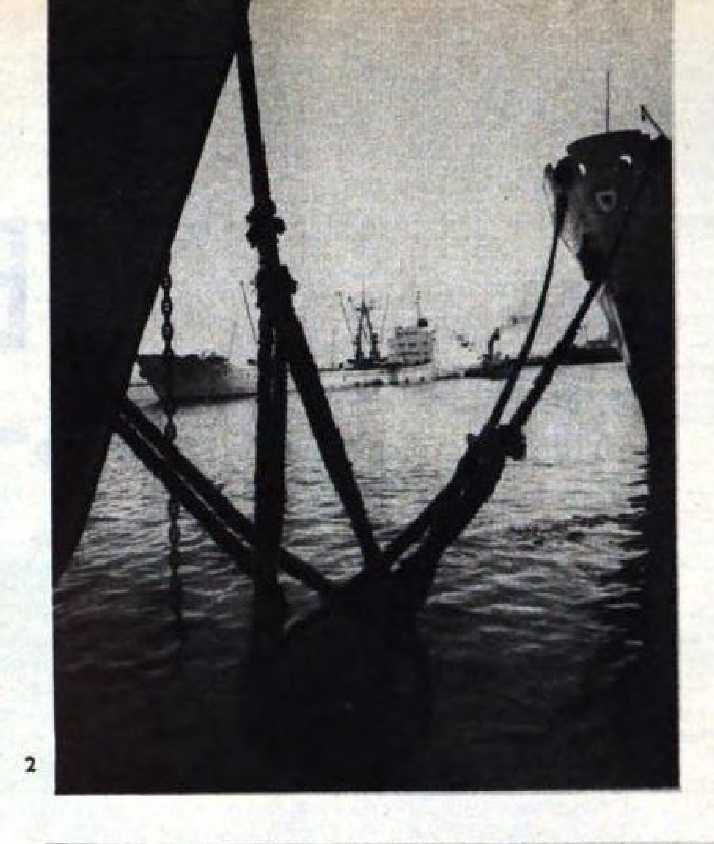
А населила она эту страну веселыми, упорными и работящими людьми. И какие бы суровые испытания ни посылала история народу Болгарии, он всегда выходил из них с честью. Его не сломили пять веков оттоманского владычества: болгары сохранили свою самобытность, обычаи, веру, язык, свою неистощимую жизнерадостность. На фашистский террор в годы царизма болгары ответили широчайшим партизанским движением, и в рядах бойцов плечом к плечу с рабочими и земледельцами сражались лучшие народные поэты.

Любо слушать в дни праздников звонкие, переливчатые болгарские песни, видеть, как, крепко взявшись за руки в широком хороводе, танцуют они свое веселое хоро́. И не менее радостно смотреть, как они трудятся в будни, как собирают виноград, плавят чугун, строят дома, создают точнейшие приборы и океанские корабли. Год от года расширяются экономические связи Болгарии, и число стран, с которыми она нынче торгует, перевалило уже за сотню. По всем дорогам Европы мчатся тяжелые грузовики. На них надпись «Болгария». Океанские просторы бороздят суда с красно-бело-зеленым флагом республики. И, сплошь сельскохозяйственная в прошлом, она выходит теперь по многим отраслям своей промышленности в число передовых держав Европы.

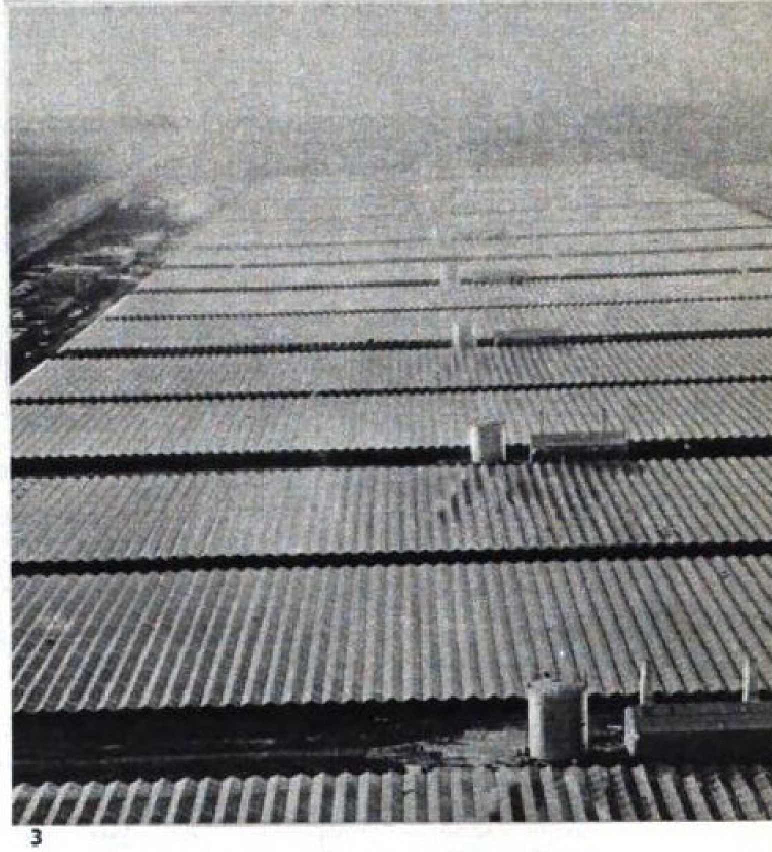
Преобразилось лицо страны. Рядом с полями и виноградниками встали корпуса заводов и вышки нефтепромыслов, пустынные берега Черноморья украсились воздушно легкими зданиями курортных комплексов.

А впереди новый труд, новые успехи на пути к прекрасному будущему. Так шагает Болгария в дружном строю братских стран социализма.

Счастливый путь тебе, Болгария!

2

3

1 На гербе Софии написано: «Растет, но не стареет». Старина и сегодняшний день прекрасно уживаются в этом солнечном городе.

2 От причалов Бургасского порта тянутся нити голубых дорог к далеким заморским странам.

3 А у села Званичево раскинулся под лучами щедрого солнца новый оранжерейный комплекс. Из этого стеклянного городка свежие овощи в ящиках с маркой «Булгарплод» расходятся в десятки стран.

4 Софийский завод пластмасс «Народная республика» выпускает изделия для широкого потребления — дамские сумки, папки, обложки блокнотов, шприцы, ванны для купания ребятишек и множество других предметов, столь необходимых людям в повседневном быту. Интересно работать на этом заводе!

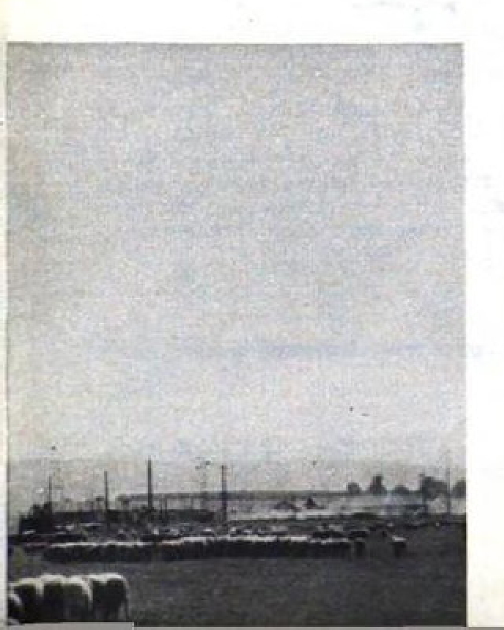
5 Новое в пейзаже Придунайской долины.

6 Для новостроек республики требуется много цемента. У села Златна Панега сейчас возводятся корпуса еще одного цементного завода.

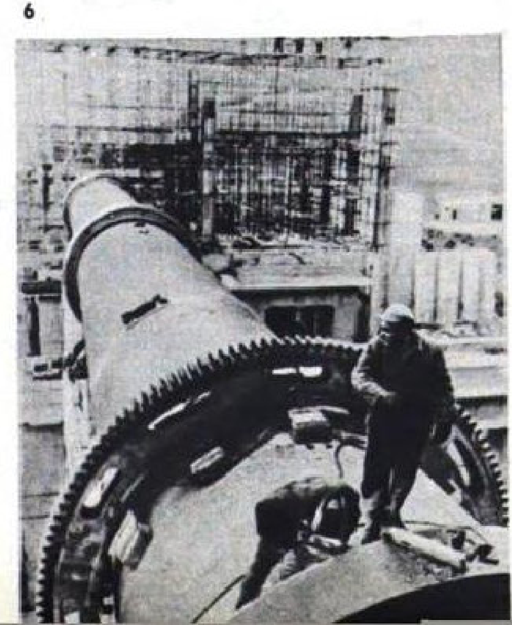
7 В Софии, в парке Свободы, высится монумент, увековечивший героизм борцов за новую Болгарию.

8 Ребятишек со скрипками, аккордеонами, виолончелями вы встретите и в Софии, и в Варне, и в каждом селе: музыку тут любят.

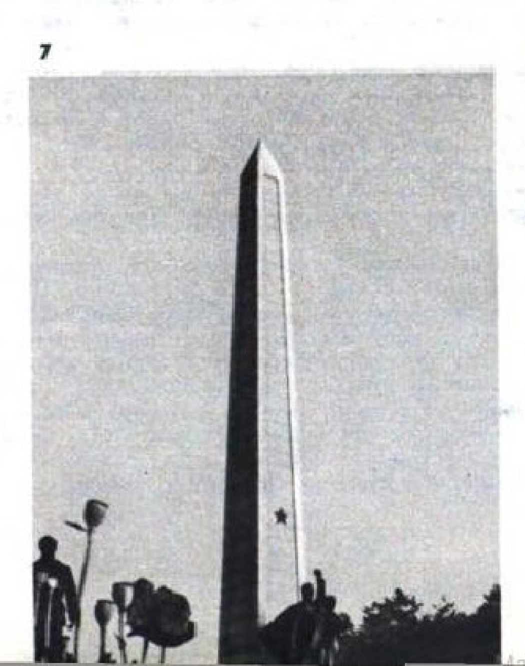
СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, БОЛГАРИЯ!

6

7

8

Ян СУДРАБКАЛН,
делегат XXIII съезда КПСС

ТВОРЦЫ, СТРОИТЕЛИ...

Трудно найти в мире человека, который бы не знал такого звучного и певучего слова: Москва.

Седой Кремль. Мавзолей Ильича. Столица первого в мире социалистического государства. Москва.

Средоточие самых громадных наших дел и наших планов. Москва.

Прославленный, особо почитаемый и хлебосольный город. Центр многих международных съездов и конгрессов, встреч. Родина исторических начинаний. Москва.

Иностранцы из самых отдаленных краев Земли охотно едут сюда. У некоторых, быть может, все иные соображения пересиливает любопытство: хочется увидеть самому, как там живут коммунисты. Других влекут драгоценные, неоценимые чувства, которые дарит своим гостям Москва,— дружба, свобода, братство. В Москве законы дружбы становятся почти физически ощутимыми. Они в добрых улыбках москвичей, в их будничных делах, ими словно пронизан московский воздух, наполнены московские площади, московские парки.

Чувство свободы и братства — лучший московский сувенир, частица исторического завоевания советского народа, которую увозит из столицы нашей страны каждый зарубежный друг.

Свобода и братство... Высокие эти слова провозглашались, как известно, в свое время французскими революционерами, но не облеклись те слова в живую плоть и кровь. Ими швыряются с циничным бесстыдством денежные тузы и атомные магнаты, давние колониальные владыки и недавние фашисты.

Сегодняшняя Африка оказалась без образованных национальных кадров, потому что ни англичане, ни французы, ни испанцы, ни кто-либо другой в своих колониях и не думали заботиться о просвещении, о школах для африканцев. На миллионы и сотни миллионов людей, имеющих свою историю и древнюю культуру, колонизаторы глядели свысока, с презрением. Чем темнее народные массы, чем они беднее материально и духовно, тем более они пригодны для подъяремного труда, тем легче прибрать к рукам несметные богатства их земель — такова психология империалиста. Оскорбляет каждого честного человека жестокость, алчность, ханжество американских и других «культурных бизнесменов». Зверства, чудовищные преступления, которые совершает во Вьетнаме американская военщина, не останутся без наказания. Люди земного шара никогда не забудут о злодеяниях Пентагона. Не забудут и не простят.

Свобода и братство... Слова эти обретают силу и подлинный смысл, когда становятся выражением законов жизни народов и целых стран, высоко поднявших знамя коммунистических идей. А силу коммунистических идей, коммунистического гуманизма и коммунистической непримиримости к поработителям знают во всем мире. И знают, что первая на Земле страна, где человек перестал порабощать человека,— это Страна Советов.

К ней, к Стране Советов, к столице Советского государства планета снова обращает сегодня свои взоры. 29 марта в Москве откроется XXIII съезд нашей партии. Москва, революционная, рабочая, трудовая, принимает лучших своих соотечественников, которым коммунисты страны доверили наметить дальнейший путь вперед, в будущее. Принимает столица и своих дорогих зарубежных гостей, товарищей по убеждениям. В Кремль протянулись все золотые нити нашей дружбы, неблекнущие и нержавеющие.

Принимает братьев, друзей, дорогих своих товарищей Москва русская, российская, исконный город старшего брата. Всему миру известно, что так наша многонациональная семья величает русский народ. И не потому только, что ростом, силой и статностью он щедро отмечен, не потому, что земли его не окинешь взором ни с горной вершины, ни с поднебесья, а и по многим другим важным причинам. И среди этих многих есть одна: никто во всем мире не отдал борьбе за справедливость, за наше коммунистическое будущее столько сил, самоотверженности и жизней лучших своих сынов, как народ русский.

Поэтому Москва — наша общая столица. Поэтому в Москве собирается съезд коммунистов страны, на котором закладываются основы наших будущих исторических дел.

Мы крепнем, растем, мужаем. У нас очень много забот, планов, замыслов, трудностей. Может, не всегда нам удается быстро преодолевать препятствия на пути. Но нам ясны наши цели, мы знаем, к каким вершинам устремлена наша Родина, которая навеки стала для каждого из нас близкой, бесконечно прекрасной, ничем не заменимым нашим домом в одну шестую часть земной суши. Он обжит за полвека основательно, и умом и сердцем, правдиво и вдохновенно оценен и освоен и потому дорог нам безмерно и вечна наша любовь к нему. Этот наш дом, от недр земных и пучин морских до лунных и звездных высот, этот замечательный дом, первый такой в истории, каждый с гордостью называет Советским Союзом. И каждый из нас несет свою любовь и признательность его мудрому руководителю — Коммунистической партии.

У нашей партии и нашего народа богатая и героическая история, история становления многонационального Советского государства, сильного своим единством. Нет среди советских народов столь малого и неприметного, которому не нашлось бы ни одного великого дела в строительстве нового мира. Не могу, разумеется, знать, какие мысли и чувства волновали, скажем, большевистских делегатов социал-демократии Латышского края на съездах партии в царское время в Лондоне или Стокгольме, но их несказанно радовало и укрепляло деловое единство с соратниками в общей святой борьбе против царского самодержавия и прибалтийских баронов, помещиков всех мастей.

Годы шли. Октябрь раскрепостил все народы бывшей российской империи, и один за другим выходили они из сумерек, из долгой ночи, где прозябали в бесправии и нищете. И оказалось, что все они способны к славным подвигам. Появились поэты и ученые даже у малейших из малых народностей, которым иные сострадательные друзья предрекали неминуемую гибель.

Москва, русская до мозга костей, Москва, интернациональная тоже до мозга костей, приветствует ныне в обновленном и сохранившем всю свою чудесную старинность Кремле братьев советской семьи и зарубежных гостей. Верная заветам Маркса, Энгельса, заветам Ленина, столица радушно, горячо встречает посланцев далеких стран и близких соседей, демонстрируя нетленную свою дружбу, верность единству международного рабочего движения.

На этом единстве основано содружество, самое тесное сотрудничество братской семьи советских народов. Не стоит долго говорить об этом. Чтобы привести пример, не надо рыться в памяти. Москвичи высоко оценили достижения художников Прибалтики, работы которых были представлены в самом большом выставочном зале страны. Я говорю об этом как о событии буквально последних дней. Трудно переоценить многолетнюю кропотливую работу большой армии переводчиков, открывших каждому из наших народов жемчужины литературы их собратьев. И вот мы читаем мудрую прозу, вдохновенную поэзию народов Средней Азии, Крайнего Севера и Дальнего Востока, Дагестана, Кавказа и Прибалтики, Карелии и Молдавии, Украины и Белоруссии.

...Я думаю о Москве, я вспоминаю шумные ее улицы, бурлящие людским водоворотом. Мне кажется, что я вижу, как опускается вечер на Красную площадь, как загораются алые звезды Кремля, как вспыхивают ярким светом длинные прямоугольники окон Дворца съездов. Я думаю о громадной нашей стране и о Коммунистической партии — партии революционеров и строителей, отважных солдат и талантливых поэтов, о партии несокрушимого братства.

В. Серов. В СМОЛЬНОМ.

В. Серов. ДЕКРЕТ О МИРЕ.

Ф. Н. ПЕТРОВ,
Герой Социалистического Труда,
член КПСС с 1896 года,
делегат XXIII съезда КПСС

Ф. Н. ПЕТРОВ, (1915 год).

НЕЗАБЫВАЕМОЕ...

Шел уже седьмой год моего заключения в Шлиссельбургской крепости, когда сквозь стены казематов и одиночных камер дошли до нас вести о начале первой мировой войны. Помню, какие жаркие, непримиримые разгорелись у нас споры: как относиться к этой спровоцированной капиталистами бойне. Мы, большевики-шлиссельбуржцы,— а среди нас находился тогда и Серго Орджоникидзе — с пылом молодости и убежденностью твердо отстаивали ленинский лозунг на поражение царского правительства в той глубоко враждебной народу войне, на превращение империалистической войны в гражданскую.

...Прошло полвека. Беспощадное время многое стерло в памяти, сделало менее яркими и объемными некоторые страницы минувшего. И тем более велика теперь моя признательность искусству за его чудесный дар возвращать нас снова и снова к незабываемому времени. Когда прихожу я на художественную выставку, то с повышенным интересом и невольной тревогой пристрастно вглядываюсь в картины, посвященные тому великому времени. Какова мера правды картины? Каково душевное напряжение, истинность прозрения художника, рисующего Революцию?.. Ведь была пора, когда случалось, что огромного размера холсты, золоченые лепные рамы и пышная театральность композиций подменяли суровую правду.

Сегодня же, когда хожу я по просторным залам выставок наших художественных экспозиций, то часто мое сердце старого подпольщика, политкаторжанина, красного партизана радуется, что все больше и больше полотна советских художников говорят о жизни людей труда, об их буднях и праздниках и вместе с тем все правдивее повествуют о незабываемых страницах истории Родины.

И я давно уж приметил, что простое, ясное, правдивое и умное слово в живописи куда больше волнует и сильнее убеждает, чем показная броскость, выспренность или трескучая, чисто внешняя модность. Однако такая правда искусства, сдержанная, порой и суровая, дана немногим.

...«Декрет о мире» Владимира Серова. Как удалось этому далеко не старому человеку, выросшему уже после Октября, вернуть меня в то далекое, бесконечно дорогое мне время? Художник, как бы заглянув в душу только нескольких солдат, сумел передать неповторимое чувство взволнованности, что охватило солдатскую массу, услышавшую слово Ленина.

Сдержанна, строга палитра художника, не бойка и не эффектна его кисть. Порою даже слишком скупыми могут показаться краски его картин. Но зато как глубоко, психологически тонко и точно сумел мастер раскрыть сложнейшую гамму чувств, переживаемых фронтовиками! Я не искусствовед, но не могу не увидеть здесь продолжения традиций русского реалистического искусства XIX века...

...«Декрет о земле».

Глубокая осень 1917 года. Разруха. По деревням — безлюдье и голод... И вот в одну из таких дальних, «забытых самим богом» русских деревень пришел питерский рабочий-большевик. Ленинское слово принес он крестьянам — Декрет о земле.

И снова охватывает меня ощущение достоверности происходящего, когда смотрю я на картину. Художник как бы сам присутствует на сходке и слушает так же внимательно, вдумчиво, как и герои его картины, каждую ленинскую строку...

«Ждут сигнала»... Бойцы революции готовы к штурму. Сейчас грянет сигнал—залп крейсера «Аврора», и народ навсегда сметет с лица земли засевшее в Зимнем дворце буржуазное Временное правительство...

В те далекие, ставшие легендарными дни я, отбыв срок каторги в Шлиссельбурге, находился в ссылке — в Сибири. Но и находясь в этой несусветной по тем временам дали, мы, большевики, ждали этого сигнала из Питера с тем же нетерпением, со всем накалом духовных сил. Ждали...

Ждала вся Россия. И затаив дыхание весь мир следил за событиями в Петрограде. Здесь, в северной столице, загоралась заря новой эпохи в истории человечества.

Ленин... Сколько я ни произношу это имя и сколько ни доводилось мне писать или рассказывать о своих встречах с Ильичем, каждый раз я волнуюсь, проникаюсь чувством трепета от сознания невозможности словами рассказать об этом самом простом и самом великом человеке.

...Первая моя встреча с Владимиром Ильичем — 1900 год. Произошло это событие в небольшом доме одного из арбатских переулков, на квартире Дмитрия Ильича Ульянова, брата Ленина. И так врезался мне в память, вошел в душу тот вечер и невысокого роста человек с живыми карими глазами, его решительная, точная речь, что и два года спустя, прочтя в «Искре» статью «Политическая агитация и «классовая точка зрения», под которой не стояло никакой подписи, я сразу узнал, что ее автор — Ленин. Жизнь усилила, углубила, наполнила новым содержанием первое впечатление...

«Ходоки у Ленина», «Выступление В. И. Ленина на II Всероссийском съезде Советов», «С Лениным», «В Смольном»... Картины В. А. Серова, в которых художник снова и снова возвращается к своей любимой, ставшей главной в его творческой жизни теме. Мне хорошо помнится недавняя большая выставка работ В. А. Серова на Кропоткинской улице, где из сотен созданных художником полотен большинство было посвящено Ленину. Почему и как это произошло, становится понятным, если заглянуть в воспоминания самого В. А. Серова о его детских годах.

«...Я очень хорошо помню, как сейчас,— пишет Владимир Александрович,— день, когда впервые увидел изображение Ленина.., причем мне он уже был дорогим и близким человеком, потому что это имя в нашей семье произносилось давно с большим уважением и почтением. И вот однажды мне отец сказал, что к ним в исполком пришли открытки с изображением Ленина. Я думаю, что я не спал в ту ночь... И вот на следующий день отец торжественно вынул из потертого портфельчика открытку и сказал: «Смотри, это есть Ленин!»... Не знаю, почему, потому ли, что я так много слышал о Ленине, потому ли, что я был буквально влюблен в эту человеческую фигуру по рассказам отца, или потому, что даже на этой малоудачной фотографии вся ленинская красота покоряюще убеждает, но я был буквально влюблен в это лицо... Это лицо мне казалось редкостным... Потом я стал искать все, что относилось к изображению Ленина... У меня собралась целая коллекция изображений Ленина... Мой отец поощрял любовь к Лениниане... Это уже была страсть, которая захватила меня на всю жизнь».

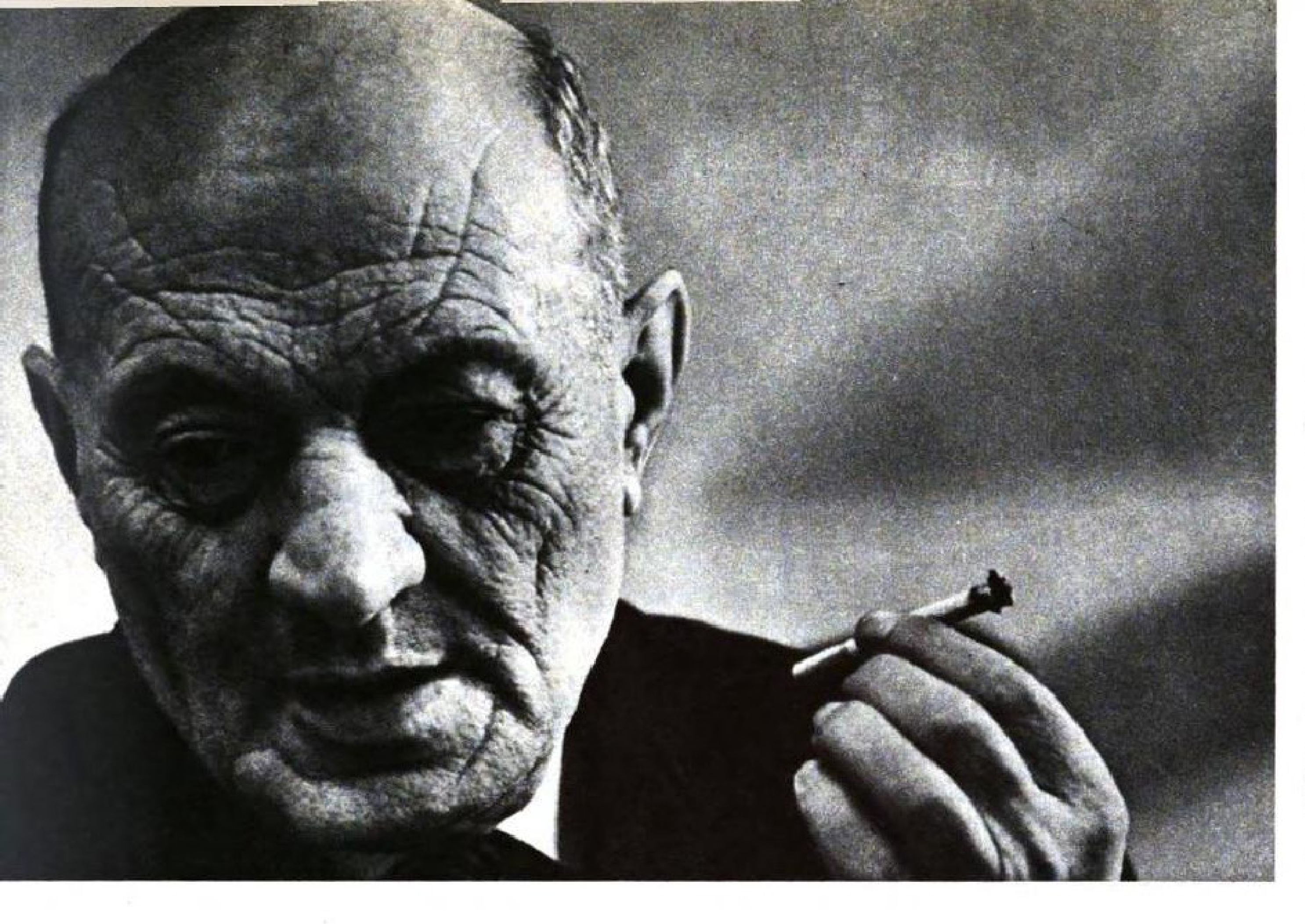
Да, именно так: это страсть, захватившая художника на всю жизнь!

В этом номере всего одна из картин серовской Ленинианы. Она переносит нас в незабываемые дни взятия народом власти. Глядя на полотно, я словно снова вместе с солдатами, моряками, рабочими в беломраморном Смольном слушаю затаив дыхание вождя... Но особое волнение охватывало меня, когда доводилось мне на выставке, в музее видеть современника — юношу или девушку, с таким же волнением вглядывающегося в дорогие черты Ленина, в образы своих отцов и дедов, свершавших Революцию. Я чувствовал тогда: художник сделал много, очень много.

Я ветеран величайшей из революций, старый человек, которому теперь уж без трех месяцев девяносто лет, но, однако, я, как и все люди, до сих пор люблю и весну, и цветы, и звонкий смех детей. Я знаю, что людям, как воздух, нужны яркие натюрморты, пейзажи, картины, в которых цветет сама жизнь. Но я, может быть, даже лучше, чем кто бы то ни было из живущих, знаю, какой крови, какого пота, каких страданий и подвигов стоило это мирное цветение нашей страны. И именно поэтому я люблю суровое, правдивое искусство Владимира Серова.

Мне нравится не только само искусство, творимое художником, но и его неуемное трудолюбие, требовательность к себе. Он достиг многого, но чувство успокоения, довольства собой чуждо мастеру.

«Художник, который влюблен в то, что он сделал,— говорит Серов,— может совершенно спокойно поставить на себе крест: как только художник успокоился и решил, что он все постиг, все свершил, можно с полной уверенностью сказать: процесс его развития закончился и в творческом отношении ждать от него нечего».

любимое поле

Марк БАРИНОВ

Фото М. Савина.

Знаете ли вы, что каждый второй стакан чаю вы пьете с сахаром, который производится из свеклы рамонских сортов? Знаете ли вы, что Рамонь — небольшое местечко под Воронежем — называют сахарной столицей? И не потому совсем, что там сосредоточены гиганты сахарной промышленности...

Дорога длиной в сорок лет

ВНИИСС — Всероссийский научно-исследовательский институт сахарной свеклы и сахара. Институтские корпуса, парк, служебные помещения, теплица, а по другую сторону дороги — жилые двухэтажные дома, гостиница, почта... Да, не узнал бы принц Ольденбургский бывшую свою экономию, на земле которой в 1922 году начинался научный центр!

По аллее, обсаженной вековыми деревьями, я иду к человеку, трудами и заботами которого так много создано здесь, в институте,— к Герою Социалистического Труда, лауреату Государственных и Ленинской премий академику ВАСХНИЛ Аведикту Лукьяновичу Мазлумову.

Какой он? У него лицо крестьянина. Глубокие морщины, загар, не сходящий даже зимой, темные глаза и неожиданная улыбка. Очень скромно, предельно просто обставленный кабинет.

— Сколько лет вы работаете в Рамони?— задал я первый вопрос.

Аведикт Лукьянович закурил, улыбнулся.

— Однажды я выступал перед молодыми агрономами и рассказал им, что работаю тут, в Рамони, уже сорок лет. И вдруг слышу, одна девушка говорит соседу: «Сорок лет сидеть на одном месте — с ума сойти можно!» Она думала, я не услышу...

Я ответил ей. Если сорок лет сидишь на одном месте и служишь без вдохновения, можно сойти с ума. Но если сорок лет РАБОТАЕШЬ, трудишься на любимом поле, время летит незаметно!

...Будем точны. Не сорок, а сорок четыре года тому назад пришел во вновь организованную селекционную станцию молодой студент Воронежского сельскохозяйственного института Аведикт Мазлумов. Руководитель станции профессор Якушкин сразу предупредил молодого человека, что легкой жизни здесь не будет.

Было все. Тяжелый труд в поле, где Мазлумов исполнял обязанности простого рабочего; ночные занятия при коптилке, в избушке, где он жил; тридцатикилометровые пешие марши в Воронеж на зачеты в институт... Но легкой жизни — точно — не было.

И. В. Якушкин присматривался к молодому помощнику. Он часто говорил ему, что селекционером может стать лишь тот, кто готов всю жизнь свою отдать этому сложному, очень тонкому и кропотливому делу. Наградой за труд могут быть новые сорта растений, новые сотни тысяч центнеров сахара, которые ученый подарит народу, а может, не будет и никакой награды, кроме сознания честно исполненного долга.

Ведь недаром говорят, что селекционер до 30—35 лет только учится, получает практический опыт. Сколько же остается ему на работу? Лет двадцать пять... А что он успеет за это время? Ведь формирование сорта—дело восьми, десяти, а то и всех пятнадцати лет...

Работа была тяжелая, учеба трудная. Мазлумов к тому же ухитрялся еще играть в футбол с деревенскими парнями, освоил местную рыбалку, страстно увлекался шахматами — тренировал мозги, как он говорил. Огромный заряд энергии нес в себе этот человек.

...Что такое селекция свеклы? И для чего это нужно?

Двести лет назад ее сахаристость составляла всего 5—6 процентов, а теперь — 18—20 процентов. Это результат селекции.

В те годы, когда образовалась станция в Рамони, Воронежская область была восточной окраиной промышленного свеклосеяния, а сама станция, так сказать, на переднем крае восточного сахарного фронта. А теперь, сорок лет спустя? Рамонские сорта Мазлумова выращивает Урал и Сибирь, Средняя Азия и Дальний Восток. Засухоустойчивые, морозоустойчивые, сахаристые, урожайные, не боящиеся болезней сорта — вот что такое селекция.

Их пятьдесят, рамонских, мазлумовских!

Только прогулка...

В 1924 году Мазлумов поехал в Козлов к Мичурину.

— Он был очень строг,— рассказывает Аведикт Лукьянович,— неразговорчив, быстро шел со своей палочкой мимо тысяч, десятков тысяч саженцев и указывал палкой то на один, то на другой, отбирал их для дальнейшей работы.

Вернувшись домой, Мазлумов решил изучать свеклу в течение всей ее жизни — от семени до семени. С этого времени начались его знаменитые ежедневные про-

гулки на поля. Прогулки с неизменной записной книжкой, куда он заносит свои наблюдения. Прогулки, которые продолжаются вот уже сорок с лишним лет...

Однажды весной — это было в 1926 году — Мазлумов выделил на участке фабричной свеклы 50 тысяч лучших растений. Нарубил в лесу целый воз веток, наделал из них колышков и воткнул их возле каждого ростка. 50 тысяч колышков!

Во время своих прогулок Аведикт Лукьянович внимательно осматривал маленькие росточки свеклы. Он заметил: одни растения не выдерживают полдневной жары, никнут листьями, другие бодро сопротивляются солнечным лучам. Значит, те, что никнут, слабее. Значит, долой колышки, что стоят возле них. На следующий раз он опять замечает изъяны в других растениях, и опять долой колышки. Словом, к концу лета на поле у Мазлумова были отмечены только самые крепкие, лучше всего показавшие себя в период роста экземпляры. А потом, когда корни были выкопаны, он провел лабораторный анализ на сахаристость и снова отбраковал больше половины.

На следующий год высадил отобранные корни на специальном участке. Так рождался сорт...

Полученные семена Мазлумов отправил на государственные сортоиспытания. Очень волновался, но все-таки отправил.

Результаты испытания объявляли в торжественной обстановке в Киеве. Атмосфера была напряженная, волновались все. Испытания проводились так, что ни жюри, ни сами селекционеры до последнего момента не знали, чьи семена скрываются за цифровыми шифрами.

Аведикт Лукьянович с улыбкой признался, что от волнения и страха он забрался тогда на самую галерку: ведь позор, если рамонский сорт окажется на последнем месте!

И вот наконец стали называть шифры и имена представителей. Называют, называют, а «Рамони» все нет! Нет «Рамони», и неизвестно, чей это номер — 28-13, и замирает сердце молодого ученого. И вдруг как гром — № 28-13, Рамонская селекционная станция — первое место. Это был триумф! Победа ученого и его такого простого, но такого неоспоримого метода: полное, всестороннее изучение растений, определение их качеств в течение всего периода развития.

«Р-28-13» стала основой, фундаментом наступления рамонских сортов свеклы в нашей стране и во всем мире.

Дела и дни сахарной столицы

Много лет прошло с тех пор. Много, очень много успел сделать Аведикт Лукьянович Мазлумов вместе со своими друзьями и помощниками.

— Селекция,— говорит Аведикт Лукьянович,— это прежде всего порядок, стройность. Если этого нет, то трудно пользоваться селекционными богатствами и особенно трудно их отыскивать.

Ученый должен прежде всего верить тому, что делается вокруг. Один он объять необъятное не может. Верить же он может только правде, а правда является результатом дружной и точной работы и, конечно, научной добросовестности, которая ставит выше всего истину.

В предутренних сумерках в кабинете светится настольная лампа. Академик склонился над колонками цифр, взятых из записной книжки. В левой руке дымится неизменная «Краснопресненская». Возле приоткрытой двери на коврике стоят калоши. Калоши на месте — сотрудники знают: академик работает. Никто в эти часы не тревожит Аведикта Лукьяновича. Потом калоши исчезают. Начинается утренняя прогулка. Академик медленно идет аллеями института, опираясь на свою старую палочку. Думает, отдыхает. Это — тоже святое время, тут тоже никто не тревожит Мазлумова.

А потом он возвращается, идет по лабораториям. Идет медленно, как по полям. Один взгляд, короткая фраза — и дальше. Он уже в теплице, строго, внимательно осматривает ростки свеклы, зеленеющие здесь под мощными лампами...

Давно ушли в прошлое примитивные способы селекционеров. Все новое, что может дать наука сельскому хозяйству, поставил на службу делу академик Мазлумов.

Тетраплоиды, триплоиды. Дело серьезное. Новое, многообещающее. Речь идет о новейших методах генетики и селекции.

Селекционерам нужны все время новые и новые виды растений для новых отборов урожайных и сахаристых сортов. А откуда их взять? И тут приходит на помощь генетика — наука о наследственности организмов. В клетке каждого живого организма имеются хромосомы — носители наследственных признаков. Генетика открывает возможности ученым изменять количество хромосом, расшатывать наследственность, создавать организмы — будь то животное или растение — с совершенно новыми свойствами.

Сегодня, когда селекционеры вооружены новейшими достижениями науки, институт очень большое внимание уделяет новому методу, который получил название полиплоидии. Существует специальная лаборатория полиплоидии, которой руководит молодой помощник Мазлумова Айдын Михайлович Юсупов.

Обычная свекла — диплоид — имеет в клетках набор хромосом числом 18. А вот если обработать ее семена или ростки химическим веществом колхицином, возникает тетраплоид — растение с двойным набором хромосом — 36! А метод изменения числа хромосом в клетке и называется методом полиплоидии. Селекционеры скрещивают обычную свеклу — диплоиды с полученными тетраплоидами — и получают новый высокопродуктивный гибрид — триплоид. Сочетание генетики и селекции! Триплоиды дают урожай значительно выше эталона!

В институте идет четкая, точная работа. Закладываются новые номера (пробы новых сортов), проверяются другие, анализируются результаты... Сколько еще дополнительных сотен тысяч тонн белого вкусного сахара подарят стране эти люди!

Страницы нашей жизни

Максим ТАНК

Сад

Сад отряхнул давным-давно
ранеты и антоновки,
росу,
и шорохи листвы,
и пересуды птичьи,
но все равно в пустом саду
еще остался для меня
деревьев обнаженных шум
и легкий босоногий след
далекой юности моей.
А ведь это
не так уж много.

Еще остался посвист пуль,
стук тяжких кованых сапог,
звон заступа
и тишина
на перекличке в час победы.
А ведь это —
не так уж мало.

Перевел с белорусского
Григорий Куренев.

Анатолий ЩЕРБАКОВ

Звездные мастера

Да, работу любим мы такую
И не знаем лучшей для души:
Корабли монтируем,
стыкуем,
Как велят нам это чертежи.
И совсем не тянет к перекуру —
Все глядят, скрывая торжество...
Так художник смотрит на скульптуру,
Долепив героя своего!
Как ядро кометы, обтекаем
И надежен, как сама Земля,
Звездолет стоит,
по вертикали
Словно башня Спасская Кремля.
Он степные озарит окраины;
Орбитальный завершив полет,
Он вернется, черный от окалины,
Гул могучий на холмы прольет,
Шевельнет антеннами своими,
В ковылях рассеет сизый дым,
И еще одно земное имя
Станет миру близким и родным!

Леонид ЛАПЦУЙ

Тропинки

Где б я ни бодрствовал,
Где бы ни спал,
Я вижу тебя,
Мой далекий Ямал.
Я вижу тебя
Наяву и во сне,
Дыханье твое
Пламенеет во мне.

Строкою и песней
К тебе я спешу,
Я имя твое
В моем сердце ношу.
Нет, я не живу
От тебя вдалеке.
Озера — глаза твои —
В каждой строке.

Как девичьи косы,
Тропинки сплелись.
Тех юрких тропинок
Считать не берись.
И связаны ненцы
С тропинкой любой
Старинной любовью,
Старинной судьбой.
Тропинка
Арканом забытым лежит,
Морщинкой на лбу
Вдоль оврага бежит,
Ведет в кладовые,
Где держит Ямал
Для крыльев своих
Драгоценный металл.

И вот и другая тропинка,
Гляди!
В полярный простор
По тропинке иди:
Там уголь одет
В ледяную кору,
И газ, как лисица,
Там роет нору.

Шагаю по тропкам
В родимых местах.
Плутаю в снегу,
Утопаю во мхах.
Но, как бы метель
Ни сбивала с пути,
Родной уголок
Я сумею найти.

Так вьюгам назло
И морозам назло
Найдет мое сердце
Любовь и тепло.

Перевела с ненецкого
Н. Грудинина.

Николай АСАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Рисунок П. Пинкисевича.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ:

Дорогу осиливает идущий

Нет, очарование осталось...

Оно проникало в сознание Чудакова медленно, однако Ярославу все чаще хотелось увидеться с Алексеем, поспорить с ним, послушать его. Постепенно он стал своим человеком в доме Алексея, где старый учитель физики — с таким же, как у Алексея лицом, похожим в профиль на зубцы пилы, только большой, какой плотники пилят бревна на тес,— доживал свой век, потеряв веру в свои знания. Тяжелое доживание!

И в доме Чудакова Алексей тоже постепенно становился своим. Этому предшествовали долгие споры с Аннушкой, даже ревность Аннушки: выяснилось, что новая дружба требует не меньше сил и времени, чем любовь.

Зато «информация», которую так любил собирать Чудаков, оказывалась все полнее и полнее. И можно было ставить самый главный вопрос: как этот юноша, от природы, казалось бы, приспособленный только к музыке, болезненный, даже хилый, как этот юноша вдруг проник в совершенно иную область, в которой все было так зыбко, неустойчиво, где еще только познавались новые законы природы, а ошибка могла стать последней в жизни, как у минера во время войны...

А ведь было в юности Алексея Горячева время, когда он жил тихо и мирно, во всем подражая своему отцу. У отца был спокойный и постоянный мир, и старый учитель с совершенной точностью отвечал своим десятиклассникам, как этот мир устроен, если они были достаточно любознательны, чтобы задавать такие вопросы.

Все, видимо, началось со взрыва атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. Не эти ли взрывы вдруг перевернули мироощущение многих взрослых, а юношей, только что начавших изучать вечный, постоянный, неизменный мир, толкнули толпами в новую науку — атомную физику, в новый мир, который именно им надлежало теперь приводить в порядок, открывая новые законы взамен низвергнутых? В сущности, все революции делают молодые, а разве новая наука не сломала все старые представления о физическом мире вокруг нас?

До сих пор мир был неделим и неразрушаем. Хитроумная природа построила его из мельчайших кирпичиков-атомов. И каждый атом представлял некую копию видимого мира. В каждом атоме находилось ядро, подобное Солнцу нашей Галактики, а вокруг этого ядра двигались электроны, похожие, в сущности, на ничтожно малые планеты. И каждый вдумчивый человек мог понять и представить, что от малого до великого один шаг.

Отец Алексея так и не примирился с крушением этого уютного мира. Он был странным человеком. Он просто перешел преподавать в восьмые классы, где школьники изучают классические законы механики. Он был упрям и считал, что если факты нарушают покой души, лучше этих фактов просто не замечать. Испытывая страх, как и все люди Земли, перед атомной, а позже водородной бомбой, он практически остался верен уютному и целостному миру неделимого атома.

Алексей родился в 1933 году, когда несколько ученых уже сделали все необходимое, чтобы ядерная физика стала реальностью. Правда, эти ученые были, в сущности, одиночками, и каждый из них с трудом усваивал идеи другого. Еще в меньшей степени представляли они будущее своей науки.

В 1945 году Алексею исполнилось двенадцать лет. Грибообразное облако атомного взрыва, разрушившего Хиросиму, словно бы повисло и над его школой в Краснопресненском районе.

Незадолго до этого Алексей, хрупкий, длиннорукий мальчик со светлыми волосами, причесанными на косой пробор, вдруг осознал, что в его мир вошла музыка. Не та, с которой он еле справлялся, отбивая длинными пальцами бесконечные упражнения на пианино, а другая, могучая, высокая музыка Баха и Бетховена, Чайковского и Мусоргского.

На осенних экзаменах в подготовительном классе музыкальной школы Алеша Горячев был признан одним из самых талантливых абитуриентов. И хотя ему было уже двенадцать, а настоящие музыканты, как известно, в пять или шесть лет являются вундеркиндами — смотри биографические издания из серии «Жизнь замечательных людей»,— Алешу Горячева приняли в музыкальное училище.

И вдруг шестого августа, когда он с восторгом переживал каникулы перед полной переменой своей жизни, где-то далеко над японским городом распустилось гибельное облако атомного взрыва, какого еще не случалось на Земле, и тень этого облака легла на весь Алешин мир и на все его ощущения и надежды.

Дома отец, перечитывая в десятый раз скупое газетное сообщение, тяжко вздыхал. Алеша сидел за столом и вслушивался в комментарии отца. Трудно было представить, что одна бомба уничтожила целый город со всеми школами, концертными залами, учениками и учителями, музыкантами, композиторами. Как фамилия того японского дирижера, который приезжал в Москву незадолго до войны? Алеша в свои двенадцать лет знал довольно много о прославленных дирижерах современности. Но сейчас не мог вспомнить фамилию японца.

Отец сидел в кресле, вздыхал и снова упирался взглядом в газетное сообщение. Вдруг Алеша спросил:

— Значит, атом делится?

— Выходит, что да,— хмуро ответил отец.

— А разве ты этого не знал?

— И не желаю знать! — ответил отец.

— Но вот тут говорится о Марии Кюри-Склодовской, о самом Кюри, об их зяте, об Эйнштейне, о Ферми, ведь они все физики?

— Убийцы они, а не физики! — грубо ответил отец.— Выпустили духа из бутылки, а попробуй его теперь загнать обратно!

И то, что отец сказал такое об уважаемых ученых, показало сыну все величие и безмерный ужас нового открытия...

Газеты были полны высказываний ученых и очевидцев, показаний участников самого страшного преступления, направленного против ничего не подозревавших мирных людей, вся вина которых заключалась в том, что они подчинялись своим властям. Впрочем, среди погибших были и боровшиеся против властей: ведь от бомбы погибли и те, кто бастовал, кто устраивал заговоры, сидел в тюрьмах. Не было меры наказания, и не было ни снисхождения, ни пощады. Президент Соединенных Штатов Америки Трумэн узурпировал функции самого мстительного из богов — Иеговы и низвел огонь небесный на Хиросиму и Нагасаки, как некогда, согласно библейским преданиям, сам Иегова низвел огонь небесный на Содом и Гоморру.

Больше же всего потрясла мальчика высказанная кем-то из иностранных ученых идея о возможности возникновения неуправляемой ядерной реакции как следствия всех этих бессмысленных взрывов.

Алеша помнил пронзительное чувство жалости к самому себе и ко всему миру, которое неизбывно сопровождало его в те сентябрьские дни 1945 года. Порою, выйдя из

Продолжение. См. №№ 10—12.

дома, чтобы поскорее добежать до школы, он вдруг останавливался, вглядываясь в ломаную линию горизонта, открывающегося в пролетах улиц и площадей, и им овладевал страх, что вот сейчас это безмятежное утреннее небо расколется и деревья парка, птицы, собирающиеся на знакомом дереве к отлету, люди и здания, а главное, сам он, Алеша Горячев, ученик шестого класса, обратятся в ничто, в пепел. И рвущая сердце жалость к себе, к миру, которого он не успел еще узнать, вдруг выжимала из глаз слезы, и мальчик застывал отрешенно и скорбно, словно он уже стоял на кладбище мира и над этим кладбищем мелкими вихрями кружилась атомная пыль. Впрочем, ведь тогда не станет и атмосферы, значит, не будет и ветра, как же закружится пыль? Она будет лежать мертвым черным слоем или, может быть, понесется в беспредельной Галактике черным шлейфом за новой кометой, которая возникнет на месте бывшей планеты Земля.

К счастью, эти мрачные мысли внезапно проходили, спасительная жажда деятельности толкала мальчика вперед, он бежал в школу, возвращался к своим делам и интересам и на время забывал скорбь мира,

которая, выражаясь словами поэта, уже проложила трещину в его сердце.

Но отец, сначала с недоумением, а позже и со страхом, наблюдал, как меняются вкусы и интересы сына. Со стола, за которым Алеша готовил уроки и читал любимые книги, постепенно перекочевывали на книжную полку биографии великих музыкантов. Редко-редко присаживался сын к пианино, ровно на столько, чтобы сделать заданное упражнение. На столе и на полках появлялись все новые и новые книги со странными названиями: «Физика атомного ядра», «Элементарные частицы», «Квантовая теория», «Ниспровержение классических законов физики» и бог знает что еще. В те времена многие люди захотели хоть что-нибудь узнать о силе, принесшей одновременную гибель десяткам тысяч человек, и все, кто хоть немного понимал, а часто и те, кто ничего в этом не понимал, писали и издавали книги, брошюры, журнальные и газетные статьи, было бы только желание прочитать их. У Алексея это желание возникло.

В последние школьные годы Алексей принимал участие в нескольких ученических олимпиадах по физике и математике. Призовых мест он не занимал, но те, кто эти олимпиады устраивал или следил за ними, отметили для себя имя Алеши Горячева. Физика требовала своих пророков и учеников. В те времена даже в литературе возникали странные вопросы: «Кому мы передадим наше оружие?» Объяснялось это довольно просто: революция приближалась к тридцать пятой годовщине, ее зачинатели и участники старели, возникала естественная забота о наследниках.

Конечно же, и физики интересовались вопросом: «Кому мы передадим наше оружие и наши знания?»

Перед окончанием десятого класса у Алексея произошел памятный разговор с учителем музыки Павлом Николаевичем Графтовым.

Алексей не бросил музыку в угоду новому увлечению. К десятому классу он пришел с такими успехами, что Павел Николаевич заранее договорился в консерватории о прослушивании его лучшего ученика. Дорога открывалась прямая: концертные программы, филармония, ну, на крайний случай концертмейстерство с каким-нибудь хорошим исполнителем и уж как самая последняя ступень — преподавательская деятельность, аспирантура, редакция журнала по вопросам музыки или редактура в издательстве.

Вот эту-то широкую программу и предъявил своему ученику Павел Николаевич Графтов.

Павел Николаевич выглядел как полагается настоящему музыканту. В мягкой шляпе, в рубашке с отложным воротничком, под которым вместо галстука был повязан черный шелковый шнурок, в мягких туфлях с высокими гетрами, он поражал воображение учеников и манерами и одеждой. Да и лицо его под светлой мягкой шляпой внушало доверие выражением доброты и страстности. А когда он, сняв шляпу и отогрев дыханием пальцы, садился за рояль, когда руки его взлетали над клавишами так, словно они гнались за звуками, догоняли их, — в эти часы он был великолепен. И Алексей Горячев всей душой любил своего учителя, хотя и знал, что сам Павел Николаевич не стал ни дирижером, ни исполнителем, ни даже кандидатом искусствоведческих наук, редактором или критиком.

Разговор происходил в пустом классе после того, как другие ученики уже ушли.

Над нотными пюпитрами и ученическими столами нависла тишина. Рояль сумрачно темнел в углу, похожий на большое животное, утомленно привалившееся к стене для ночлега. Многие животные спят стоя, так же дремал и побитый, поцарапанный поколениями учеников рояль — добродушное, но отнюдь не прирученное существо. Алеша знал, как он бывает непокорен, если не показать ему сразу власть.

— Что же вы решили, Алеша? — с напускным оживлением спросил Павел Николаевич. Он только что провел четыре урока, ему хотелось тишины, но упрямый мальчик не желал ответить на прямой вопрос: пойдет ли он в консерваторию?

— Я хочу подать заявление в университет, на физико-технический факультет.

— Ну зачем вам это, помилуйте! — жалобно сказал Павел Николаевич. — Если бы вы были крепким, здоровым юношей, тогда, может быть, у вас и хватило бы сил на овладение этой наукой. Но ведь вы часто болеете, пропускаете занятия, выдержите ли вы университетский курс?

Графтов был прав. В последние школьные годы Алеша болел слишком часто. То ангина, то воспаление легких, то общая слабость. Военные полуголодные годы не прошли для него бесследно. Даже от занятий гимнастикой болезненного школьника освободили.

Но сам-то себя он не освобождал. Он отлично понимал, что если не переломит себя и свою хворость, то ни физиком, ни пианистом не станет. И пытался закалить себя, свою волю, свое довольно хилое тело. В десятом классе он «шел на медаль», как говорили однокашники.

Павел Николаевич снова повторил все свои аргументы. Упрямый ученик медленно покачивал головой: «Нет-нет-нет!» Павел Николаевич воскликнул:

— Но почему же тогда физико-технический? Вы кончаете школу с медалью. Идите туда, где медалистов принимают без экзаменов! Это позволит вам не отрываться от музыки.

Алексей смущенно улыбнулся.

— А если я хочу проверить свои силы и знания? Этот факультет новый. Там особые требования. Пусть они сами решат, гожусь ли я. Ну а если не примут, вернусь к вам...

— Но что вас привлекает в физике? После этих взрывов, после угрозы заражения воздуха от испытаний, после того, как физика стала подлинным бедствием для человечества, ваше намерение кажется мне просто безрассудным!

— Но ведь у медали есть и другая сторона: мирное применение атомной энергии...

— Ах, бросьте вы! — устало сказал Графтов. — Я расспрашивал. Кто-то из ваших прославленных теоретиков сказал по этому поводу довольно зловещие слова: «Человечество погибнет не от атомной бомбы, а от мирного применения атомной энергии. Отходы из реакторов — вот где лежит угроза...» Разве это не так?

— Ну, пессимисты бывают разные: и преувеличивающие опасность и не замечающие ее, — суховато ответил начинающий физик. Но, увидев дрогнувшие губы учителя, смягчился: — Я ведь только хочу попытать свои силы, Павел Николаевич. И потом я же сказал: если там у меня ничего не получится, я приду к вам.

— Боюсь, что у вас получится! — со вздохом ответил Павел Николаевич, вставая, и принялся надевать пальто трясущимися старыми руками. Алеша помог ему.

Но Графтов не забыл ученика. После каждых экзаменов в приемной комиссии нового факультета появлялась странная фигура музыканта. Его скоро стали встречать как своего: «Горячев — пятерка!»

После третьей пятерки Павел Николаевич больше не показывался ни на факультете, ни в доме Горячевых. Ученик изменил ему.

Но Алеша не забыл учителя. Получив студенческое удостоверение, он принес учителю бутылку вина и торт. Графтов сердито сказал:

— Я не девушка... К чему мне приношения?

— А я пока не научился пить коньяк! — напомнил Алеша.

— Прикажете рассматривать вашу бутылку как успокоительные капли? — спросил Графтов.

— Нет, как языческое жертвоприношение.

— От меня теперь ваша зачетка не зависит.

— Но мои знания зависят, — жалобно сказал Алеша.

— Я никогда не был силен в физике и математике, — холодно ответил Павел Николаевич.

— А я все еще слаб в музыке...

Это неожиданное признание вернуло Графтову всю его доброту. Но понять своего ученика он так и не смог. Однако побоялся спрашивать, зачем ему теперь музыка. Просто отодвинул немудрые дары Алеши, раскинул на пианино ноты Дебюсси, сказал:

— В прошлый раз мы остановились на творчестве «Могучей кучки». Теперь вам предстоит великое удовольствие понять экспрессионистскую музыку французов. Надеюсь, что в середине года мы сможем перейти к испанцам с их новой экстраполяцией музыки как духовного начала и с полным отрицанием чувственного. Прошу начинать!

Лицо его побледнело от волнения, он склонил голову, словно подставляя ухо под ливень звуков. И когда длинные Алешины пальцы заметались по клавишам, Павел Николаевич закачался в такт, вытягивая жилистую шею, теребя развязавшиеся концы шнурка-галстука, будто наблюдал, успевает ли догнать эти быстрые звуки его ученик.

Алексей делал все как надо. И доброе, благостное чувство постепенно все отчетливее проступало на лице Павла Николаевича. Он снова поверил в своего ученика.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:

Всякая дорога усеяна препятствиями

О святители новейшей физики, как давно все это было! Как быстро канули в прошлое наивная юность, любопытствующая молодость, чреда открытий и время откровений!

Вот о чем думал Ярослав Чудаков, лежа в своем «кабинете» на диване и прислушиваясь к журчанию голосов на кухне: там Аннушка кормила Ярослава Маленького. На статью Ивана Александровича Гиреева Аннушка взглянула только мельком, подала газету мужу и сказала довольно иронически:

— На-ка вот почитай, какой ты знаменитый! — И пошла на кухню, где шестилетний Ярослав Маленький громко и настойчиво требовал ее внимания.

Ярослав Большой потянулся было к ней — он тоже жаждал ласки и ревновал Аннушку к Ярославу Маленькому, но тут его взгляд упал на развернутую газету, уловил знакомое имя автора, и рука сама собой схватила газетный лист.

Да, это было признание!

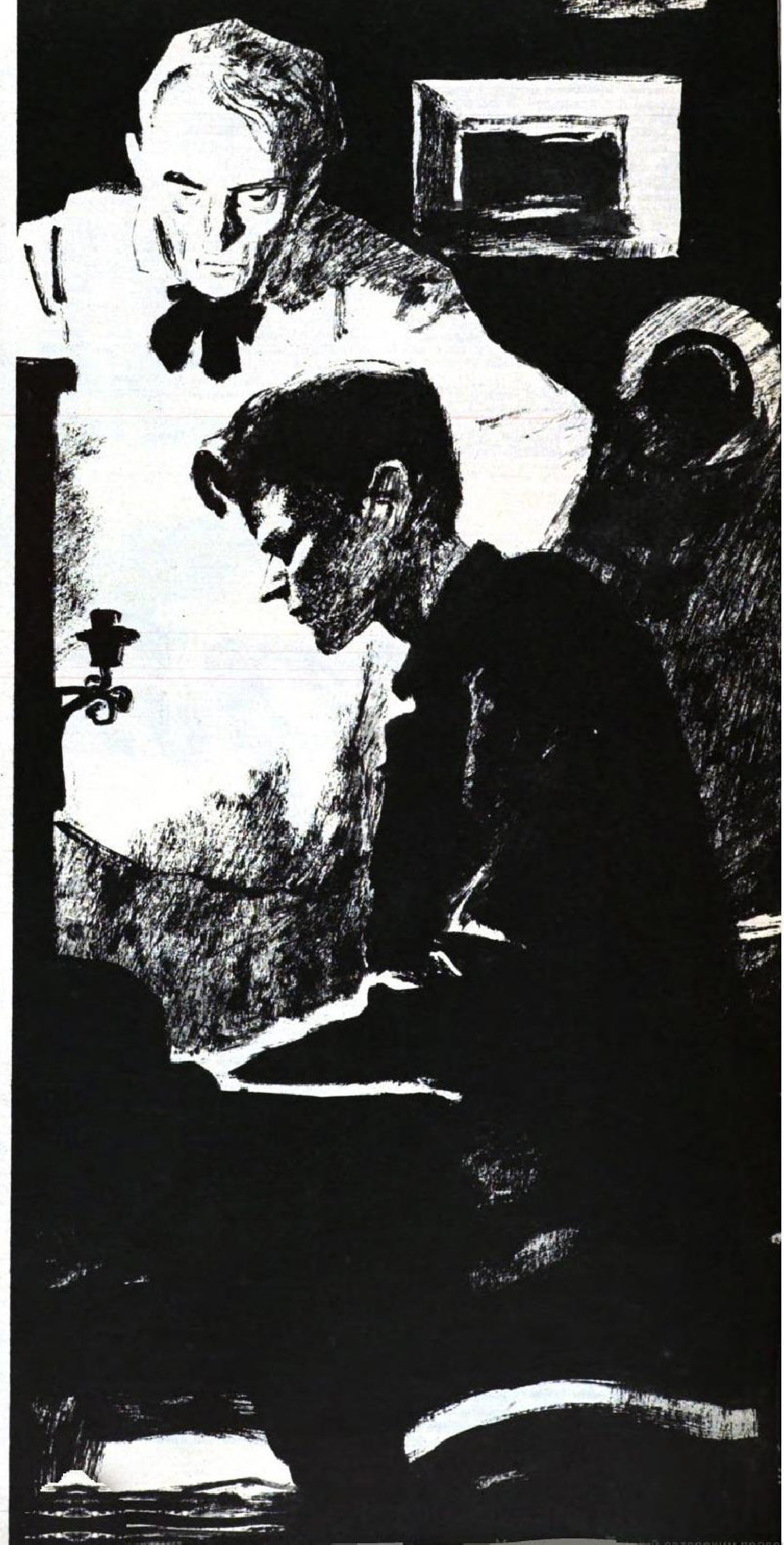
Такую информацию нельзя держать при себе. Ярослав позвонил Горячеву.

Теперь лежать на диване стало еще приятнее. Можно и помечтать!

Тут, очень кстати, раздался звонок Михаила Борисовича, приглашавшего внезапно прославившихся своих учеников на маленький домашний раут. Нет, что ни говори, а статья — это вещь!

Самому Чудакову ничто не мешало идти прямой дорогой открытий. Вот даже и Гиреев признает, что Чудаков Я. Я. и Алексей Фаддеевич Горячев находятся на пороге славы. Занятно все-таки, что Иван Александрович учинил в статье свою маленькую месть за сердитый характер Чудакова,— не назвал по имени и отчеству, как Горячева. Умные люди тоже не свободны от недостатков.

Ярослав лежал и благодушно поглядывал на чисто промытые окна, на протертые стеллажи с книгами — во всем чувствовалась рука Аннушки, даже цветы успела полить, на каждом листке блестят капли,— и хвалил себя. Он уже остепенившийся физик. Дело не в степенности походки и важности поведения, а в научной степени. Ныне он кандидат наук, без пяти минут доктор. Ми-

хаил Борисович утверждает, что докторскую можно будет защитить к осени, когда оппоненты съедутся из отпусков...

Подумал он и о Горячеве.

Алексей изменился меньше.

Он по-прежнему делит себя между физикой и музыкой. Нет на него грозы поэтов — инженера Полетаева. Этот доказал бы, что физик не имеет права заниматься музыкой. И пришлось бы Алеше Горячеву отказаться от Берлиоза под страхом смерти на костре. Правда, Алеша ныне занимается уже не Берлиозом, а испанцами и американцами. Последний раз он играл Аннушке и Ярославу Гершвина: что-то похожее, как показалось Ярославу, на грохот уличного движения в часы «пик». Но когда Ярослав проговорился о своем впечатлении, Алексей мгновенно захлопнул крышку рояля и посмотрел с таким презрением, что если бы глаза убивали, Ярослав тут же упал бы мертвым.

Но и он остепенился, тоже кандидат физико-математических наук. И его имя встречается в научной литературе не только в сносках, набранных петитом внизу страницы, но и в тексте статей по современным проблемам физики. В последней обзорной статье о новейших достижениях физики элементарных частиц, опубликованной в ведущем американском журнале, русские авторы упоминаются двадцать шесть раз. В одиннадцати случаях это коллектив: А. Горячев и Я. Чудаков. Это надо понимать!

Так что еще вопрос, прав ли товарищ Полетаев, разделяя физиков и лириков. Ярослав, например, вполне доволен, что Алексей Горячев в свободное время играет на рояле. Пути открытий неисповедимы. Ньютону для открытия закона притяжения потребовалось заниматься между делом садоводством. Ну а Горячеву, как видно, для лучшего течения мысли нужно, чтобы под руками был рояль. Но только бы он не играл Гершвина. Под такую музыку, пожалуй, не предложишь стройной теории атомного ядра. Все так и останется в том хаотическом состоянии, в какое привели ныне физики это самое ядро. Подумать только, когда Чудаков и Горячев начали работать в институте, с ядром все было более или менее в порядке: состоит из протонов и нейтронов. А теперь стараниями десятков ученых, среди которых не последнее место занимают Горячев и Чудаков, открыто еще полсотни новых частиц материи! Вот и множественность частиц ядра, о которой когда-то задумывался третьекурсник Горячев. Ну, а нынешнее открытие? Сам Иван Александрович похвалил их за обнаружение ро-мезонов!

Тут Ярослав еще раз перечитал статью Гиреева. При втором чтении статья уже не производила того впечатления. Нет, право, доведись Чудакову писать такую статью, он нашел бы куда более пылкие и восторженные слова, чтобы прославить молодых физиков! И об открытии ро-мезонов сказано всего две фразы. Что из них можно вычитать? Разве что десяток специалистов поймут всю важность этого сообщения...

Чудаков потянулся к телефону, чтобы поделиться своими сомнениями с Алексеем, как вдруг тот позвонил сам. И первые же слова Алексея о статье какого-то Ф. Моргана, открывшего те же самые ро-мезоны и уже успевшего сообщить о своем открытии всему миру, стряхнули с Чудакова все его благодушие. Аннушка и спросить ничего не успела, как Ярослав натянул брюки, накинул пиджак и пролетел мимо нее и Ярослава Маленького, едва успев крикнуть:

— Я к Алексею. Вернусь не скоро!

Итак, приоритет открытия потерян. Случилось то самое, чего он так боялся, когда Крохмалев вдруг развернул свою «критическую» деятельность, требуя все новых проверок. А теперь он будет каяться в своих сомнениях, извиняться за задержку публикации.

Ярославу вдруг стало душно, хотя вокруг текло свежее майское утро, улицы, обильно политые только что прошедшими машинами с серебряными крыльями струй, были похожи на впадающие одна в другую реки, пенсионеры и дети выходили из тенистых дворов на солнышко. Ничего этого Чудаков не замечал. Он со злостью подумал о том, что Михаил Борисович, видно, еще не знает о статье. Иначе зачем бы ему приглашать обкраденных открывателей на свой раут?

Он прошел в следующий подъезд и поднялся к Горячеву.

Через десять минут Чудаков и Горячев вместе читали злополучную статью Ф. Моргана. Собственно, читал и переводил Алексей, а Чудаков проверял выкладки и формулы. Сомнений быть не могло: речь шла именно об открытых ими ро-мезонах, хотя Морган именовал их по-своему — меонами.

— Да, порядочную свинью подложил нам наш Михаил Борисович! — брезгливо сказал Чудаков, откладывая карандаш и бумагу.

— А при чем здесь Михаил Борисович? Ведь это Крох утверждал, что при его проверке эксперимента ро-мезоны не наблюдались.

— Крох мог наблюдать что угодно после того, как я отказался включить его в число соавторов...

— Что ты говоришь? А какое отношение он имеет к нашей работе? — Неприятно удивленный Алексей откинулся на стуле, тараща глаза на Чудакова.— Почему ты ничего мне не сказал?

— Ты со своим смирением еще, чего доброго, согласился бы с его претензией. Я-то помню, сколько этих Крохмалевых и Подобновых налезло в твою последнюю работу по эксперименту над сигмой...

— Но тогда у Кроха не хватало новой работы для участия в конкурсе...

— А теперь у самого Михаила Борисовича недостает еще одной новой работы для выдвижения в действительные члены академии...

— Оставь ты свои шутки! — неприязненно сказал Алексей.

— Какие уж тут шутки! — Разгневанный Чудаков не желал щадить друга.— Крох так прямо и сказал мне, что к осеннему выдвижению в академики Михаилу Борисовичу необходимо иметь две-три новых работы. Тогда и было решено, что ро-мезоны станут одной из этих работ. Ну, а уж Кроха надо было включить из простой солидарности...

— И Михаил Борисович? — растерянно пробормотал Алексей. В его голове никак не укладывалось, что Михаил Борисович мог опуститься до такого цинизма.— Но ведь он... Он же не подал ни одной идеи... Он... Да и в машинный зал он не спускался! — схватился Алексей за последний аргумент.

— Эх ты, Дон-Кихот! А когда ты работал над сигмой, он спускался туда? Это мы с тобой там сидели да механики, особенно бедняга Коваль, которому пришлось вкалывать около камеры сутками без сна и отдыха. И зачем было Михаилу Борисовичу спускаться к ускорителю, где он мог схватить не меньше пятнадцати доз облучения? Ты и так преподнес ему эту сигму, как сказочный принц преподносит на серебряном блюдечке наливное золотое яблочко своей принцессе! И после всего этого ты еще сегодня пойдешь к нему на раут и станешь извиняться за то, что из нашей работы получился один «пшик»!

При неосторожном упоминании о сегодняшнем вечере Алексей вдруг побледнел. Чудаков встревоженно спросил:

— Что с тобой, старик?

— Нонна вернулась домой.

— Час от часу не легче! — Чудаков вскочил с места, заходил по комнате, резко поворачиваясь меж столом и стульями. Вдруг остановился перед Алексеем и в упор спросил:— И ты пойдешь?

— Н-не знаю...— выдавил Алексей.

— Зато я знаю: пойдешь! — зловеще и безжалостно предрек Чудаков и выругался.— О святая физика, и за что ты наказала меня дружбой с этим меланхоликом? Неужели ты не понимаешь,— снова обернулся он к Алексею,— что эта семейка начисто ограбила тебя? Нонне ты был не нужен, однако она пришила тебя к своей юбке! Ее папаша украл твою молодость! Ведь нет же ни одной твоей работы, в которой не красовались бы имена Красова и его прихлебателей: Кроха, Подобнова, да кого угодно!

— Твоя фамилия там тоже встречается, да и список авторов твоей камеры тоже длинный! — угрюмо пошутил Алексей.

— Вот-вот, недоставало только, чтобы ты и на самом деле поставил и себя и меня на одну доску с ними!

— Послушай, Ярослав, оставь меня, пожалуйста, в покое, дай мне хоть немного собраться с мыслями!

— Собирайся сколько угодно! — с кажущимся равнодушием сказал Чудаков.— Но имей в виду: больше я ни на какие уступки этим приживалам от науки не пойду!

— Ты тоже скажешь! — попытался еще раз отбить атаку Алексей.— Какие же они приживалы? У каждого из них свои работы, свои достижения... Да и вообще, мы же с тобой самые младшие в институте!

— Да, именно, младшие! — с горечью поддержал Чудаков.— Младшие научные сотрудники! Так это и записано в наших с тобой трудовых книжках. А эти Крохи, Подобновы и Анчаровы давно уже старшие научные сотрудники, доктора наук, а некоторые и члены-корреспонденты. И тем из них, кто уже не способен к самостоятельной работе, очень удобно, когда вместо них работают такие младшие научные сотрудники, как Горячев и Чудаков.

— То, что ты говоришь, несправедливо! Пожалуйста, замолчи!

— Молчу. Но имей в виду: при первом же удобном случае Михаил Борисович докажет тебе, что Крохмалев участвовал в нашем эксперименте, и мы должны чувствовать себя преступниками, потому что не включили его в список авторов!

— Плохой ты пророк, Ярослав! Этого не будет!

— Тогда позволь мне сказать о том, что уже б ы л о! Крох, который никогда не опускается до близкого знакомства с младшими научными сотрудниками, приходил ко мне домой...

— У тебя многие бывают,— упрямо перебил Алексей.— Аннушка печет такие коржики и пирожки, что слух о ее талантах громче, чем о наших с тобой.

— Не торопись. Крох пришел, заранее разведав, что я сижу один. И поставил железное условие: имя Михаила Борисовича и его имя будут в списке авторов. Иначе, сказал он, наше с тобой открытие не выйдет за ворота института. Да еще нагло добавил, что защита моей докторской не пройдет на ученом совете.

— А ты? — Теперь Алексей уже не выглядел тем Фомой Неверующим, каким только что казался.

— А что я? — устало сказал Чудаков.— Выгнал его — и все. Но открытие-то так и не вышло из стен института. Сначала задержали публикацию статьи, потом Крох отправил все фотоматериалы нашим немецким коллегам, а на ученом совете доложил, что эксперимент сделан «нечисто». Впрочем, все это тебе известно, ты не знал только скрытых мотивов...

— Почему ты мне ничего не сказал? — с тоской буркнул Алексей.

— А что бы ты сделал? И что ты можешь сделать сейчас? Все равно ты пойдешь к Красовым. А там еще и Нонна заступится за Кроха, ведь она знает его с детских лет. А ей ты ни в чем не откажешь, тут я действительно могу быть пророком. И если мы потеряли по их вине это открытие, то к новому нашему эксперименту, который мы можем начать хоть завтра, они припишутся все равно. Ну, я пошел...

И уже от двери, обернувшись, оглядел Алексея таким жалеющим взглядом, что Горячев невольно схватил газету и спрятался за ней. Перед глазами опять мелькнули соединенные вместе фамилии Горячева и Чудакова. Это была статья Ивана Александровича Гиреева.

(Продолжение следует.)

Окончание на стр. 25.

стафета толиц

ТРУД МОСКВИЧЕЙ

Л. БОРИСОВ,
секретарь МГК КПСС,
делегат XXIII съезда КПСС

«Я москвич!» — эти слова житель столицы произносит с гордостью. Думается, для этого есть достаточно оснований. Наш древний и всегда молодой город — сердце Родины. Здесь будет проходить XXIII съезд партии, который проложит пути дальнейшего восхождения страны к коммунизму.

Москва—город-труженик, крупнейший научный, промышленный и культурный центр.

Каждый третий из всех трудоспособных жителей столицы работает в промышленности, большая часть из них — это квалифицированные рабочие, специалисты. Московские заводы и фабрики выпускают более 11 процентов промышленной продукции Российской Федерации. Москва поставляет значительную долю всех отечественных автомобилей, металлорежущих станков, автоматических линий, самых разнообразных точных приборов, средств автоматики, электротехнического оборудования, тканей, обуви, телевизоров, домашних холодильников и часов. Во внешнеторговом обороте страны московская продукция играет немаловажную роль, ее покупают более 60 стран мира.

Москвичи с опережением на пять месяцев завершили свой семилетний план и к концу 1965 года выпустили на миллиарды рублей сверхплановой продукции.

Трудом москвичей завершается техническая реконструкция таких крупнейших заводов, как автомобильного имени Лихачева, Первого подшипникового, «Красный пролетарий», имени Владимира Ильича, нефтеперерабатывающего и многих других. Значительно обновлено оборудование предприятий машиностроения и пищевой индустрии. Техническое перевооружение, улучшение организации и управления производством подняло производительность труда в московской промышленности на 36 процентов: почти девять десятых прироста продукции получены за счет повышения производительности труда при небольшом увеличении числа рабочих.

Особенно стоит отметить, что за последние два года значительно возрос выпуск товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода: холодильников, стиральных машин, телевизоров, радиоприемников, мебели и т. п.

После сентябрьского Пленума ЦК КПСС на предприятиях столицы люди стали куда более вдумчиво, серьезнее заниматься проблемами экономики и в масштабах завода, фабрики и на своем маленьком производственном участке. Вот только один пример. На 1-м Государственном подшипниковом заводе коммунисты товарищи Носов и Каленикин организовали внедрение хозрасчета на рабочем месте. Теперь каждый рабочий, как рачительный хозяин, сберегает сырье, материалы, электроэнергию, знает, во что они обходятся и как влияет экономия всего этого на общие итоги деятельности предприятия. В специальной карточке указано, каким образом можно снизить расход материалов и инструментов. А это очень важно, когда ведется борьба за снижение себестоимости изделий. Можно привести много подобных же примеров глубокой заинтересованности коммунистов, тысяч тружеников в успехах своего предприятия, повышения ответственности за порученную работу.

Известно, что накануне XXII съезда партии москвичи выступили инициаторами социалистического соревнования за высокое качество продукции. За прошедшее время коллективы предприятий в содружестве с научно-исследовательскими институтами и проектными организациями повысили качество и надежность более трех с половиной тысяч видов машин и приборов. А эксплуатация улучшенной продукции, в свою очередь, дала немалую экономию — до 350 миллионов рублей в год!

Так работают москвичи...

Два года назад городская партийная организация, трудящиеся столицы поставили перед собой нелегкую задачу — к семидесятому году достигнуть по качеству основных видов продукции уровня лучших отечественных и зарубежных образцов. Теперь для этого созданы более благоприятные условия—широко шагнула вперед наука, заводы и фабрики получили новую технику, да и сами рабочие многому научились. Конечно, прежде чем найти путь к улучшению того или иного изделия, необходимо было объективно оценить, на каком уровне с точки зрения качества, надежности оно сейчас стоит. Это далеко не простое дело. К началу прошлого года такую оценку получили более десяти тысяч изделий!

Минувший 1965 год — лишь старт, первый этап борьбы за мировой класс. Но и за это короткое время свыше сотни машин, аппаратов с московской маркой получили возможность претендовать на присвоение знака высшего класса! Среди них грузовой автомобиль «ЗИЛ-130», легковой «Москвич-408», часы «Столичные» и «Стрелка», автоматическая система регулирования технологических процессов «Мир», токарные многошпиндельные автоматы...

Предмет особой заботы партийных организаций, коллективов предприятий — дальнейшее повышение экономической эффективности производства. Это дело требует постоянной, очень вдумчивой работы на каждом предприятии. По постановлению Совета Министров СССР тринадцать заводов и фабрик столицы уже в первом квартале нынешнего года переводятся на новую систему планирования и экономического стимулирования. Москвичи тщательно готовятся к этому. Специалисты всесторонне изучают финансово-экономическое состояние предприятий, уровень организации производства и труда, материально-техническое снабжение и условия реализации готовой продукции. Наш компас — прибыль, рентабельность. Но это не значит, что могут недооцениваться такие важнейшие показатели, как производительность труда, объемы реализации продукции.

И тут надо сказать, что далеко не все командиры производства готовы вести хозяйство по-новому. Далеко не все еще умеют добиваться высоких результатов с наименьшими затратами, не очень-то разбираются в вопросах хозрасчета. Поэтому при столичных вузах открыты курсы директоров, главных инженеров и главных экономистов предприятий. Многие райкомы партии города организовали экономические занятия начальников цехов, отделов, плановых и финансовых работников.

Необходимо помочь людям лучше разобраться в экономических вопросах, разъяснить тесную экономическую зависимость работы предприятия и благосостояния каждого его рабочего. Сознание того, что чем больше рабочий выдал отличных изделий, тем выше его зарплата, тем больше премия,— это очень важный стимул.

Некоторые парткомы и партийные бюро, хозяйственные руководители заводов и фабрик иногда упускают такой важный фактор, как моральные стимулы. Между тем общественное мнение, оценка на народе твоей деятельности — один из тех инструментов, которые помогают нам окончательно искоренить из жизни и пьянство, и разгильдяйство, и прочие поступки, позорящие рабочего человека. Ведь можно ту же почетную грамоту или вымпел вручить так, чтобы это по-настоящему задело душу человека, подняло уважение к нему его товарищей по работе. К сожалению, пока что это понимают далеко не везде. Партком того или иного завода, фабрики, цеховое партбюро могут с помощью специалистов произвести сложнейший технический или экономический анализ. А вот по-настоящему оценить и проанализировать взаимоотношения людей, их психологию, поднять уровень партийной работы, сделать ее доходчивой, живой, чуждой пустой фразе научились еще не все партийные руководители.

Решения октябрьского (1964 года) и последующих Пленумов ЦК КПСС открывают широкие возможности перед каждым тружеником: проявляй инициативу, думай сам, участвуй в хозяйственном руководстве предприятием! Эта новь явственно ощущается в работе всех партийных организаций. Значительно повысилась ответственность коммунистов за решения, принимаемые на партийных собраниях. Коллектив стал строже спрашивать с работников, которым он поручил то или иное дело. Сейчас надо поддержать и упрочить эти новые замечательные явления в нашей жизни.

В канун XXIII съезда партии москвичи выступили инициаторами соревнования за всемерный режим экономии труда и материалов, за выпуск продукции сверх плана. ЦК КПСС одобрил это начинание. Москвичи обязались сэкономить в 1966 году многие сотни тысяч тонн черных и цветных металлов, десятки тысяч тонн топлива, миллионы киловатт-часов электроэнергии, тысячи тонн цемента и всяких других материалов.

В дни обсуждения проекта Директив XXIII съезда партии по пятилетнему плану было внесено не мало интересных предложений высказано смелых идей, в спорах рождались мысли о том, как быстрее, лучше, с наименьшей затратой средств выполнить намеченные планы.

Вступив в новую пятилетку, трудящиеся Москвы полны решимости отдать свои силы и творческую энергию делу построения коммунизма в нашей стране.

В тот день, когда были сделаны эти снимки, партийный стаж бывшего рабочего с Красной Пресни Феликса Антоновича Закревского составлял 49 лет (фото вверху), а инженера Михаила Прокофьева — один день. М. Прокофьев (на нижнем снимке справа)— начальник лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института электромеханики.

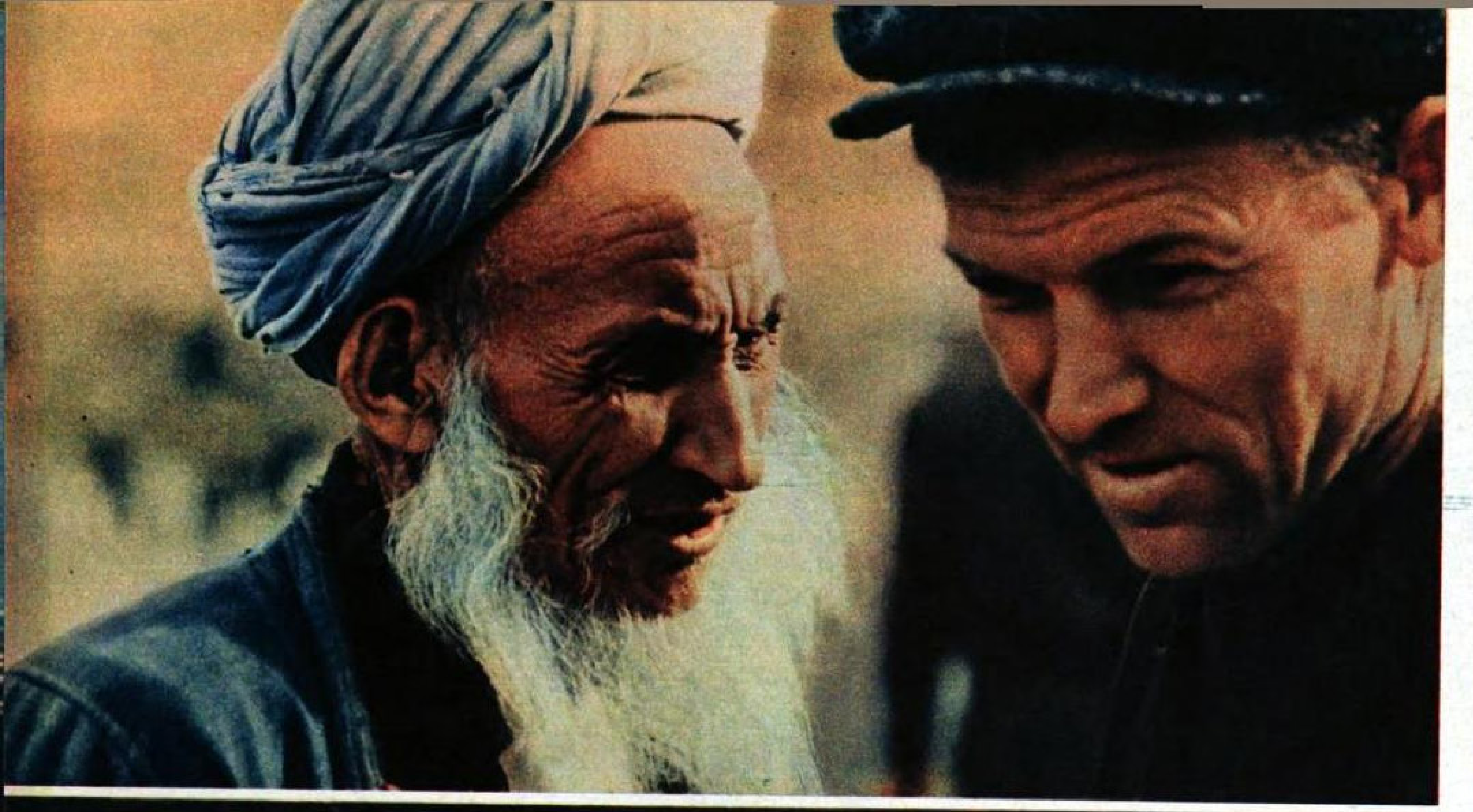
Зажглись огни Дворца съездов.

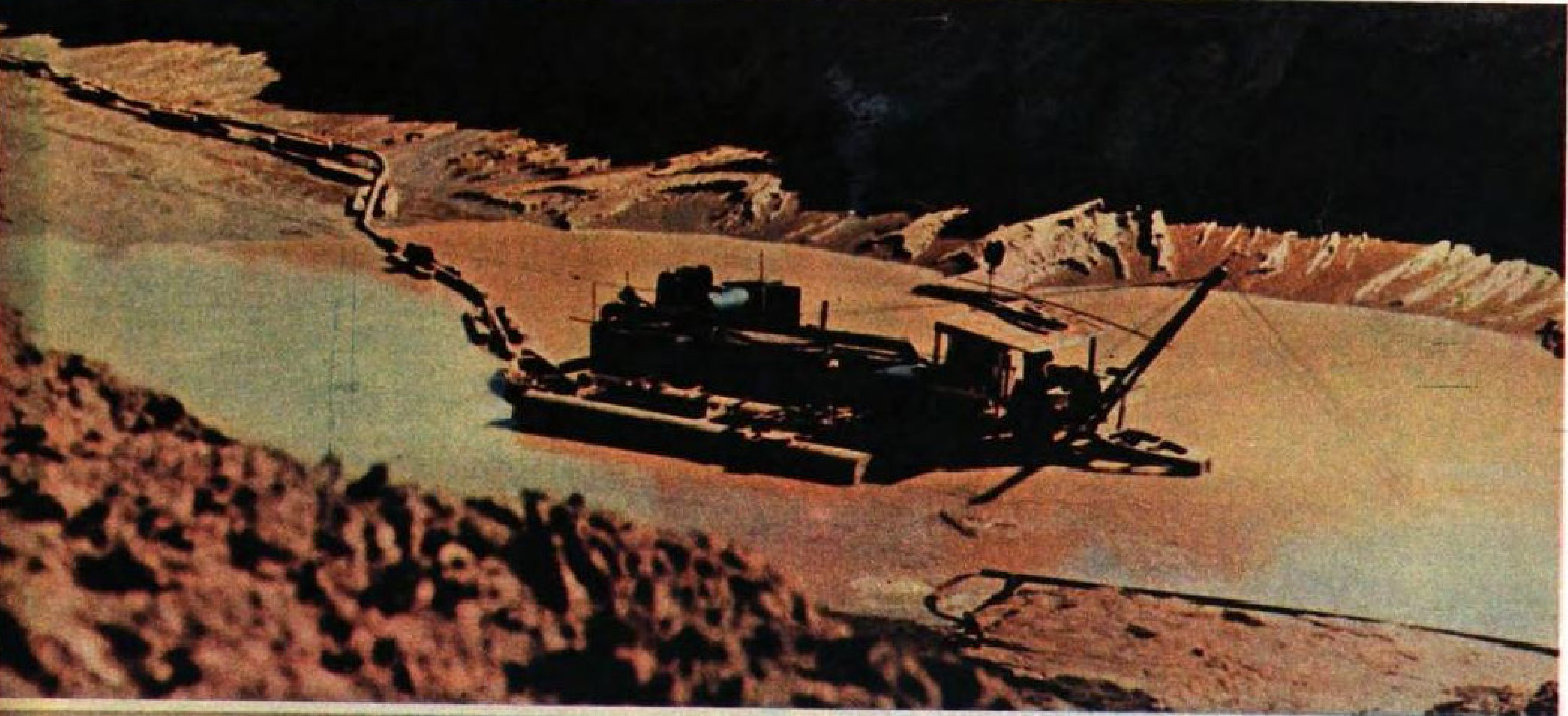
Фото Г. Копосова и
и Л. Шерстенникова.

Делегат XXIII съезда КПСС космонавт-художник Алексей Леонов.

Фото Б. Иванова.

— Скоро придет вода! — спрашивает аксакал Мамун Валиев.

Работает земснаряд.

Бурлит, пенится вода в Каракум-реке.

МАРШРУТ УКАЗАН ПЯТИЛЕТКОЙ

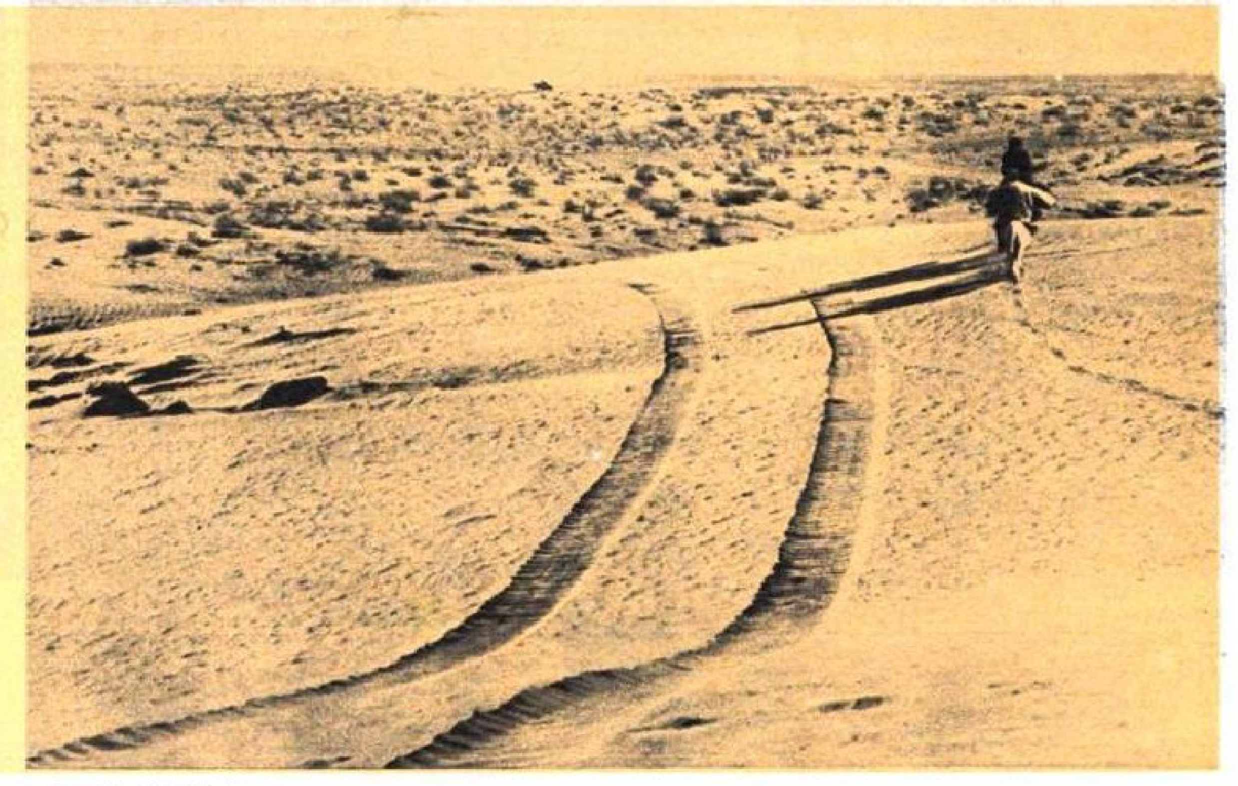
Под этим девизом «Огонек» начинает путешествие по переднему краю пятилетки. Наши корреспонденты побывают на крупнейших стройках и заводах, на полях и в лабораториях ученых — там, где строки пятилетнего плана становятся реальными делами страны. Мы расскажем о людях, которые во всех концах нашей Родины выполняют задачи, указанные партией.

Сегодня «Огонек» приглашает своих читателей в первое такое путешествие — на юг страны, на берега Каракумского канала, о котором в проекте Директив XXIII съезда партии сказано так: «Завершить освоение земель в зонах первой и второй очередей Каракумского канала и продолжить строительство этого канала».

Итак, в путь...

КАРАКУМ-РЕКА

Юрий РЫТОВ,
Дмитрий УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Автограф на песке.

— Поехали, — сказал Власов и закрыл дверцу самолета.

Почти без разбега маленький «Як» оторвался от земли. Внизу лежала желтая, усыпанная серыми колючками пустыня. Не зря шутил местный остряк: на Каракумский канал не нужно возить песок, чтобы устроить здесь роскошный пляж. Среди пустыни тускло блестела зеленая полоска канала, к которой кое-где прижимались разноцветные квадратики зданий и кружочки юрт. От главной водной артерии отходили в стороны оросительные магистрали. Хлопковые поля, залитые водой, ослепительно сверкали на солнце.

Десять лет работает Никита Петрович Власов в этих местах. Десять лет строит канал. Он начальник управления гидромеханизации треста «Каракумгидрострой».

— Выше, еще выше, — знаком просит Власов пилота, и самолет круто идет вверх.

И чем выше поднимался «Як», тем отчетливее прорисовывалась на земле гигантская схема канала, которую несколько дней назад мы видели в кабинете министра мелиорации и водного хозяйства Туркмении К. А. Атаева. Правда, на «схеме», что сейчас подо мной, нет названий рек и населенных пунктов. И потому Власов все время комментирует:

— Совхоз «Каракум-канал»... Совхоз «Москва»... Река Мургаб...

А я слушаю Власова, смотрю на землю и вспоминаю рассказ министра.

...Почти круглый год светит над Туркменией солнце. 250—300 дней в году — безоблачное небо. Пригодные для посевов земли — на юге. А вода — только на востоке. Вот почему еще в конце прошлого века возникла идея перебросить воды Аму-Дарьи через юго-восточные Каракумы в Мургабский и Тедженский оазисы. Однако долгое время идея эта казалась неосуществимой. Полагали, что фильтрация будет настолько большой, что вся вода уйдет в песок раньше, чем достигнет оазисов.

И лишь в 1954 году началось строительство канала.

Сейчас он протянулся с востока на запад почти на восемьсот километров, достиг Ашхабада, дал влагу многочисленным пастбищам, оросил 150 тысяч гектаров посевов и насаждений — почти треть поливных земель республики.

О том, какой это дало экономический эффект, говорят такие цифры. К 1 января 1964 года, за десять лет работы, общие затраты на строительство канала составили около 185 миллионов рублей. Между тем только с 1959 по 1964 год с земель, орошаемых водами Каракум-канала, государство получило чистый доход почти в полмиллиарда рублей! Внушительные цифры.

...Отсюда, сверху, размах работ особенно ощутим. Власов показывает на узенькую полоску русла, еще не заполненного водой. Так называемый машинный канал. В засушливые годы Мургаб один не может напоить влагой большие площади. На помощь должна прийти Аму-Дарья. Предстоит построить три насосные станции. По техническим нормам на сооружение каждой отпущено по два года. Власов должен построить все три за шесть месяцев. Надо торопиться: из года в год воды в Мургабе становится все меньше. А чтобы получить много хлопка, нужна вода.

...Самолет садится в поселке строителей. Мы пересаживаемся в «газик» и едем на стройку третьей насосной. Уже стемнело. Однако работа не прекратилась. Десятка три юпитеров освещали площадку. Громыхали экскаваторы, ревели самосвалы. Внизу, у самого котлована, горел костер, возле которого удобно устроились два старика, пили чай. За барханами вспыхивал синий, неестественно яркий даже для этого царства огней свет электросварки.

Неожиданно перед нами вырос Власов. Он посмотрел на часы и мрачно буркнул:

— В десять планерка. Идите за мной.

И затопал по песку сапожищами, поднимая пыль.

В маленькой конторе собралась вся, как выразился Власов, инженерная мысль: начальники участков, старшие прорабы. «Инженерная мысль» была очень молодой.

Поговорили, пошумели, поспорили. В заключение Власов произнес короткую речь. Потом предложил:

— Кончили. Кому работать — на работу! Остальные спать!

Планерку проводит Никита Петрович Власов.

Начальник 2-го участка А. С. Батаян.

Машинист сваезабивочной машины Г. М. Молокаев.

Землесосы расширяют и углубляют канал.

...Холодно. Кутаемся в тулупы, садимся в катер.

Власов сам сидит за рулем. Он не боится посадить катер на мель. Он знает все изгибы Каракум-реки, все ее перекаты, все ее капризы. Один из первых строителей канала, он пешком прошел почти пятьсот километров, от Аму-Дарьи до Хауз-Хана. И за ним (да простит мне эти слова Никита Петрович, не терпящий литературных красивостей) через пустыню шла вода.

Каждый километр канала — это история — драматическая, забавная или поучительная («А чаще всего комплексная»,— улыбнулся Власов). Каждый километр напоминает Власову споры, и ссоры, и первые радости оправдавшей себя технической идеи, и не последние, наверное, огорчения от косности и консерватизма некоторых людей...

Строители достигли уже 283-го километра трассы, когда вода вдруг стала отступать. Причина простая: большая фильтрация, малая напорная сила... Об этой опасности предупреждали противники канала. Но если раньше сомнения высказывались весьма сдержанно, то теперь стройку называли просто авантюрой.

В Ташкенте, в Ашхабаде, в Мары заседали комиссии. Ученые размышляли: где же выход? А тем временем Власов и главный инженер управления Константин Евгеньевич Церетели нашли выход. Однако их решение было настольно простым, неправдоподобно простым, что они поначалу решили никому не рассказывать о нем. Захотели убедиться сами, что не ошиблись. Раз естественный напор недостаточен, рассудили они, нужно создать искусственный напор. И установили поперек канала, вверх по течению, перемычку. Когда вода накопилась, перемычку взорвали, и вода с силой устремилась вперед. А через три километра ее ждала новая перемычка.

Споры о том, как спасти канал, еще кипели, когда Власов и Церетели вслед за водой пришли в поселок Захмет, полностью выполнив назначенную программу.

И снова катер, и опять пенится за кормой Каракум-река. Плыть по «владениям» Власова можно сутки, а то и больше. Он командует работой почти на пятисоткилометровой трассе...

В строительстве, как и в любом другом деле, есть закономерности, очевидные даже непосвященному. Сумма этих закономерностей определяет нормальную, научную технологию. Однако на огромных, уникальных стройках иногда возникают ситуации, когда очевидные всем закономерности теряют силу. Тогда необходима новая технология. Необходим технический риск.

Чтобы форсировать работы в окрестностях города Мары, Власову понадобились шагающие экскаваторы — «шагачи», как называют их на стройках. «Шагачи» в управлении были. Но вся беда заключалась в том, что находились они в поселке Карамет — в трехстах километрах от Мары. Чтобы демонтировать, перевезти и затем смонтировать двухсоттонную махину, понадобилось бы не менее полугода.

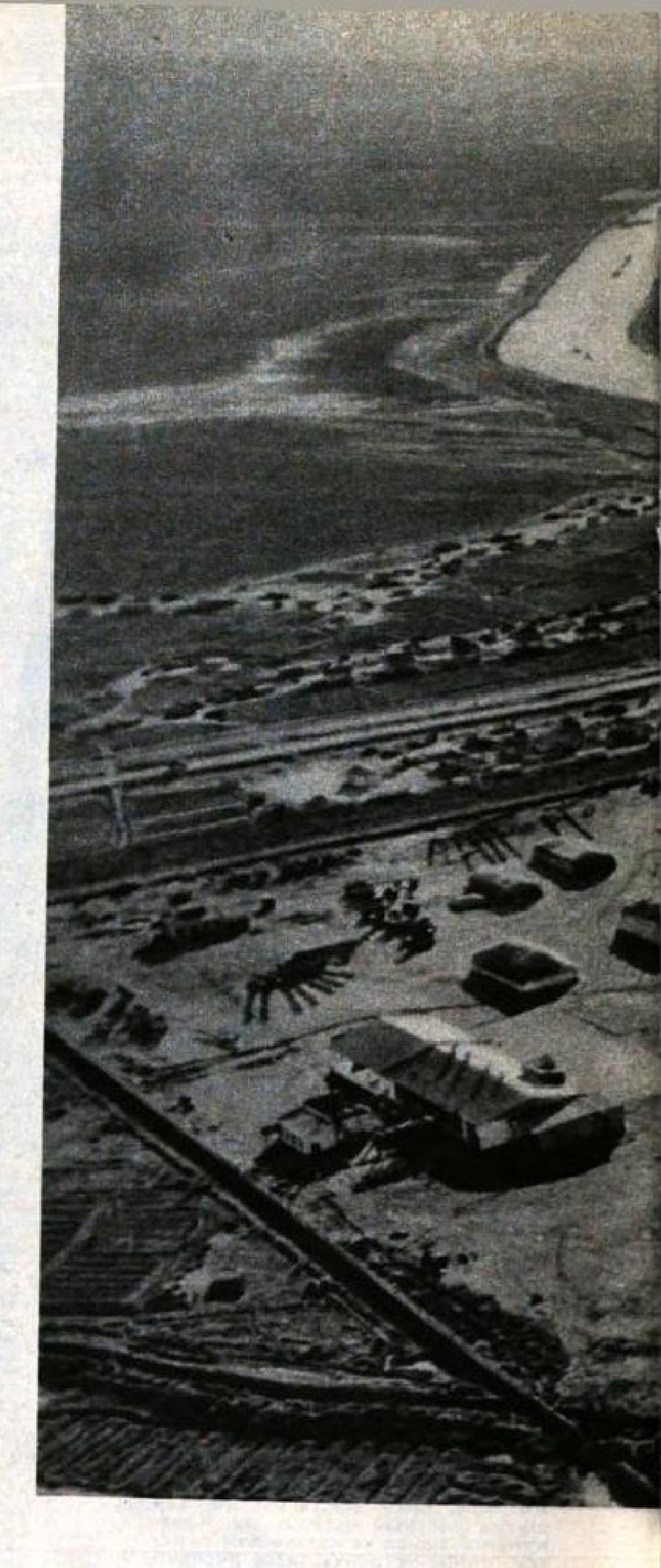
Власов решил транспортировать экскаватор в рабочем состоянии.

Сделали специальный затон, в него загнали баржу. Укрепили баржу распорками и выкачали из затона воду. И вот экскаватор по мосткам зашагал на палубу. Власов стоял здесь же.

Распорки отчаянно скрипели, баржа трещала, однако экскаватор устоял. Он держался весьма прочно. Тогда затон снова заполнили водой, и баржа всплыла.

Но тут возникло новое затруднение: ни один капитан не согласился вести теплоход, буксирующий баржу. Что такое баржа для «шагача»? Утлое суденышко. Представляете, если бы вдруг мель? За штурвал буксира встал Власов. И благополучно привел баржу в Мары. Баржу со вторым экскаватором тоже вел сам Власов.

События, подобные путешествию шагающих экскаваторов, случаются на Каракум-реке далеко не каждый день, а только тогда, когда, повторяю, всем очевидные закономерности теряют силу и кто-то далеко от Каракумов что-то не так рассчитает и не предусмотрит. В обычные дни идет обычная работа, деловая суета с конфликтами местного значения — и отступают перед нею пески, и смотрится жаркое солнце в разбегающиеся по полям ручьи.

Черной ночью в пустыне продолжается работа.

«Каракум-канал» — так называется целинный совхоз, в котором собран этот хлопок.

Из книги

«Дорога под яворами»

Андрей МАЛЫШКО

Выйду в степь...

Выйду в степь, где солнцу травам снится,
Где ночной не стелется туман...
Туча — как чубатый Остряница,
Месяц — как щербатый ятаган.

Там дубы столетние во мраке
Над яругой высятся крутой.
Спят, угомонившись, гайдамаки
Под курганной тихой чернотой.

И, сплетая с думою казачьей
Новых дней заоблачный полет,
В степь высоковольтной передачей
Юная энергия идет.

Светлым, щедрым, гулким водопадом
Бьется пульс в воспрянувшем краю,
И Тарасов голос
Где-то рядом.
Просится в великую семью.

Тихим напевом тугие колосья
Входят в рассветное многоголосье —
Там, где пылали стога и хаты,
Где перетлели в земле автоматы.

Катится море — безостое, спелое.
В дымке дрожит колоколенка белая.
И, словно явор горелыми сучьями,
Зреющей думой сплетаюсь я с тучами.

Будет путей у меня без счета,
Будет одна у меня забота:
Жницам в ладони вложить на закате
Песен сверкающие рукояти.

Перевел с украинского
В. Корчагин.

Гилемдар РАМАЗАНОВ

* * *

«Ну чем, скажите, кичится он?» —
в углах враги шелестят.
«Народ его мал —
всего миллион.
А сам он —
метр шестьдесят...»

Но я по другому закону жил!
Под ношей зубами скрипя,
я с детства учился,
работал,
дружил
с ребятами старше себя.

И мне не сказали: «Мал ты еще!..» —
в тот злой для Родины день,
когда на худое
мое плечо
лег
автоматный ремень.

Ничем не обижен родной народ.
«Малый»?! Ну что за бред!
Он шагом гигантов
идет вперед
под радугой
наших лет.

Отвагой и верностью дышит грудь —
где величье полней?
Мечту позабудь
да не рвись ты в путь —
тогда ты и вправду
пигмей.

Да, нас за грядою Уральских гор
всего миллион, признаю.
Но милый народ мой
характером горд,
велик
в труде и в бою.

И пусть враги шипят иногда,
справочники
вороша...
Рост невысокий —
отнюдь не беда,
когда высока
душа!

Перевел с башкирского
Виктор Виноградов.

А. СТАРКОВ,
К. ЧЕРЕВКОВ

У этого партийного комитета радиус действия и влияния необычайный — от полюса до полюса.

КОМАНДИРОВКА

...Соколов зимовал, был начальником дрейфующей станции «СП-5», каждое лето плавал на ледоколах, летал. И все это как океанолог, кандидат географических наук, руководитель сектора краткосрочных ледовых прогнозов. А минувшей осенью он впервые отправился в Арктику как секретарь парткома института. Такая была командировка.

До бухты Тикси—на обычном рейсовом самолете. Вот уже куда дотянулся Аэрофлот. Давно ли сюда прорывались только опытнейшие полярные летчики! Такие, как Иван Коломиец, с которым Соколов летал когда-то на разведки льдов и который поджидал теперь Анатолия Леонтьевича, чтобы забросить его на «СП-13». Соколов задержался немного в Тикси. Здесь базировалась оперативная группа из института: океанологи, синоптики. Они обеспечивали навигацию в центральном районе Арктики — от Анадырского залива до Певека. Ледовая обстановка была сложна, и Соколов уже не как секретарь парткома, а как бывалый ледовик включился на несколько дней в работу группы. А потом Коломиец отвез его на «СП-13».

«Тринадцатая», кажется, оправдывала свой «роковой» порядковый номер. Сначала льдина была сверхпаинькой, первая смена зимовщиков не могла нарадоваться на нее. Год она охотно держала квартирантов. Но стоило высадиться второй смене, чуть не с первого дня закапризничала. Вернее, закапризничал кто-то неведомый, кому подчиняются льды, и погнал ее вдруг не как обычно, на север или северо-запад, а на чистый запад. Начались разломы. Она покрылась трещинами, разводьями, торосами. Коломийцу было уже нелегко посадить машину: аэродром укоротило. Всегда, как прилетает самолет, аврал. Но тут был двойной аврал: и приемка груза и перебазирование лагеря из-за новых трещин. 100 тонн на тракторе, на ручных волокушах, просто на руках. Так что секретарю парткома не сразу удалось осуществить свои чисто секретарские функции: побеседовать с парторгом, с коммунистами, со всеми людьми. То есть он беседовал, но во время аврала, подталкивая волокушу...

Когда он летел сюда, думал: как там Дубовцев? Он-то, Соколов, знает начальника «СП-13» сто лет: на одной койке спали студентами. Знает, что у Валерия честная, добрая душа за внешней суховатостью, прямолинейностью в суждениях. На парткоме говорили, что Дубовцев— прекрасный работник, но в дрейфах не бывал, работал главным образом на ледовых проводках. И сразу в начальники дрейфующей станции? Справится ли? Все ждали, что скажет Соколов. Он сказал: «Я уверен в Дубовцеве». А когда заговорили о парторге на «СП-13», снова возникли сомнения: сработаются ли Дубовцев и Галкин? Очень уж разные характеры. Соколов прилетел на льдину и увидел, что они не срабатываются. Они просто работают...

Соколов привез газеты, журналы, письма от родных, пленки с их голосами. И среди прочего перевод статьи Филиппа Лоу, известного австралийского полярника. Статья называлась «Некоторые психологические моменты жизни на антарктической станции». Читали ее вслух в кают-компании после аврала.

«В большом городе,— пишет Лоу,— человек со странностями, предрассудками или слабостями может избежать напряженных жизненных ситуаций. На полярной станции это трудно, возможности замаскировать свои слабости сведены к нулю, да и исчезает желание делать это. Хотя наши станции считаются «бесклассовым обществом» и делается все возможное, чтобы члены отряда чувствовали себя на равной ноге, однако глубоко врезавшиеся в сознание человека социальные или интеллектуальные предрассудки нельзя выправить. И это одна из самых трудных проблем на отдаленной станции...»

Читали. Удивлялись. Не понимали.

С «Тринадцатой» Соколов перелетел на соседнюю дрейфующую станцию, тоже «Тринадцатую», но с прибавкой буквы «ф» (филиал). Эта добавочка к «роковой» цифре словно и выручала зимовщиков: льдина в отличие от соседки вела себя тишайшим образом...

А вот на «СП-14» Соколов не попал: там был очередной разлом, и самолет не приняли. Поговорил по радиотелефону с Юрой Константиновым, начальником станции. Юра говорил так, будто он не на плывущей в океане льдине, которую ломает и кромсает, а в доме на Фонтанке. На все вопросы о трудностях дрейфа отвечал: «Нормально». Вот это действительно работяга из работяг, прирожденный полярник, хотя родился, вырос и окончил школу очень далеко от Арктики — в селе Каверичи, Калининской области... У людей, окружающих Константинова, постоянная забота — чтобы не переработался. Не остановишь — неделю не будет спать. Так было на «СП-8». Во время высадки на льдину и первые три дня он с ног валился от усталости, а спать не шел. И так раскрутился, такое напряжение было в нем, что уже и в спокойной обстановке не мог уснуть. Врач дал Юре снотворного. Не помогло. Не

РТКОМ ПОЛЮСОВ

На заседании парткома (слева направо): Е. Борисенков, С. Серлапов, А. Соколов, директор института Герой Социалистического Труда А. Трешников, К. Румянцев, Н. Филиппов, Е. Никифоров.

в силах заснуть, он вышел ночью из домика, чтобы поглядеть аэродром. И на полпути туда упал. Снотворное все-таки взяло свое. Юру нашел спящим на льду дежурный по лагерю...

— Все нормально!— раздается по радио голос Константинова с «Четырнадцатой», которую трясет и крушит.

— Все нормально!— повторяет и Володя Зуев, парторг.— Сегодня у нас партийное собрание.

— Какая повестка?— спрашивает Соколов.

— Прием в кандидаты...

— Кого принимаете?

— Нашего аэролога.

— Гоби?

— Да, да, Кира Гоби...

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Оргвопросами ведает в парткоме Константин Петрович Румянцев. Учет, прием, членские взносы, протокольное хозяйство...

— На партийном учете 361 человек. Виноват, это утром было столько. Час назад еще один товарищ принес прикрепительный талон. 362 коммуниста... Очень у нас подвижная организация. В прямом смысле. Всегда почти половина ее состава далеко от дома. А летом, когда открывается арктическая навигация, чуть не все в пути—на морских, земных и воздушных трассах... Из десяти наших первичных парторганизаций три плывут нынче на дрейфующих станциях в Северном Ледовитом океане, четыре зимуют в Антарктике: в «Мирном», на «Востоке», «Молодежной» и «Новолазаревской». Между прочим, последние годы мы растем главным образом за счет этих коллективов — дрейфующих и зимующих. Вот и сейчас в очередной антарктической экспедиции, возвращающейся домой, принято в члены партии 11 человек, в кандидаты — 5... С кандидатами у нас бывают сложности. Был случай, когда человека приняли в кандидаты и он уехал на зимовку и прозимовал безвыездно три года. А членов партии там было лишь двое. Где взять третью рекомендацию? И кандидатский стаж затянулся у нашего товарища на три года...

Одному из нас, слушающих Румянцева, лицо его кажется давно знакомым. Перебираем варианты возможных встреч и доходим до предвоенной поры, до середины тридцатых годов. Диксон, остров Диксон.

— Вы на флагманском ледоколе плавали? Бывали на Диксоне? Ну так могли меня видеть там на радиоцентре. Я полярник послечелюскинского призыва. Из тех шестнадцатилетних мальчишек, которых взлихорадил подвиг челюскинцев. В Арктику! На зимовку, на льдину! Любым способом! Лететь, плыть, просто пешком... Но оказалось, что в Арктике, как, впрочем, и везде, нужны люди, умеющие что-то делать... Курсы радиотехников. Путевка на Диксон. Повезло мне. Я сразу попал в круг таких радиоспецов, как Ходов, Боровиков, Михайлов, известных всей Арктике. Пять лет около них, рядом с ними не сравняли нас, конечно, но к их мастерству в какой-то степени меня приобщили. На войне был начальником радиостанции — армейской, фронтовой. После войны снова на Диксоне. Слетал в высокоширотную экспедицию. Зимовал на мысе Челюскине. И еще одна зимовка, которая кончилась трагически...

Их было восемь, высадившихся на этот остров, на северную его оконечность. Начальником — Юзеф Недзвецкий, знаменитый полярник, седовец, Герой Советского Союза. Да и остальные, кроме повара, не новички в Арктике. А для 18-летнего Валерки это была не только первая зимовка в жизни, но и первая самостоятельная работа: его взяли прямо из школы кулинарного искусства. Из-за него, из-за Валерки, все и случилось. Бедовали они, правда, с момента высадки: дня не выдавалось без пурги и страшных заносов. Семь фанерных домиков, которые они поставили, заносило мигом так, что люди не могли даже общаться друг с другом. На разгребание снега уходили все силы. И тогда они решили возвести над своим маленьким городком общую крышу, упрятав все домики, стоявшие компактно, как бы в одну большую коробку. И ее тоже сразу по самую макушку занесло снегом. Но теперь хоть все во-

семь зимовщиков были вместе и могли выполнять программу научных наблюдений. Выход из этого городка в коробке был единственный — люк через крышу. Несчастье обрушилось на них дней за пять до Нового года. Поздно ночью, часа в три, Валерка, поднявшись с постели, затопил камбуз, чтобы испечь к утру хлеб. Зажег форсунки и отлучился ну минут на десять, не больше. Этого времени хватило на то, чтобы горящая солярка вылилась через край и чтобы вслед за камбузом факелом вспыхнула соседняя силовая с моторами и аккумулятором, а затем и все остальные домики...

Первым выскочил через люк Валерка. Он был одет. А другие, вскакивая со сна в белье, накидывали на себя любую одежку и в темноте, в дыму пробивались к лазу в крыше. Последним, как капитан с корабля, уходил Недзвецкий. Голова его уже показалась в люке, и Румянцев хотел подсобить ему, но тот вдруг снова полез по лестнице вниз. «Что ты делаешь, Юз, зачем?» — крикнул Румянцев. «Там документы... Партбилет...» — сказал Недзвецкий и исчез в темноте... Они сидели на крыше, поджидая начальника, но он долго не показывался. А огонь вот-вот уже мог подобраться и к люку, отрезав этот единственный выход. Румянцев и еще кто-то спустились сквозь дым и сразу наткнулись на Недзвецкого, лежавшего у самой лестницы. Вдвоем они не смогли вытащить его, спустились еще двое. Подняли и вынесли Недзвецкого на крышу. Огонь не тронул его, даже единого волоска не опалило на мохнатых унтах. Но он был недвижен, без сознания и только стонал, придерживая на груди пачку документов. Врача не было. Аптечка сгорела. А искусственное дыхание не помогло. Отравленный дымом, газами, начальник полярной станции умер у них на руках... Трое суток, полураздетые, обмерзшие, голодные, без маковой росинки во рту, они просидели в холодном сарайчике, который уцелел от огня потому, что стоял на отшибе. Отогревались солярной, зажигая ее на сковородке. Надеялись на чудо. И это было действительно чудо — прилет Масленникова с Диксона. Там встревожились, потеряв неожиданно радиосвязь с зимовкой. И послали Масленникова. Он пробился сквозь полярную ночь, сквозь неутихавшую пургу, не имея ни единого пеленга на остров. Прилетел, забрал живых. И мертвого Недзвецкого. И документы, спасенные им...

...Мы оторвались от оргвопросов, которыми ведает в парткоме Константин Петрович Румянцев. Но зато мы услышали от него маленькую новеллу о коммунисте, о партийном билете...

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА

Сергей Тарасович Серлапов — заместитель секретаря парткома по идеологической работе. Он рассказывал нам о семинаре по философским проблемам науки о Земле; о теоретических конференциях и диспутах на дрейфующих ледовых станциях; о кружках политпросвещения в Антарктике; о филиале общества «Знание» в институте; о стенной газете «Полярник»; о традиционных вечерах-проводах уезжающих в экспедиции; о торжественных встречах возвращающихся...

Он старше всех в парткоме: ему без года шестьдесят. Комсомолец самого начала двадцатых годов. Чоновец. Командир подвижной бронеплощадки, которая охраняла железную дорогу от бандитов: вместо брони были шпалы и песок. Организатор комсомольской коммуны в бывшей помещичьей усадьбе: куртки и брюки пошили из плюшевых гардин. Пионервожатый. Секретарь Мценского укома комсомола. Рабфаковец. Студент Воронежского университета. Физико-математический факультет. В студенческом военном лагере упал на занятиях с лошади. Нога застряла в стремени, потащило. А сзади другая упряжка. Колесом по спине. Тяжелая травма позвоночника. Все врачи, как один: «Лежать!» Только один, профессор Зацепин, сказал: «Двигаться! Плавать, кататься на коньках! Не сгибаться!» И вот это Серлапов запомнил: не сгибаться. Ни телом, ни душой... Распределение на работу. Серлапова хотят оставить при кафедре. А он — в Якутию, на метеостанцию в устье Лены. Синоптик. В тот год зазимовали корабли во льдах. Больных моряков вывозили в Тикси. Там не хватало продуктов. Из Булуна высланы в Тикси оленьи упряжки, груженные мясом. Кто ведет этот санный поезд? Серлапов. На Хорунском перевале пурга. Три дня в снегу. Обморозило. Острая вспышка старой болезни. Плохо с ногами, с поясницей. Человека гнет к земле. А он не сгибается... В войну на всех кораблях — синоптические карты Серлапова. После войны — зимовки, ледовые проводки, полеты над Арктикой. И всегда, чем бы он ни занимался, партийная работа: пропагандист, парторг. И всегда с ним, рядом с ним молодые ребята. На дрейфующей станции «СП-6», начальником которой он был, возраст большинства — меньше его партийного стажа. После дрейфа он вроде бы осел на твердой земле. Руководитель отдела в институте. Защитил кандидатскую. «Сижу в Ленинграде...» — говорит с огорчением. Сидит! Ну, если не считать, что побывал за это время в Антарктике, что облетал минувшим летом всю Арктику, инспектируя метеостанции. Сидит...

Серлапов рассказывал нам об идеологической работе: семинарах, кружках, политинформациях, лекциях. А люди — о нем. И он не знал об этом. Теперь, прочитав про себя, он, наверно, рассердится. И больше всего на Колю Филиппова. Потому что больше всего мы узнали о Сергее Тарасовиче от Николая. Он ученик и воспитанник Серлапова по двум, можно считать, линиям. Во-первых, по профессиональной. И по партийной: был комсоргом на дрейфующей «СП-6», Сергей Тарасович рекомендовал его в партию. А потом рекомендовал в парторги на станцию «Восток» в Антарктике. Филиппов недавно оттуда. Отчитался уже на парткоме. «Восток» — полюс холода. Там зафиксирована самая низкая температура на земном шаре —87°. А в нынешнюю смену было —83°. Коля вернулся в Ленинград и сразу простудился, говорит чуть в нос.

— Ничего страшного на полюсе холода! Работа. Конечно, на воздухе. Где же еще вести аэрологические наблюдения? Там для них идеальные условия, особенно для исследования космических лучей. Чистая атмосфера. Выйдешь, лицо в шарфе, только прорези для глаз. Нервы глазного яблока не воспринимают холод. Но мигать нельзя, вмиг смерзнутся веки, спеши вслепую в помещение, размораживай глаза... Партийная работа? Обычная, как везде. Как в Ленинграде, как в Туле. Знаем про все, что делается на свете. Народных судей выбирали — избирательный участок Куйбышевского района. Живем. И даже оперируемся по поводу аппендицита. Доктор наш, Саша Шамис, оперировал. Впервые в истории медицины вскрывал брюшную полость на полюсе холода. При атмосферном давлении 420 миллиметров. Считалось, что в таких условиях полостные операции немыслимы. Крошечная ранка — губа потрескалась,— и та с трудом заживает. А тут острейший приступ аппендицита. Везти в «Мирный»? Там самолет наготове. Но лететь ему до нас пять с половиной часов. Полсуток надо затратить, чтобы доставить больного. И еще какая будет погода. А человеку все хуже и хуже. И врачи, собравшиеся в Антарктике, посоветовались друг с другом по радио и решили: Шамису оперировать на месте. Саша хоть и детский хирург, но великолепно режет и взрослых. На седьмой день после операции больной уже бегал по легкому морозцу в 70°. Как фамилия больного? Филиппов Николай Иванович, ваш покорный слуга... Сколько коммунистов было на «Востоке»? Приехало из Ленинграда семь, вернулось восемь. Восьмой — врач Александр Шамис. Мы приняли его в кандидаты партии. Среди трех рекомендаций, представленных им, была и моя...

КИР И ЧИНГИЗ

Заседание парткома. Прием в кандидаты партии. Два заявления.

Начинают с Кира Николаевича Гоби, аэролога дрейфующей станции «СП-14». Он совсем недавно оттуда, и, естественно, первый вопрос к нему: «Ну, как там дела?» Все знают, что дрейф у льдины небывалый, такого маршрута не было еще ни у одной «СП». Обычно, стартуя где-то в районе Чукотского моря, станции плывут, гонимые течением, на север, в просторы Полярного бассейна, и заканчивают свой рейс в Гренландском море. А эту, «Четырнадцатую», потащило вдруг к югу, вынесло к архипелагу Де-Лонга и вот уже несколько месяцев носит и вертит в тесном мешке между островами. Она сбилась, что называется, с пути, с генерального курса, и, попав во власть переменных ветров, ходила вокруг да около островов Жаннеты и Генриетты, то приближаясь к ним, то удаляясь, и не раз уже касалась их берегов. Острова от этих прикосновений не очень страдали, а льдина несла серьезные потери. Ее обгрызало, она худела. Почти беспрерывные сжатия, разломы, трещины, торошения. Собственно, льдины, на которую высадилась станция весной прошлого года, уже не было. Она превратилась в несколько маленьких льдин, и нужно было то и дело перетаскивать с одной на другую палатки, оборудование, приборы, чтобы сохранить хоть какую-нибудь возможность для жилья и работы. Что означает такая перебазировка, какие физические силы она отнимает, может представить только тот, кто дрейфовал в арктических льдах... Партийное собрание, на котором аэролог Гоби был принят в кандидаты партии, проходило в кают-компании лагеря после одного из разломов и в канун самого большого разлома льдины. Гигантская трещина полностью разрушила аэродром, и восстановить его было уже негде. Теперь могли прилетать только вертолеты. Снова разлом за разломом, станция — на крошечном ледяном пятачке, и Большая Земля принимает решение о частичной эвакуации «СП-14». Прекратились аэрологические наблюдения, и аэролог Гоби, два его помощника, с болью в сердце покидая друзей, улетают на материк...

И вот он на парткоме. У него обветренное лицо, чуть воспаленные веки. И весь он, наверное, еще там, на льдине, где остались его товарищи. Здесь, на партийном комитете, не нужно произносить громких слов. Здесь четыре бывших начальника дрейфующих станций. Да и все остальные дрейфовали, плавали, летали, зимовали в Арктике и Антарктике. Они знают, ОТКУДА прилетел Гоби, что он испытал и какие чувства владеют им сейчас... Зачитывается заявление Гоби. Решение партийного собрания, принятое на льдине, когда она проходила через географическую точку 76° северной широты и 160° восточной долготы. Рекомендации. Автобиография... Прадед Гоби — итальянец, художник, приехавший из Неаполя в Астрахань. Дед — профессор Петербургского университета, известный ботаник. Бабушка — коммунистка с 1902 года, подруга Крупской, сидела с ней в одной тюремной камере. Родился Гоби в Шлиссельбурге. Отец убит на войне, мать умерла в эвакуации. Киру 30 лет, 13 из них — в Арктике, на полярных станциях — стационарных и дрейфующих. На традиционный вопрос: «Твои дальнейшие планы?» — отвечает: «Собираюсь в антарктическую экспедицию». Он уедет туда кандидатом партии, а вернется, наверно, членом КПСС...

Телефонный звонок. Соколов берет трубку, слушает молча, сначала хмурится. Говорит:

— Спасибо за информацию.

И уже обращаясь к сидящим в комнате:

— Положение на «Четырнадцатой» осложнилось. Решено полностью эвакуировать. Завтра начнут работать вертолеты. Видимо, к концу недели ребята будут в Ленинграде.

Второе заявление — Чингиза Ходжиахмедова. Он чуть постарше Кира, года на два. Представляет в холодной Арктике солнечный Узбекистан. Инженер. А теперь немножко, как он говорит, и геофизик. Некоторая переквалификация потребовалась в связи с тем, что он поступил в аспирантуру. Тема кандидатской где-то на грани с геофизикой. Готовя диссертацию, Чингиз вел опыты на новой аппаратуре. Хотелось испытать ее в арктических условиях. Поехал на Диксон. Думал, на месяц, на два. А прожил год. И аспирантура у него затянулась. Но

время не ушло зря. Очень интересный накоплен материал. Диссертация готова, осталось перепечатать ее на машинке.

...Секретарь парткома поздравляет Кира и Чингиза с приемом в кандидаты партии.

НАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

Когда на заседании вновь избранного парткома распределяли обязанности и председателем группы партийно-государственного (ныне народного) контроля предложили Евгения Никифорова, не все были убеждены, что это наиболее подходящая кандидатура. Ученый, как говорится, до мозга костей, до последнего волоска в великолепной, просто шмидтовской бороде, сможет ли он перейти от тонких проблем науки, от морских течений, волнений и переживаний — предмета его недавно защищенной кандидатской диссертации — к житейским волнениям, к земной мороке? На это было замечено, что речь идет о группе контроля не где-нибудь, а в научно-исследовательском институте и кому же здесь заниматься контролем, как не ученому, в таланте и глубине знаний которого никто не сомневается? В справедливости данного аргумента первыми убедились сотрудники «камералки»—отдела камеральной обработки.

Это самый большой отдел в институте—100 человек. Много? Но и дела тут по горло! Сюда стекаются для первичной обработки научные наблюдения из других отделов и с периферии — с полярных станций, из экспедиций. В год набирается примерно 25 тонн бумаги—вагон! Полтора миллиарда одних только цифр... Рассортируй, найди ошибки, исправь и передай с рекомендациями для дальнейших исследований в соответствующие отделы... Не справлялась «камералка». Образовались залежи, душила незавершенка. И стонали, жаловались отделы: некоторые материалы поступали к ним от камеральщиков с пятилетним опозданием...

Что могли сделать Никифоров и его контролеры? Прийти в отдел, так сказать, с указующим перстом, и еще раз установить то, что было уже известно всем: камералка задыхается, держит другие отделы? Или сесть с камеральщиками за один стол, влезть в их шкуру и вместе с ними, виток за витком, размотать запутанный клубок? В первом случае —«разоблачать». Во втором — помочь. Это труднее. Группа контроля избрала второй, трудный путь. И это заняло год. Да, год! Не наскок, не налет «легкой кавалерии», а долгое и детальное исследование. Не расследование, а исследование, повторяем. С точными выводами. Проще всего было, конечно, рекомендовать руководству института увеличить штаты отдела. Ибо его сотрудники просто физически не в силах «переварить» 25 тонн бумаги и полтора миллиарда цифр. Почему не в силах? Да потому, что способы, методы обработки старинные, рассчитанные на прежний тоненький ручеек научной информации. А ныне поток. Широкий и разветвленный. И вручную, при карандаше, с ним не управишься. Нужна машина! Кроме того, при таком обилии наблюдений нет необходимости возиться с каждой цифиркой в отдельности. Нет нужды в филигранной отделке каждого наблюдения. Точность, как самоцель, излишня. Она восполняется количеством информации... Словом, иные средства и иные способы камеральной обработки. И она перестала быть «узким местом» в институте. Для этого стоило потратить год.

В научно-исследовательском институте есть и дела хозяйственные.

С другого конца света, из обсерватории «Мирный», прибыл с очередной оказией пакет в адрес парткома. Тамошний антарктический пост народного контроля сигнализировал...

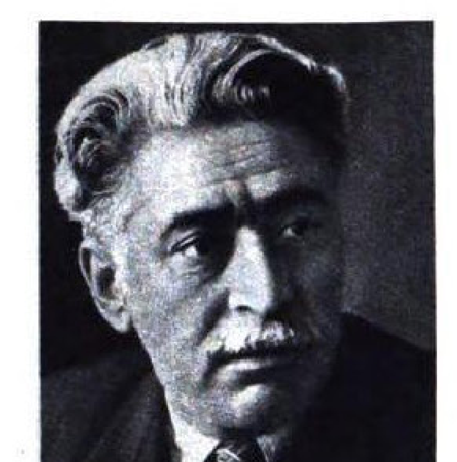
В «Мирном» собирались строить баки для горючего. Под фундамент для этих емкостей нужна щебенка. Из Ленинграда на «Оби» была доставлена камнедробилка. Но работать на ней оказалось опасным для жизни. Она не дробила камень, а... прыгала. Головотяпство совершенно очевидное: везти за десятки тысяч километров непригодную машину. Кто виноват? Начальник ОКСа института, который приобрел камнедробилку у одной из ленинградских строительных организаций... Так сигнализировал пост народного контроля из очень далекой Антарктики. Партком поручил Никифорову и его группе разобраться в этой странной истории.

Ну, взяли за бока начальника ОКСа. Он представил акт: машина старая, но капитально отремонтирована, поставлены новые моторы и испытаны. Отправились к строителям, у которых была куплена камнедробилка, нашли механика, работавшего на ней перед самой отправкой в дальний путь. Подтвердил: была исправна. Тогда пошли в порт, где у пирса стояла «Обь», только что вернувшаяся из Антарктики. И в трюме на самом днище в темном углу обнаружили два невыгруженных электромотора от камнедробилки. На каких же моторах запускали ее там, в «Мирном»? По радио запросили подробности у поста народного контроля. Завязалась оживленная «переписка» по эфиру. И выяснилось, что, выгружая машину, моторов для нее не нашли и использовали другой двигатель — в шесть раз мощнее: не на 500 оборотов, а на 3 000. Вот почему камнедробилка запрыгала. Как она еще не побежала! А кто же запускал ее? Ведь перед отправкой специально проинструктировали группу рабочих, которые должны были эксплуатировать камнедробилку. Но в «Мирном» этих людей назначили на другой объект, а к машине поставили рабочих, впервые увидевших ее...

Вот как группа народного контроля, Никифоров и его помощники, уточнила сигнал поста из Антарктики. Спокойно разобрались в истинных причинах этой странной истории. Сняли незаслуженное обвинение с начальника ОКСа. И назвали имя подлинного виновника — главного инженера экспедиции, который загубил доброе дело.

Так живет и работает в Ленинграде партийный комитет Арктического и Антарктического научно-исследовательского института. Партком полюсов.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Самед Вургун.

СЛОВО О ПРЕКРАСНОМ ДРУГЕ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Как странно! Вот уже целых десять лет минуло, как ушел из жизни наш замечательный современник, собрат и друг, народный поэт Азербайджана Самед Вургун. Вот уже в течение целых семи лет на вокзальной площади в Баку Самед Вургун, отлитый из бронзы и ставший намного выше своего физического роста, встречает новых гостей, впервые приезжающих в этот славный город!

Это странно, потому что никогда не укладывается в голове современников ранняя, безвременная смерть человека, с которым связано так много хорошего, так много ярких и навсегда живых воспоминаний. А Самед Вургун был именно таким человеком. Общительный, красивый, изящный, он с первого дня знакомства производил впечатление редкостное и счастливое — настолько, казалось, он полон избыточных жизненных сил. Как будто от него непрерывно шел и заряжал присутствующих ток самого высокого напряжения, как от большой, прекрасно оборудованной электростанции, дающей людям свет и тепло.

В голове у меня теснятся воспоминания, относящиеся к разным годам нашей близости, деловой и дружески личной. Положительно теряешься: что же выбрать, на чем сосредоточиться?

Вспоминаю, как в 1937 году по настоятельному, еще не дружескому, а только товарищескому зову Самеда я впервые явился в Баку, чтобы вместе с Владимиром Луговским работать над антологией азербайджанской поэзии. Самед Вургун, едва тридцатилетний красавец, встретил нас как хозяин и мэр великого города Огней! Он широко распахнул перед москвичами тысячелетние сокровища азербайджанской поэтической классики. Мы энергично взялись за работу. Сначала Самед приглядывался к нам с некоторым недоверием, с насмешливым любопытством: чего это, дескать, москвичи так стараются? Может быть, они и просто не умеют ничего делать... Однако он и сам скоро втянулся в наш ритм, подгонял других и, как всегда и во всем, оставался артистичным, легким и веселым товарищем.

В те дни он был занят мыслями о трагедии «Вагиф». Его герой, замечательный азербайджанский лирик XVIII века, издавна был близок Самеду — и высоким своим лиризмом и тем, как щедро черпал он из источников народной песни и предания, а главное, кажется, тем, что был не только поэтом — певчей и вольной птицей, но оставил по себе благородную память как государственный деятель, расчетливый дипломат, отважный защитник народа. В этой сложной фигуре Самед Вургун воплотил свое личное представление о том, каким обязан быть настоящий поэт да и всякий художник.

Вспоминается и другое время. За два года до своей безвременной кончины, в дни Второго съезда писателей в Москве, Самед с трибуны Колонного зала делал доклад о нашей многонациональной поэзии. Никто в многочисленной и весьма требовательной аудитории съезда не задавал вопроса, почему именно ему, Самеду, поручено такое ответственное дело. Аудитория легко разглядела в этом статном, рано поседевшем, смуглом человеке своего лидера. И Самед, как говорится, не подкачал. Он был прост, сдержан и, несмотря на понятное свое волнение, убедителен и по-хорошему в нервном ударе, на подъеме.

Еще одно, последнее воспоминание — торжественное и в то же время горестное. Весною 1956 года в Баку состоялось чествование нашего поэта в связи с его пятидесятилетием. В Театре оперы и балета было грандиозное стечение народа, сотни людей стояли многие часы в проходах между рядов партера и балконов. Это были люди разных возрастов, разных специальностей, разной степени культурной подготовки. Они съехались со всей республики. Было также множество гостей со всего Советского Союза. В течение трех часов без перерыва на трибуну всходили друзья поэта, сами поэты, пишущие на всех наших братских языках, всходили бакинские нефтяники, комсомольцы, старики-ашуги и учителя средней школы, вузовцы, знатные пенсионеры, землепашцы, чабаны и виноградари республики...

А самого Самеда не было в театре. Уже много месяцев лежал он прикованный к постели жесточайшей в мире болезнью. Он только по радио слушал, как его чествуют. И не раз горькие и счастливые слезы сжимали ему горло. Мы через микрофон обращались непосредственно к нему. Он и об этом хорошо знал. Много на своем веку участвовал я во всякого рода торжествах, и еще более широких и людных и гораздо более скромных в своей сердечности. Но положительно тот майский вечер 1956 года был самым трогательным и самым раздирающим сердце.

Через две недели, 27 мая, Самед Вургун ушел из жизни.

«В жарком сердце не всю написал я тетрадь»,— сказал он когда-то, на заре жизни. Это юношеское заявление осталось в силе до последнего часа его жизни, хотя и была она полна самого напряженного труда, так что успел он сделать поразительно много. Все-таки тетрадь его не написана до конца, последнее слово им не сказано. Слишком горяч и жизнелюбив был этот человек, чтобы могло случиться по-другому! Проживи он самый долголетний срок, возможный для человека,— все равно в тетради его жаркого сердца осталось бы много белых, неисписанных страниц. В этом его сила, и красота, и слава!

НАДЕЖДА НАРОДОВ

Андре ВЮРМСЕР

Во время конференции в Гонолулу во французской печати появились две фотографии, призванные иллюстрировать то, что происходило в мире. Одна из них была помещена в «Юманите»: вьетнамская мать рыдает над телом ребенка, погибшего под американскими бомбами. Мы видели уже немало таких чудовищных снимков, переданных американскими агентствами. Некоторые считают, что у «свободного мира» достаточно мужества, чтобы не скрывать свои язвы. На самом же деле просто ужасно, что этот мир так легко привыкает к ним. Страшна не только сама пытка, а то, что ею хвастают, ее спокойно фотографируют и этими фотографиями торгуют.

Другой снимок изображал вице-президента Хэмфри, бегущего за своей маленькой собачкой. Он появился в официозе фашистов из ОАС.

Так отличаются друг от друга два рода французских газет: правдивая печать и та, которая под флагом свободы печати отвлекает своих читателей от настоящей правды. Одна борется за мир, другая способствует войне, отвлекая читателей от этой борьбы.

В тот день, когда американцы возобновили бомбардировки Северного Вьетнама, три французские газеты предпослали этой новости примерно одинаковый заголовок: «Вашингтон согласен на переговоры без предварительных условий». Эти газеты — ярые защитницы капитализма, они распространяют американскую ложь. Они вместе с Америкой против Вьетнама, против Доминиканской Республики, против молодых государств.

Самые реакционные силы — расисты Юга, или куклуксклановцы, упрекают Джонсона в том, что он проводит недостаточно джонсоновскую политику и не доводит дело до мирового конфликта.

То, что верно для одной страны, верно и в международном масштабе: самые ярые сторонники политики Пентагона — немецкие реваншисты.

«Коммунисты — это не французы»,— объясняли свои зверства во Франции гитлеровцы. Как не вспомнить этот фанатизм, превращающий захватчика в судью, когда президент Соединенных Штатов заявил в Гонолулу: «Жизненные интересы США требуют изгнания коммунистов из Южного Вьетнама...» Коммунисты, видите ли, это не вьетнамцы!

Таким образом, американцы считают своей задачей помешать вьетнамцам владеть Вьетнамом, потому что, если им позволить это сделать, кто знает, не захотят ли тогда и пуэрториканцы владеть Пуэрто-Рико? Это же очень опасно! Ведь коммунисты уже прогнали кубинцев с Кубы! Коммунисты вытеснили русских из России! Коммунисты избавились от поляков в Польше! Такой эскалации должен быть положен конец!..

В Святом писании говорится о некоем Иисусе Навине, который приказал солнцу остановиться. Но это было в те времена, когда в чудеса еще верили.

Две поговорки выражают сущность мирного сосуществования: «каждый у себя дома хозяин» и «пусть выиграет сильнейший».

«Каждый у себя дома хозяин» означает, что никто не пошлет в чужой дом миссионеров в сапогах со шпорами, чтобы учить хозяев дома варить суп.

Формула «пусть выиграет сильнейший» говорит о том, что экономическое соревнование должно заменить вооруженную борьбу. Существует ли другая политика, исключающая войну? Очевидно, нет. Но как же две самые крупные державы применяют эти принципы?

«Каждый у себя дома хозяин»? Посмотрим. Всему миру известно, что солдаты только одной великой нации сражаются на чужой земле. Только одна великая держава из двух отказывается от эвакуации своих военных баз, расположенных на чужой территории.

«Пусть выиграет сильнейший»? Кто ведет нечестную игру, жульничает, силой препятствует развитию новых государств по воле их народов?

Да только американская политика по-своему, своекорыстно понимает эти простые принципы.

США допускают мирное сосуществование только с теми правительствами молодых стран, которые они сами поставили у власти.

Однако какой Иисус Навин может остановить историю?

Империализм, предвидя свое поражение в ходе мирного сосуществования, рассчитывает получить хоть какой-нибудь шанс на самосохранение, задерживая развитие народов с помощью войн. Этим вызвано проведение поджигательской политики. Кого вооружает Америка на Среднем Востоке? Израиль. «Браво!» — кричат добрые люди, которых преследуют воспоминания о постыдном гитлеровском антисемитизме. Они говорят, что «арабские государства грозят уничтожить Израиль, а ведущая страна свободного мира вооружает этот маленький народ». Сомнительно. А почему, когда между двумя арабскими странами мир уже почти восстановлен, американцы вдруг подписывают с Саудовской Аравией огромный контракт на поставку ей самолетов, танков и другого оружия? При чем тут «защита» Израиля? Более того, на границах Иордании военный конфликт может разгореться только с Израилем. А между тем Иордания также получает от Соединенных Штатов самолеты, танки и другое вооружение. Почему? Потому, что она голосует в Совете Безопасности против мира во Вьетнаме!

«Операция Камелот» и «Операция Симпатико» разработаны американскими военными и особенно их разведывательными службами для того, чтобы изучать «подрывной потенциал» официально независимых государств Латинской Америки. Кого при этом имеют в виду? Коммунистов? Да. Но не только тех, кто вступил, например, в Чилийскую коммунистическую партию, но и тех, кто может стать коммунистом, то есть всех чилийцев-демократов!

Пусть в глазах «Дженерал моторс» и «Юнайтед фрут» присвоенная Соединенными Штатами роль всемирного жандарма вполне оправданна. Но где кончаются жандармские «обязанности»? Жандарм способен окрестить коммунистом любого, кто будет протестовать против его злоупотреблений. На этом пути нет конца. Коммунистом является каждый, кто не подчиняется американскому богу. Генерал де Голль — коммунист! Колумбийские крестьяне — коммунисты! Демократы Санто-Доминго — коммунисты! Франко, Салазар, Смит, гитлеровские генералы, напротив, рассматриваются как великие демократы, потому что они ярые враги коммунизма. И вот уже ведется война в Санто-Доминго против сторонников правительства, пришедшего к власти после законных выборов, а в то же время во Вьетнаме, где никогда не было выборов, жандарм вступается за правительство, пришедшее к власти после пяти государственных переворотов!

Совершенно естественно то, что я считаю капитализм отжившим режимом, который мешает человечеству идти в будущее. Если бы я так не думал, я не был бы коммунистом. Но предположим, что государство, в котором мои идеи восторжествовали, вздумало бы подвергнуть бомбардировке Лион и Марсель и принялось бы убивать и пытать нелояльных избирателей. Разве это помогло бы доказать мне, что коммунизм есть самое гуманное течение нашего времени?

А разве не так ведут себя Соединенные Штаты в Сайгоне?

Повсюду, где люди сражаются на своей родной земле против захватчиков или против реакционеров, в роли иностранных советников — жандармов и солдат — выступают янки. Корабли, которые блокируют Кубу, принадлежат янки. Самолеты, которые сравнивают с землей колумбийские деревни, принадлежат янки. Палачи патриотов Африки и Азии — тоже янки или их союзники, которых янки содержат. Поэтому ненависть народов направлена сегодня против американцев. И мы могли бы радоваться, что Юпитер лишает разума тех, кого он хочет погубить, если бы вместе с теми, кого он ослепляет, не гибли миллионы людей. Наш первейший долг поэтому состоит в том, чтобы выиграть мир.

Надо уже совсем не верить в народные силы, чтобы вообразить, будто мир помешает безумным погибнуть. Законы социальной и экономической эволюции куда сильнее атомной бомбы.

Общественное сознание сделало большой шаг вперед. На одном из собраний по обмену членских билетов, которые проводятся Французской коммунистической партией, я спросил у своих товарищей, что говорят их беспартийные знакомые о Советском Союзе. Мои собеседники сказали, что о Советской стране и ее достижениях знают, к сожалению, еще недостаточно, но тут же как нечто само собой разумеющееся добавили: «Но все одобряют мирную политику Советского Союза».

Давно прошло то время, когда на СССР клеветали, обвиняя в тайных захватнических планах и макиавеллизме. И на этом сходятся все. Согласие Индии и Пакистана на встречу в Ташкенте свидетельствовало об их доверии к Советскому Союзу. Они знали: СССР стоит за мир и против войны. И нет прекраснее победы, чем та, которая была одержана в Ташкенте миром над войной!

Все люди должны бороться за мир вместе с Советским Союзом. Потому что его действия совпадают с их сокровенными желаниями. Люди должны бороться против американского империализма. Потому что он умножает войны, проводит политику «эскалации войны».

Люди обязательно отвоюют свободу и мир для нашей планеты!

В. Серов. ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ.

В. Серов. ЖДУТ СИГНАЛА.

ПЛАЦДАРМ ТОЧНОСТИ

31 декабря 1965 года в новосибирском универмаге незадолго перед его закрытием я видел, как старая женщина в толстом полушубке и старинном пуховом платке покупала часы. Она требовала самые хорошие и самые точные: подарок внуку. Осмотрев и послушав с десяток, выбрала «Славу-транзистор» — наручные электронные часы новой модели.

И я подумал тогда, как символичен этот подарок.

Новые часы начнут свой ход как раз в тот день, когда стартует новая пятилетка. Им предстоит отмерить каждую ее секунду, час и день. И кем бы ни был бабушкин внук — рабочим, колхозником или ученым,— ему непременно понадобится точное время. Потому что пятилетка требует от всех людей особой деловитости, точности, особого уважения к фактору времени...

Я вспомнил об этом эпизоде несколько дней назад, когда председатель завкома Второго московского часового завода Анатолий Гаврилович Илюшин показывал мне производство. Завод выпускает сейчас столько часов, что их хватило бы на всех бабушек, пожелавших сделать подарок внукам: 4,5 миллиона в год! Главная их особенность — высокий класс точности. Не случайно половина продукции идет на экспорт, в том числе в Англию, США. И даже швейцарские фирмы вели переговоры о поставке им советских часов. Однако, чтобы сохранить честь швейцарской марки, а в равной степени и увеличить прибыль, фирмы пожелали заполучить лишь механизмы и вставлять их в корпуса собственного производства. Сделка не состоялась...

Анатолий Гаврилович — он на переднем плане обложки — пришел на завод двенадцать лет назад учеником наладчика, демобилизовавшись из армии, где служил в десантных частях. На заводе он участвовал в десанте иного рода — производственном десанте на плацдарм точности. Правда, Илюшин не застал того времени, когда предприятие выпускало «ходики» и карманные часы «Молния». Но московская «Победа» уже победила всех вторгшихся к нам иноземных конкурентов.

Илюшин рассказывает, что на заводе сейчас действуют 24 автоматические линии. Скоро тут будут установлены электронные контрольные приборы, которые, ускорив сборку, избавят работниц от лишнего напряжения...

Хорошая техническая база — новый плацдарм точности. Не так давно завод начал выпускать электронные часы особо высокой точности и надежности — «Слава-транзистор». Они получили большую золотую медаль на международной ярмарке в Лейпциге. Электронные часы были в кабинах космических кораблей. Их применяют в медицине, авиации, в тех отраслях промышленности, где необходимо точнейшее время.

К XXIII съезду партии завод приготовил новую модель — так называемые электронные часы с микромодулем. Их электронные детали раз в десять меньше, чем у предшественниц. И примерно во столько же раз возросла точность и надежность...

Анатолий Гаврилович смотрит на часы,— разумеется, собственного производства. Ему пора возвращаться в кабинет. Его уже ждут. В эти дни к Илюшину заходит особенно много людей. Он делегат XXIII съезда партии, и товарищи по работе делятся с ним планами, замыслами...

Я сижу в кабинете и слушаю. На этот раз речь идет о новой системе планирования производства. Второй часовой завод перешел на нее одним из первых. Уже ощутимы преимущества. По сравнению с прошлым годом фонд материального поощрения, например, возрастет сейчас на 67 процентов и составит почти 800 тысяч рублей.

Р. ЮРОВ

ОНА МОЖЕТ БЫТЬ ДИРЕКТОРОМ...

Итак, позади многие экзамены, а недавно сданы последние и самые серьезные — государственные. Как говорят, перед ней широкая дорога. Она может теперь работать мастером, плановиком, экономистом и даже директором.

Не слишком ли рискованно на первых же порах возлагать на нее столь ответственные обязанности? Ведь она только еще готовится расстаться с институтом!

И все же ее воспитатели, ученые Всесоюзного научно-исследовательского института электромеханики, утверждают: их воспитаннице под силу самые ответственные обязанности.

Кто же она?

Она — «ВНИИЭМ-3» — новая универсальная управляющая электронно-вычислительная машина.

Тишину лаборатории нарушил перестук телетайпа. Одна за другой по белому полю бумажной ленты побежали цифры и буквы. Появились слова: «Программа ввода-вывода работает нормально. Контрольный текст введен правильно».

— Машина сама себя проверила,— объясняет кандидат технических наук В. М. Долкарт.— Надо сказать, что «ВНИИЭМ-3» в промежутках и паузах, возникающих во время работы, не сидит сложа руки. Несколько секунд требуется ей для самоанализа. За это время она проверит, правильно ли работают ее многочисленные узлы, и о результатах доложит в письменном виде. При этом, как настоящий врач, кибернетическая машина предупреждает заболевания, немедленно сообщает людям о том, что с ней могут произойти неприятности: принимайте, мол, меры.

Во время испытаний в лабораторию вошел главный конструктор «ВНИИЭМ-3» доктор технических наук Б. М. Каган. Он-то и помог поближе познакомиться с электронным мастером и директором.

«ВНИИЭМ-3» — машина поистине универсальная. Она может управлять сложными химическими производствами, прокатными станами. Работает она рачительно, как настоящий хозяин. Близкая ее родственница, установленная на крупном металлургическом заводе, уже стала мастером-доменщиком. Она ведет плавку чугуна, строго следит за выполнением производственного плана, экономит дорогостоящий кокс. За год руководства домной электронная машина только на одной печи сберегла кокса на 100 тысяч рублей.

— Универсальная управляющая

вычислительная машина,— рассказывает профессор Б. М. Каган,— наш подарок XXIII съезду КПСС.

Н. ТЕТЕРИН,
корреспондент газеты «Вечерняя Москва»

ЖИЛ НА УЛИЦЕ ГЕРОЙ

Третья Кожуховская улица в Москве переменила имя, теперь она стала улицей Героя Советского Союза Владимира Трофимова. А произошло это так.

Пионеры 505-й московской школы включились в «поход боевой славы». И вскоре в своем донесении совету дружины пионеры 5-го класса «В» сообщили: «На нашей улице жил до войны Володя Трофимов. Он погиб в 1944 году. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза».

Начался сбор материалов о герое. Тут ребятам помог отец Владимира Трофимова — Василий Георгиевич. Сейчас пионеры располагают многими документами.

19 января 1944 года в бою за высоту 39,9 командир роты И. В. Духанин и комсорг Владимир Трофимов уничтожили 12 гитлеровцев, захватили вражеский блиндаж. Фашисты бросились в контрнаступление. Несколько атак отбили двое смельчаков. Подкравшийся к блиндажу гитлеровец метнул гранату в командира роты. Владимир рванулся вперед и заслонил собой командира. Так погиб комсорг роты.

Бережно хранят пионеры письма фронтовых друзей Владимира Трофимова, письма из райвоенкомата, Министерства обороны, из Президиума Верховного Совета СССР. Есть тут и письмо из исполкома Пролетарского райсовета Москвы, в котором сообщается, что по просьбе пионеров 5-го «В» класса исполком принял решение о переименовании 3-й Кожуховской улицы в улицу Героя Советского Союза Владимира Трофимова.

В. СИДОРОВ,
редактор газеты завода «Динамо» — «Кировец»

Пионеры 5-го класса «В» 505-й школы в гостях у отца Володи — Василия Георгиевича Трофимова.
Фото И. Черного.

НОВАЯ ЖИЗНЬ «БАРАБАНЩИЦЫ»

«Мы шли под грохот ка-но-на-ды, мы сме-рти смот-ре-ли в ли-цо...» Узнаёте? Это слова из старой пионерской песни. Под четкую дробь барабанов пели ее в годы довоенного детства мальчишки и девчонки. А сейчас тихо, вполголоса, так, что комок в горле застревает у тех, кто ее слышит, поет эту песню о юном барабанщике Нила Снижко, бесстрашная советская разведчица, героиня пьесы А. Салынского «Барабанщица», что идет уже несколько лет на сцене ЦТСА.

Блистательной, непревзойденной запомнилась москвичам в роли Нилы первая исполнительница — актриса Людмила Фетисова. Казалось, после нее уже нельзя привнести в трактовку образа ничего нового. Однако Людмила Касаткина сыграла роль по-своему и тоже интересно. В этом сезоне Нилу играет Алина Покровская.

А. Покровская не скрывает, что Ниле трудно жить, презираемой своими, родными, советскими людьми; больно носить кличку «немецкой овчарки». Но труд разведчицы все еще нужен людям!

— Было очень страшно браться за роль после Фетисовой и Касаткиной. Моя Нила, может быть, слабее, но она все равно находит в себе мужество быть сильной! — рассказывает актриса после спектакля.

Не менее ярок партнер А. Покровской — молодой актер И. Соловьев, также недавно введенный в спектакль.

Г. СМЕТАНИНА

А. Покровская — Нила и И. Соловьев — Федор.
Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

Начало смотри на стр. 16.

Невеселая лыжня

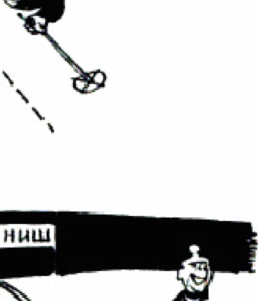
Размышления на финише.

В. ВИКТОРОВ

Рисунки Ю. Черепанова.

Скатился...

Дотренировался...

А надо так...

Уступил лыжню...

Вернувшись из Норвегии с чемпионата мира по лыжному спорту и перебирая свой архив, наткнулся я на объемистую папку, в которую от года к году складывал копии своих репортажей, очерков, обозрений, посвященных гонщикам. Какая же бесконечная трасса протянулась передо мной! Старт на первенстве мира 1954 года в Швеции, где Владимир Кузин, двадцатитрехлетний дебютант, завоевал сразу две золотые медали; блистательный бросок вперед нашей эстафетной команды на Белой олимпиаде 1956 года в Италии; победа Павла Колчина в 1957 году на Лахтинских играх (Финляндия); его же две серебряные медали и серебряная медаль нашей эстафетной команды там же, в Лахти, в следующем году на первенстве мира... А потом все пошло под уклон, хуже и хуже: два третьих места на Олимпийских играх 1960 года в США, всего одна бронзовая медаль (в эстафете) на чемпионате мира 1962 года в Польше, две бронзовые медали на Белой олимпиаде 1964 года в Австрии, и вот теперь крушение всех наших надежд на мировом первенстве в Норвегии.

Да, еще никогда наши гонщики не выступали так плохо: мужчины не увезли из Норвегии ни одной призовой медали, их лучшее место — всего лишь пятое, причем не только в личной гонке, но и в эстафете, где мы до этого неизменно поднимались на пьедестал почета, правда, располагаясь там все ниже и ниже.

Теперь, когда все уже позади и наши лыжники, вернувшись из Норвегии, выступили в Свердловске на Всесоюзной зимней спартакиаде, смело и красиво выигрывая друг у друга, словно они именно к этому готовились долгий год и для этого выезжали в Осло, хочется все же разобраться в случившемся, хотя бы вчерне определить, почему же наша лыжня идет под уклон, почему только на внутрисоюзных соревнованиях наши гонщики выступают с пылом и задором.

— Вы удивительные женщины! На вас посмотришь, никогда и в голову не придет, что вы героини сегодняшнего дня! — сказал Клавдии Боярских и Алевтине Колчиной один из норвежских журналистов после финиша гонки на 10 километров.— Вы не радуетесь своей победе. Мы бы уже прыгали до самой вершины большого холменколленского трамплина!

Да, в начале чемпионата дела норвежцев шли неважно: мужская гонка на 30 километров закончилась для хозяев лыжни плачевно, и в то время, как финны завоевали первое и второе места, лучший результат у норвежцев был лишь седьмым, а в женской гонке, где столь успешно выступили наши женщины (к счастью, горестные размышления у лыжни к ним никакого отношения не имеют), норвежки не попали даже в шестерку.

Как же все стремительно изменилось на лыжне в Холменколлене! Гонка на 15 километров для мужчин завершилась поистине триумфальным успехом для норвежских гонщиков, занявших все три ступеньки пьедестала почета, причем самая высокая досталась самому молодому, о котором мы почти и не слышали,— ровеснику нашего Вячеслава Веденина Йермунду Эггену. Как он был счастлив, владелец небольшой фермы, черноволосый норвежский парень! И сверкая зубами, ответил он на мой единственный вопрос, который я успел ему задать прежде, чем его атаковали фотокорреспонденты.

— Как прошла для вас гонка, трудно было? — спросил я Эггена.

— Прокатился в свое удовольствие! — ответил Йермунд Эгген.

И теперь, вспоминая его слова, я подумал, что наши гонщики уже давно не катаются в свое удовольствие, что лыжи стали для них работой, тяжелой будничной работой. А разве могут быть победы в спорте без эмоций, без душевного подъема, без азартного веселья?

Как неизменно озабочены наши лыжники во все время подготовки к сезону! Сверкающий снег, ароматы зимнего леса, стремительные движения, почти полет, картины родной природы, мелькающие перед ними, не вызывают у них никаких эмоций: они ведь работают. И эта работа не прекращается фактически круглый год. Она начинается сразу после окончания сезона и длится монотонно все лето, нарастая к осени и достигая своего апогея к тому моменту, когда на землю ложится снег... Почти никаких соревнований на своей лыжне и тем более на международной, только тренировки. Конечно, это может осточертеть самым большим энтузиастам.

И вот что интересно. Нашел я в своем архиве старый блокнот 1959 года, в котором оказалась запись беседы с известным гонщиком того времени Николаем Аникиным, неизменным участником всех международных соревнований и нынешним тренером сборной команды страны. Вот что говорил мне тогда гонщик Николай Аникин:

— Наша неудача на первенстве мира (подумать только, что результаты, показанные на первенстве мира 1958 года,— три серебряные медали, завоеванные мужчинами, казались тогда Аникину неудачей!) объясняется тем, что мы измотали себя летом, используя большие и однообразные тренировочные нагрузки. Нам нужно участвовать почаще в соревнованиях и не стараться быть на полном взводе к началу сезона, а от нас на первых же прикидках требуют высокой скорости. Как это мешает входить в самую лучшую форму в самый нужный момент, как изнуряет нервы!

С тех пор прошло семь лет. Теперь Николай Аникин сам готовит лыжников. Что же, сделал он необходимые выводы, внес коррективы в эту подготовку, которую критиковал? Нет, не внес. Ничего не изменилось в той обстановке, в которой живет и тренируется сборная команда. Все так же безрадостно однообразен быт гонщиков. Все так же натянуты их нервы. Все так же не умеют они оказываться в расцвете своих сил к моменту самых важных испытаний.

После того, как в Осло наши лыжники вчистую проиграли две гонки, мы, несколько журналистов, побывали в резиденции нашей команды и побеседовали с тренерами и руководителями Федерации лыжного спорта. Нас тогда успокаивали, нам говорили, что восьмое место Вячеслава Веденина на дистанции 15 километров и еще более скромные результаты другого «новобранца» сборной, Анатолия Наседкина, вселяют надежды на то, что к Белой олимпиаде в Гренобле в 1968 году наша лыжная молодежь войдет в силу и сможет на равных бороться со скандинавскими гонщиками. После этого результат, показанный Ведениным на труднейшей дистанции — 50 километров, и успешное выступление Веденина и Наседкина в эстафете, где они героически пытались выправить полнейший провал на первом этапе ветерана Ивана Утробина, казалось, подтверждали эти надежды. Но во-первых, два лыжника — это еще не команда, а во-вторых, где гарантии того, что через два года и Веденин и Наседкин не окажутся в результате неправильной подготовки выжатыми лимонами наподобие Геннадия Ваганова и Игоря Ворончихина, так неудачно выступивших в Осло?

Интересно сравнить путь, пройденный столь многообещающим гонщиком, как Геннадий Ваганов, с путем двух зарубежных лыжников, его ровесников,— норвежца Харальда Грённингена и финна Ээро Мянтюранта.

Грённинген дебютировал на чемпионате мира 1958 года без особого успеха, а в следующем году они с Вагановым встретились на международных соревнованиях в Свердловске, и в гонке на 30 километров Ваганов был шестым, а норвежец — четырнадцатым, в то время как на пятнадцатикилометровой трассе Грённинген занял седьмое место, а Ваганов — лишь шестнадцатое. В 1960 году Ваганов встретился с Грённингеном и с дебютантом финской команды Ээро Мянтюрантой на Белой олимпиаде в Скво-Вэлли, и в то время, как наш гонщик дважды был четвертым, финский лыжник занял шестое место в гонке на 15 километров. Все трое успешно выступали в составе своих команд в эстафете.

Казалось, что молодые гонщики развиваются в одном темпе, но это только казалось. Через два года на чемпионате мира в Закопане три лыжника встретились снова, и в то время, как норвежец и финн продолжали прогрессировать, Ваганов не сделал ни шага вперед. В гонке на 15 километров Грённинген был вторым, а Ваганов — девятым. На дистанции 30 километров Ээро Мянтюранта стал чемпионом мира, а Ваганов оказался лишь двенадцатым.

Еще через два года в Инсбруке на Белой олимпиаде разрыв оказался еще большим. Мянтюранта и Грённинген — герои дня (первый — обладатель двух золотых медалей, второй — двух серебряных), а Ваганов терпит полнейшую неудачу (в гонке на 30 километров — девятнадцатый, в гонке на 15 километров—четырнадцатый). И вот наконец Осло. Мянтюранта — чемпион мира в гонке на 30 километров, Грённинген — чемпион мира в эстафете, а Ваганов, неизменный участник всех эстафет, начиная с Белой олимпиады в Скво-Вэлли, даже не попал в эстафетную команду (он выступил на чемпионате всего один раз на дистанции 15 километров и занял двадцать четвертое место).

Что же надо было сделать, чтобы довести до состояния выжатого лимона такого отличного гонщика? Как надо было готовить его, чтобы отбить у него полнейшее желание бороться и побеждать? Что надо было сделать с другим гонщиком, Игорем Ворончихиным, третьим призером в Инсбруке на дистанции 30 километров, чтобы в Осло он оказался полностью выбитым из колеи, вернее, из лыжни? Ворончихин выступил в Осло всего один раз на дистанции 30 километров и был восемнадцатым.

У нас перед глазами еще один молодой гонщик — Анатолий Акентьев. Сколько надежд возлагалось на него! А в результате все, чего он добился в Осло,— пятое место в гонке на 30 километров. И как же невозмутим, как спокоен был Акентьев на финише этой гонки! Так спокоен, словно на другой результат он и не рассчитывал. Но откуда же это необоснованное спокойствие и гонщиков и их тренеров? Откуда атрофия спортивного самолюбия? Как иначе можно назвать то равнодушие, которое продемонстрировал тот же Акентьев в эстафете, когда, начав свой этап четвертым после самоотверженных усилий Веденина и Наседкина, он не только не попытался догнать итальянского лыжника, идущего третьим, но и пропустил еще вперед шведа.

Казалось бы, давно пришло время задуматься над этими печальными фактами, в корне изменить систему подготовки гонщиков. Но к Осло наши лыжники готовились так же, как к Закопане и к Инсбруку. Разве могут побеждать гонщики, если их воспитатели стоят на месте, не совершенствуют своего тренерского мастерства? Нет, на старых рецептах далеко не уедешь!

Да, есть о чем подумать нашим тренерам и спортсменам, если они хотят успешно выступить в Гренобле, и тут мало надеяться на молодой задор двух-трех дебютантов сборной.

Не таких результатов ждали мы от наших лыжников в Осло, не этими строчками хотелось завершить свои норвежские впечатления. Но в Осло, на холменколленских холмах, лыжня не кончается. Впереди новые встречи, впереди Белая олимпиада, и к ней тренеры должны по-новому готовить гонщиков, не успокаивая себя потенциальными возможностями молодых.

Осло — Москва.

Эдуардас **МЕЖЕЛАЙТИС**

Ткачиха

Есть искусство в ремесле житейском.
Ткет и ткет без устали она
луг, как нарисованный Шилейкой[1],
волны — как у Шклерюса[1] волна.

На полотнах белые гусыни,
целый полк веселых косарей...
Сколько блеска, зелени и сини,
птиц и трав, деревьев и зверей!

Заяц, медвежонок и сорока,
елочек зеленых карусель,
из трубы дымок идет высо́ко —
не иначе, к свадьбе варят хмель.

В сундуках хранятся к свадьбе ткани,
приоткроют — ахнешь, изумлен
синими и красными цветами,
журавлями, клевером и льном.

Эти удивительные руки
не дремали в тишине ночей:
здесь и стилизованные руты,
и леса, и солнце, и ручей.

Пусть скорей выходит замуж дочка...
Возвратились к дому своему
дети,
да не все, но все же точно
есть для всех приданое в дому.

Может быть, слеза в рядно вплетется,
может быть, вкрадется седина —
все равно она в тканье, как солнце,
светится, навеки вплетена.

Ткань бежит меж пальцами искусно,
словно ветер шевелит хлеба...
Женщина, творящая искусство,
золотые руки у тебя.

Перевел с литовского
Станислав Куняев.

[1] Литовские художники.

УЧЕНЫЙ-ПОЭТ

У этой книги — первой книги поэта — длинная и примечательная предыстория. Началась она с тетради стихов, написанных на фронте, «в час редкого затишья, когда стихает бой». Присланные в редакцию журнала «Знамя», стихи эти своей волнующей темой, простотой и естественностью интонации заинтересовали Всеволода Вишневского и Владимира Луговского.

С тех пор прошло восемнадцать лет. Василий Ноздрев, сельский парень с Брянщины, студент, а затем аспирант физико-математического факультета МГУ, перед самой войной защитивший диссертацию, стал теперь доктором физико-математических наук, профессором. Недавно ему присвоено звание заслуженного деятеля науки. Ноздрев — автор 160 научных работ... и множества стихов и басен: поэзии по-прежнему отдана часть его сердца. Это не просто занятие в часы досуга. «Трудней работы поэта не встречал пока»,— признается Василий Федорович в одном из своих стихотворений.

Итогом трудной этой работы и явилась книга «Верность отчему дому». В ней собраны лучшие из стихов и басен Василия Ноздрева, печатавшихся в различных журналах. Все, что пережито автором: тяжелые солдатские дороги и скорбь о погибших товарищах, часы раздумий о человеческом мужестве и о поэзии, светлая радость, рождаемая лесной прогулкой,— нашло отражение на страницах книги. С большой любовью пишет Ноздрев о родной русской природе, глубоким патриотизмом дышат строки об отчем крае. И хлестким, метким становится его перо, когда он вступает в бой со всем тем, что мешает идти вперед.

Боевой, наступательный дух присущ творчеству Василия Федоровича Ноздрева, ученого и поэта, коммуниста, делегата XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Н. ЦВЕТКОВА

Василий Ноздрев «Верность отчему дому». Стихи и басни. «Московский рабочий». 1965.

Василий **НОЗДРЕВ**

Письмо сестры

Раскрываю письмо:
«Милый брат!
У колхозников нынче веселье.
Приглашаем тебя я и сват.
Приезжай к нам, родной, в Староселье.

Много дичи в соседних лесах,
Но не скрою, что есть и работа:
О Луне, о небесных делах
Нам ученых послушать охота.

О Луне... Помнишь, мы, детвора,
Засыпая, под грушей смеемся.
Ты пророчишь: настанет пора —
И до звезд, до Луны доберемся.

И от слов твоих детски лихих
На душе было жутко и сладко.
Одеялом закрывшись на миг,
Мы с сестрою крестились украдкой.

Все сбыло́сь: наш корабль на Луне,
Он с советским гербом прилунился.
И ты нынче испуганной мне
В корабле этом лунном приснился.

А сегодня иду за водой,
И на сердце тревога и счастье:
Говорят мужики меж собой,
Что твое есть в полете участье.

Мать кладет за поклоном поклон:
«Боже!
Милостив будь ты к сыночку.
Царь небесный, прости, это он
Бросил в лик твой ракетную бочку».

Приезжай, братец мой, не тяни!
На деревне у нас новоселье.
Вспомним вместе минувшие дни.
Приезжай,
тебя ждет Староселье».

* * *

По кромкам рощ горит рябина,
Сухой росой окаймлена.
Раздета липа у овина.
Видна на травах седина.

Прозрачнее лесные гривы,
Прозрачен до ручья овраг.
И гонит в крепь зверей пугливых,
Листвой шурша, мой ранний шаг.

На лужах ледяная пленка,
И роща за рекой нага.
И слышно, как дробятся звонко
О сучья
месяца рога.

САГА О МЕДВЕДЯХ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Дело в том, что в данном случае Медведи — вовсе не медведи, а люди. Литовские крестьяне. Четверо братьев Локисов и их старая мать Локене, их отец, убитый бандитским выстрелом в затылок в самом начале фильма «Никто не хотел умирать». По-литовски «локис» и значит «медведь».

Автор картины молодой литовский режиссер Витаутас Жалакявичус (ему же принадлежит сценарий, который раньше так и назывался — «Медведи») предстает в этом фильме не просто как интересный и крупный художник. Он заставляет людей, самых разных по вкусам и взглядам, признать свою картину явлением выдающимся.

В талантливом фильме одинаково поражает и то, о чем рассказывает Жалакявичус, и то, как он это рассказывает. А ведь не секрет, что за последнее время в искусстве кино довольно часто встречаются фильмы, говоря о которых критики все больше восхищаются образным строем режиссера, живописной манерой оператора, но вынуждены замалчивать либо оспаривать жизненный смысл, идейную значимость этих фильмов.

История послевоенной борьбы в Литве против банд из бывших полицаев, офицеров и всяческого сброда, вооруженного до зубов,— вот о чем фильм Витаутаса Жалакявичуса; действие фильма происходит в 1949 году. И это «о чем» захватывает внимание зрителя необычайной новизной жизненного материала, достоверностью и неослабным напряжением драматических событий.

В равной мере поражает и «как»: мастерство композиции, поэтическая сила, с какою раскрываются образы главных героев, и прежде всего братьев Локисов.

Ни в чем не похожи эти четверо один на другого: ни в любви, ни в ненависти,— как, впрочем, и никогда, ни в одной семье не бывают похожи взрослые дети. Однако у них есть то, что их сплачивает и объединяет: Локисы верны друг другу, верны земле, на которой родились, верны Советской власти и партии. Они умеют подчинять этому все остальное, и, если им это удается, они непобедимы, как ни трудно им приходится... Правда, удается это не каждому из них.

Витаутас Жалакявичус абсолютно правдив. Он ничего от нас не скрывает. Причем у своих актеров он не допускает ни малейшей «игры», никакой позы! Такому же неумолимому требованию подчинена и камера оператора Ионаса Грицюса.

Но о Грицюсе следует сказать особо. Это он снимал картину «Гамлет», изумив всех необычайными «цветовыми» возможностями черно-белого фильма: широтой диапазона, богатством и разнообразием оттенков черного и белого.

Ионас Грицюс и в фильме «Никто не хотел умирать» остается верен себе: он снимает людей и природу скупо, лаконично, а вместе с тем предельно выразительно. Оператор умеет поймать и блики луны на траве и листьях и тень улыбки либо тревоги в человеческом взгляде, но не кокетничает этим и не нагромождает деталей ради внешнего эффекта. Камера Грицюса словно становится зрением души режиссера, помогая ему раскрывать суть происходящего посредством тончайшего психологического проникновения в самое «нутро» вещей.

Умение выразить не только ход событий, но и показать «настроение событий», если можно так выразиться, есть главное, пожалуй, отличие, главная примета современного философского кино. Жалакявичус, овладев таким дорогим качеством, целиком обращает его на службу высокочеловечному содержанию советского, партийного фильма, углубляя образы героев, заставляя видеть их благородство, нравственную высоту. Благодаря этому мы с такой отчетливостью постигаем истинную цену людей, стоящих по разным сторонам невидимой баррикады. На одной стороне — Локисы и их деревенские друзья, на другой — прячущиеся в невидимом, тайном, зверином своем подполье бандиты. Между лагеря-

ЗНАКОМЦЫ И НОВИЧКИ

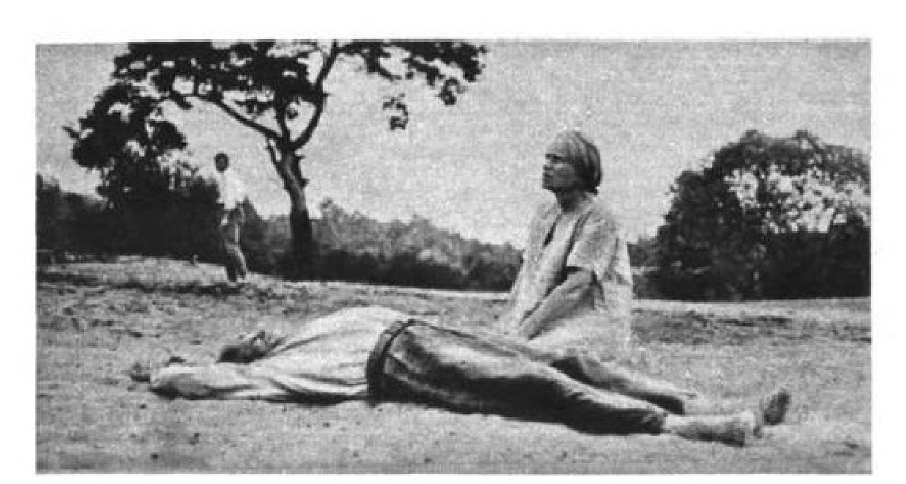
Нелли Мышкова давно знакома зрителям по фильмам «Садко», «Сердце бьется вновь», «Серебряный тренер», «Марья-искусница»... Семнадцатую по счету роль Нелли Мышкова сыграла в фильме «Гадюка», поставленном Киевской студией имени А. Довженко (по одноименному произведению А. Н. Толстого).

Постановщик В. Ивченко, как и автор сценария Г. Колтунов, стремились воссоздать на экране образы людей бесстрашных и сильных, их сложную, трудную биографию.

Взволнованно сыграл в новом фильме роль Дмитрия Емельянова — красного командира — актер Одесского драматического театра Борис Зайденберг. Это дебют. И тем радостней удача. А вот роль Вальки Брыкина, убийцы и палача, исполняет отнюдь не новичок в кино — артист Иван Николайчук. После триумфального шествия по экранам мира фильмов «Сон» и «Тени забытых предков» с И. Николайчуком в главных ролях работа актера в «Гадюке» особенно интересна. Вальку запоминаешь: он живой.

И еще один — «коллективный» актер известен зрителям. В батальных сценах участвуют солдаты специального кавалерийского полка, снимавшегося в первых двух сериях картины «Война и мир».

Т. ДЕРЕВЯНКО

Старая Локене оплакивает убитого мужа...

Кадры из фильма «Никто не хотел умирать».

Донатас Локис в погоне за бандитом.

ПЕРЕПРАВИЛИСЬ БЛАГОПОЛУЧНО...

Киностудия «Киргизфильм» — одна из самых молодых, а на счету у нее уже немало хороших картин! Сейчас студия выпустила на экраны новую работу — «Трудная переправа».

Герой фильма — юноша Мукаш. В годы революции он невольно задумывается о наступающей новой жизни. Мукаш представляет молодежь, борющуюся за будущее родной Киргизии. Любовь юноши к Ульжан делает образ поэтическим и просветленным.

Просватанная за бая, Ульжан полюбила Мукаша; он спасает возлюбленную, а сам гибнет. Картина, однако, не стала мрачной, беспросветной. В ней — наступление нового.

Интересно, что фильм является дипломной работой выпускника ВГИКа, режиссера и сценариста М. Убукеева. Да и для оператора К. Кыдыралиева этот фильм тоже первая проба сил в художественном кинематографе. Впервые снимались и исполнители главных ролей. Ш. Кобегенову (Мукаш) всего 19 лет; он учится в музыкальном училище Фрунзе. Сыгравшая Ульжан Асида Абаева — студентка университета.

Молодые «переправились» хорошо: на IV кинофестивале республик Средней Азии и Казахстана фильм получил диплом I степени.

Н. ЖЕЛЕЗНЯКОВА

Мукаш — Ш. Кобегенов.

ДОРОГОЙ МЕЧТЫ

Живут две сестренки, романтически влюбленные в жизнь, в мечту, в дальние и трудные дороги... Есть у них твердая цель — пробиться к морю. Только там, на морских соленых просторах, в суровой службе моряцкой видят они свое место, нигде больше!.. И сестры отправляются в путь. К Тихому океану.

Из двух сестер одна — героиня Л. Крыловой — от моря поворачивает: молодая, хорошая любовь останавливает ее порыв.

Другая, сыгранная Л. Барабановой, упрямица, дошла до моря! Старый морской волк (Р. Плятт) придирчив, но и он доволен отвагой, серьезностью намерений девушки. Дорога к морю отныне перед ней открыта!

Хорошую, веселую, лирическую киноновеллу создали на студии «Мосфильм» по сценарию И. Ольшанского режиссер И. Поплавская, оператор В. Шейнин, художник Б. Чеботарев, композитор Б. Чайковский.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Кадр из фильма «Дорога к морю».

ПРИ СОЧУВСТВИИ ЗАЛА...

Пожалуй, не найдется зрителя, который остался бы равнодушным к нелегким переживаниям полюбивших друг друга молодых людей. Особенно трогает образ девушки. Очень мягко, тонко играет молодая актриса В. Федорова. Трогательная история героини рождает сочувствие в залах кинотеатров. Часто Вика Федорова получает письма, где зрители от души ей говорят спасибо.

Рижская студия, сделавшая фильм «Двое» по сценарию М. Богина и Ю. Чулюкина (режиссер М. Богин)— о человеческой любви, чуткости и доброте,— может считать проникновенную картину в своем активе.

В. КАЙРАНОВ

Рабочий момент съемки фильма «Двое».

ЛЮДИ, НУЖНЫЕ ЛЮДЯМ

Трогательные старики, отец и мать,— их замечательно играют в фильме «Последний месяц осени» Е. Лебедев и В. Сперантова — выражают благородство души, полноту чувств трудовых людей. Ждали, ждали отец и мать, заждались детей в гости! Решил старик сам навестить сыновей. Поехал к Антону — тот лесник, к Андрею — он механик, навестил Серафима, студента,— и успокоился душой!.. Все у ребят в порядке. Живут они, как и их родители, честно, на жизнь глядят прямо.

Студия «Молдовафильм» (режиссер В. Дербенев, операторы В. Дербенев и Д. Моторный), поставив сценарий Иона Друцэ, рассказала о героях скромных и настоящих. О таких людях, которые нужны не только самим себе, но и другим людям.

В. БРУСЕНЦОВ

ми — молчаливые крестьяне, и здесь же среди них святоша Юозапас, безразличный будто ко всему на свете, да еще Вайткус, бывший бандит, с которым приходится так много возиться Локисам... Это его, Вайткуса, силой заставляют Локисы занять место председателя артели — место их отца!.. Ну что ж, кажется, у банды в лице Вайткуса нашелся превосходный помощник!.. Но только кажется...

Мы часто говорим о возможности возрождения человека, но совсем не так уж часто искусство показывает нам, как оно свершается, это возрождение. Зато в фильме Жалакявичуса подсмотрены все колебания, все движения, которые совершает человек в сердце своем, прежде чем станет таким же, как Локисы. Вайткус же станет как раз таким.

А Юозапас, сбросив маску святоши, окажется главарем шайки террористов... Авторы фильма не наделяют его ни зловещими чертами детектива, ни таинственной «загадочностью» отщепенца, изгоя. Это добросовестный наймит, привыкший убивать; он «работает» профессионально; на его лице все те же пустые, скучные глаза святоши. Он покоен и деловит, пока убивает других, но никто не пожалеет Юозапаса в том страшном одиночестве, в каком настигает его собственная смерть. И будто не смертью, а именно непереносимым этим одиночеством казнит Жалакявичус Юозапаса, заставляя его обронить перед смертью горчайшие слова: «Не знаешь... не знаешь, какая боль...»

Суждено умереть и Вайткусу, которого мы успели полюбить. Это смерть мученика, подвижника, героя. Смерть, оправдавшая всю жизнь человека и сделавшая его Человеком.

Есть в фильме и еще одна смерть, чье философское значение заставляет мысленно возвращаться к ней вновь и вновь.

Один из Локисов, по-юношески необузданный, порывистый Донатас, решил расправиться с убийцей своего отца сам. Бандит убежал от него. А Жалакявичус при всей своей любви к Локисам не хочет простить Донатасу того, что он, пусть на краткое мгновение, но отступил от закона, которым живут его братья, его друзья...

Братья не успели ни наказать Донатаса, ни помочь Донатасу: его настигла бандитская пуля...

Умирать не хочет никто, говорит фильм. Хотя в борьбе так или иначе приходится умирать. Только одни умирают, неся гибель и смерть другим людям, а другие — отвоевывая им жизнь. В этом вся разница. Она-то и составляет в фильме «соль» характеров и событий, их скрытую «изюминку».

Неторопливые, немногословные Локисы и Вайткус самоотверженны и всяк по-своему жизнелюбивы. Да и вообще это фильм не об убийствах и смертях, хотя их много в картине Жалакявичуса, а, напротив, о неистребимой любви к Жизни. И о любви к Любви... Сияющий образ Альдоны, невесты и возлюбленной Бронюса Локиса, утверждает тему верности, бесстрашия и силы любви, ее необходимости для жизни людей и ее красоты.

В фильме нет актерских неудач: одни удачи!.. При явном отказе от всяческой «красивости» Жалакявичус весьма взыскателен к красоте своих героев. Они обладают не просто выразительной внешностью, но еще и очень национальны по облику. Впрочем, эту особенную, литовскую, отчетливо улавливаемую, но не передаваемую словами окраску характеров и вещей оператор и режиссер находят всюду. Повадки людей, лес и земля, избы в деревне, даже небо в фильме — какие-то литовские... И чем глубже картина погружает нас в стихию национального, народного существования, тем острее, ощутимее в ней ее общечеловеческая, а еще точнее— интернациональная сердцевина!

Фильм будет интересен везде и всем. Интересен лиризмом, драматизмом, юмором, трагедийностью, жестокостью и добротой отраженной в нем жизни. Но главный, принципиально важный интерес этого фильма в том, что на живых примерах современности он убедительно доказывает незыблемую истинность классической формулы: судьба человеческая — судьба народная.

«ОТДАЙТЕ НАШИ СУ!..»

На судоверфях — забастовка.

Во вторник на прошлой неделе авеню Петра Первого Сербского, что находится в аристократическом шестнадцатом округе Парижа, оказалось едва ли не на осадном положении. Все подступы к авеню были преграждены крупными отрядами полицейских. Целый квартал был взят под контроль так называемой мобильной гвардии. А вокруг дома № 31 на самом авеню сосредоточилась добрая дюжина темно-синих полицейских автобусов, заполненных «ажанами», готовыми в любую минуту взять в руки свои тяжелые резиновые дубинки, чтобы «охранять порядок»...

В этом здании находится «Национальный совет французского патроната» — штаб французских капиталистов — патронов. В тот вечер патроны принимали у себя не слишком-то желанных гостей — делегацию двух крупнейших профсоюзных объединений Франции — Всеобщей конфедерации труда и Демократической конфедерации труда, которая пришла изложить требования трудящихся Франции, пришла защитить их интересы. Рабочий Париж решил проводить делегацию во главе с руководителями двух Конфедераций до дверей храма патронов, но только делегаты были пропущены сквозь цепь полицейских к дверям. А тысячи трудящихся, заполнивших квартал, с плакатами и лозунгами, на которых были написаны их требования, подтвердили, что называется, полным голосом полномочия своих профсоюзных руководителей. «Хозяева должны платить!» — этот лозунг громко скандировали рабочие на авеню Петра Первого Сербского. «Отдайте наши су! Единство во имя победы!» — гремел мощными выкриками респектабельный квартал шестнадцатого округа, квартал банков, дорогих ресторанов и особняков.

Диалога с патронами не получилось. Но само это событие было весьма примечательным фактом: не часто представители рабочих допускаются в «храм». Генеральный секретарь ФКП Бенуа Фрашон заявил, что последний раз он был принят в доме на авеню Петра Первого Сербского... 19 лет назад. Поэтому одно лишь присутствие профсоюзных руководителей в «Союзе патроната» было как бы своеобразным барометром. Этот факт позволяет лучше судить о степени накала социальной борьбы, развернувшейся сейчас во Франции.

Да, такого острого недовольства, охватившего тружеников, такой мощной волны социальных требований Франция, пожалуй, не видела давно. Недаром минувшую неделю некоторые французские газеты, выражающие интересы финансовых и промышленных кругов, назвали «черной неделей». Забастовки в марте следуют одна за другой, парализуя поочередно различные отрасли французской экономики. Вторую половину марта «открыли» металлурги, металлисты. Короткие стачки и манифестации, во время которых рабочие выдвинули свои требования, прошли 15 марта по всей Франции. 17-го начали забастовку железнодорожники. На 40 часов остановились поезда. 19-го в борьбу вступили шахтеры. 22-го и 23-го настал черед газовщиков и электриков. Из-за отсутствия электрического тока в стране вновь остановились электропоезда, застыли заводские конвейеры, не работал метрополитен. «Черная неделя» была наполнена короткими стачками рабочих химической промышленности, строителей текстильщиков...

Повышение заработной платы, введение 40-часовой рабочей недели, увеличение мизерных пенсий по старости — таковы требования французских рабочих. Всеобщая конфедерация труда и Демократическая конфедерация труда заключили соглашение о единстве действий. Во многих забастовках и выступлениях все французские профсоюзы выступают сейчас единым фронтом. В борьбе за свои интересы труженики встречают поддержку французских прогрессивных организаций, левых политических партий, рабочих муниципалитетов страны.

На днях мне довелось побывать в Гавре. Этим вторым по величине портом Франции руководит рабочий муниципалитет во главе с коммунистом. Недавно в Гавре хозяева судостроительной фирмы «Форж э Шантье» в связи с кризисом в судостроительной промышленности Франции решили закрыть фирму и уволить 1 300 рабочих. Началась упорная борьба тружеников против увольнений, поддержанная большинством города. Мэр, коммунист Рене Канс, собрал экстренное открытое заседание муниципального совета. Муниципалитет решил направить телеграмму министру Мишелю Дебре, затем мэр направился в Париж, чтобы защитить интересы тружеников в правительстве. И сила солидарности победила: хозяева были вынуждены отменить свое решение об увольнении рабочих.

В пятницу, 25 марта, вновь — в третий раз за 3 месяца этого года — прекратили работу железнодорожники. На 29 марта назначена забастовка государственных служащих. На 31-е — строителей. На 30-е — персонала больниц. Угрожают стачкой почтовики, учителя. Новую забастовку в начале апреля готовят металлурги...

«Хозяева должны платить!» — требует рабочая Франция.

А. ПОТАПОВ

Париж. По телефону.

▲ Токио. Японская полиция учинила свирепую расправу над студентами университета «Васэда» за то, что они устроили сидячую забастовку против повышения платы за учебу. Более 200 студентов арестовано.

На 31 марта в Англии назначены парламентские выборы. Эти символические весы, которые показывают, куда клонятся симпатии избирателей, выставлены на одной из улиц Лондона. Если верить этим весам, то пока фаворитами являются лейбористы. ▶

Фото ТАСС и ЮПИ.

ПО СЛЕДАМ УКРАДЕННОЙ БОГИНИ

Сейчас, когда в типографии набираются эти строки, судьба футбольной богини остается попрежнему неясной. Еще не полностью раскрыты все обстоятельства, при которых был похищен главный футбольный трофей мира, окончательно не установлены мотивы этого преступления, неизвестно, где богиня находится. За ответами на эти вопросы мы решили обратиться в Лондон.

Во вторник телефонная линия связала нас с Вестминстер-холлом, где разместилась та самая выставка почтовых марок, посвященных спорту, откуда в воскресенье «между 11 и 12 часами» была выкрадена золотая Ника. Нам ответил женский голос — это была одна из сотрудниц выставки.

ОГОНЕК. Мы хотели бы задать несколько вопросов администратору выставки в связи с похищением кубка Жюля Риме.

ВЕСТМИНСТЕР-ХОЛЛ. Администратора нет. Впрочем, одну минуту...

В телефонной трубке зазвучал мужской голос. Но едва лишь он заговорил, связь испортилась. Когда она наладилась, нам снова ответил женский голос.

ВЕСТМИНСТЕР-ХОЛЛ. Я боюсь, что вам не смогут здесь ответить на вопросы. В интересах дела необходимо соблюдать секретность. Впрочем, попробуйте позвонить в филателистическую фирму «Стэнли Гиббонс». Эта фирма находится в числе организаторов выставки.

Звоним в фирму «Стэнли Гиббонс». К телефону подходит мистер Майкл, один из ответственных работников этой фирмы.

ОГОНЕК. Мистер Майкл, выставка в Вестминстер-холле была организована вашей фирмой?

МАЙКЛ. Ничего подобного. Мы просто ее участники, и в Вестминстер-холле у нас самый большой стенд. Золотая богиня действительно была выставлена на нашем стенде, но мы не имели к этому прямого отношения.

ОГОНЕК. Кто является организатором выставки?

МАЙКЛ. Общество торговцев почтовыми марками.

ОГОНЕК. Как в Лондоне восприняли сообщение о том, что богиня похищена?

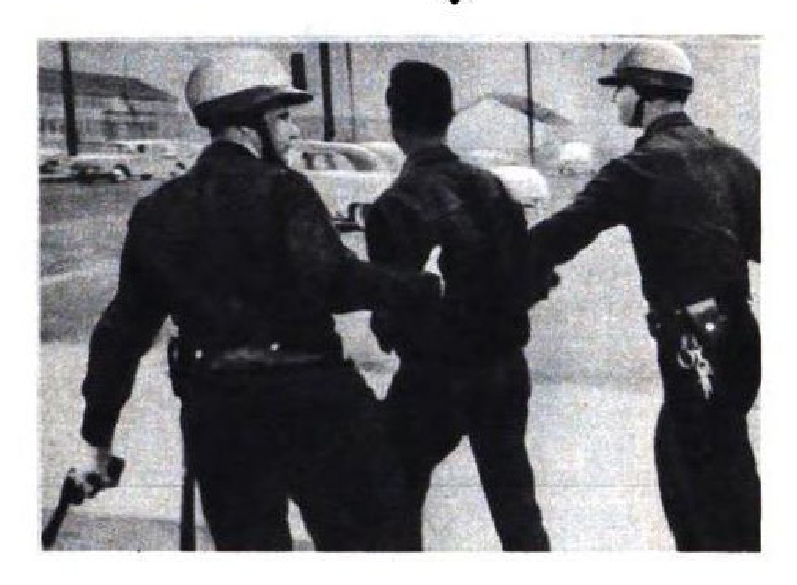
МАЙКЛ. Могу вас заверить, что мы все очень расстроены и огорчены этим.

Следующий звонок — в Общество торговцев почтовыми марками. У телефона мистер Ричардсон, председатель этого общества.

Над Демократической Республикой Вьетнам уже сбито свыше 600 американских самолетов. Зенитчики Народной армии совершенствуют свое боевое мастерство.

В негритянском гетто Лос-Анжелоса снова неспокойно. Жители протестуют против нечеловеческих условий быта и полицейского произвола. Молодые негры устроили бурную демонстрацию. Произошли столкновения с полицией.

БИЗНЕС НА КРОВИ

Лощеный господин любовно поглаживает тщательно отшлифованную поверхность бомбы. Под снимком подпись: «Норрис на линии выпуска продукции: снаряды для орудий во Вьетнаме».

Мистер Норрис элегантен: белоснежная рубашка, модный светлый галстук, ладно сшитый костюм. Он тщательно выбрит и искусно подстрижен. Лицо, правда, не из приятных. Холодное, жестокое. Узкие губы, презрительный прищур. Впрочем, оно вполне отвечает его профессии. Кеннет Норрис — фабрикант смерти.

Его владения раскинулись неподалеку от Лос-Анжелоса. Мрачные заводские корпуса без окон, обнесенные высокой изгородью из колючей проволоки... Вдоль нее — вышки, на них охранники с автоматами. Им есть, что сторожить...

В цехах триста мощных гидравлических прессов безостановочно штампуют стальные болванки для смертоносной начинки. Уборщики едва успевают вывозить из цехов обрезки металла и стружку. Сам мистер Норрис так говорит о своих нетерпеливых заказчиках из Пентагона: «Дело не только в том, что они требуют все больше и больше. Им еще нужно все быстрее и быстрее».

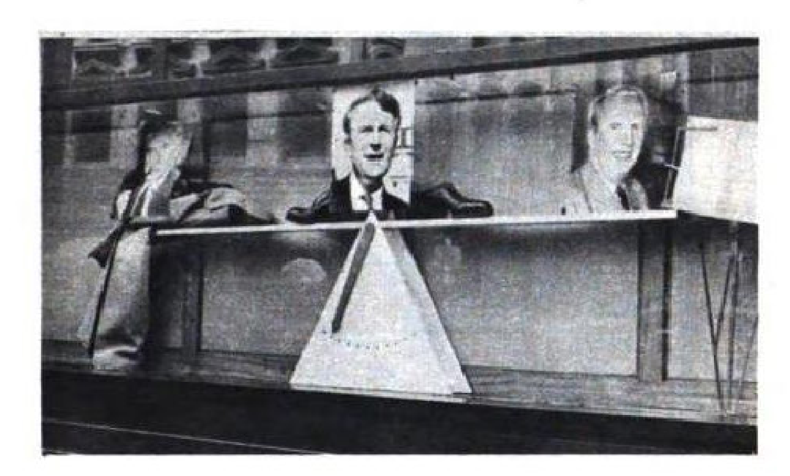
В 1930 году отец Кеннета основал безобидную фирму по производству бамперов для автомашин. В годы второй мировой войны завод перешел на военную продукцию. Новая специализация так полюбилась Норрисам, что они уже никак не хотели с ней расстаться. Правда, с окончанием войны пришлось снова начать выпуск мирной продукции, но они при этом не демонтировали свои производственные линии, работавшие на войну. И вот такая предусмотрительность обеспечила фирме заказы Пентагона, как только Соединенные Штаты развязали агрессию во Вьетнаме.

С начала этого года Пентагон увеличил свой заказ Норрису на ракеты с 30 тысяч до 500 тысяч штук в месяц, а заказ на бомбы — с 10 тысяч до 40 тысяч в месяц. Фирма уже объявила о строительстве двух новых заводов под Лос-Анжелосом.

Таковы данные только по одному предприятию! Между тем сама американская печать свидетельствует, что «тысячи американских фирм работают на то, чтобы обеспечить военные усилия Соединенных Штатов во Вьетнаме»!

Тысячи фирм... Миллиардные прибыли... Фирмы производят оружие для войны во Вьетнаме. Пентагон переводит фирмам деньги американских налогоплательщиков. Во главе фирм и во главе Пентагона стоят хищники одной породы. Крупнейшие фирмы посылают на работу в Пентагон своих опытнейших администраторов, и они занимают там высочайшие посты и раздают военные заказы. Так работает механизм самой прибыльной отрасли американского бизнеса — военной. Так элегантные норрисы в белоснежных рубашках делают доллары на людской крови.

В. НИКОЛАЕВ

ОГОНЕК. Мистер Ричардсон, считаете ли вы, что меры безопасности, предпринятые для охраны золотой богини, были достаточными?

РИЧАРДСОН. Да, мы еще раз проанализировали это и полагаем, что они были достаточными. Мы все бываем умнее после того, как дело свершилось. Но лично я думаю, что акт похищения был заранее запланирован, и он произошел бы, даже если бы мы выставили вокруг вооруженную охрану.

ОГОНЕК. Были сообщения, что эта кража — просто шутка. Как вы относитесь к этим сообщениям?

РИЧАРДСОН. Да, действительно были такие сообщения. Стало даже известно, что кубок находится у студентов. Но Скотланд-Ярд проверил это, и оказалось, что его там нет.

ОГОНЕК. Кубок был застрахован, не правда ли?

РИЧАРДСОН. Да, на 30 тысяч фунтов.

ОГОНЕК. В таком случае, если кубок не будет найден, эта сумма пойдет на изготовление нового кубка?

РИЧАРДСОН. Да. Футбольная ассоциация Великобритании уже заявила, что она не остановится перед расходами для того, чтобы была моментально изготовлена копия кубка. Я, конечно, понимаю, что это будет лишь копия. А оригинала нам уже не удастся увидеть.

ОГОНЕК. Вы считаете, что нет надежды на то, что богиня вернется?

РИЧАРДСОН. Я надеялся на это до полуночи вчерашнего дня. Если бы это была студенческая шутка, — конечно, гадкая и низкая, — кубок был бы уже обнаружен. Но теперь я думаю, что у нас нет никаких шансов увидеть его снова. Мы глубоко потрясены тем, что случилось.

В этот день телефонистки еще раз соединили нас с Лондоном. Мы разговаривали с главным инспектором Скотланд-Ярда — английской уголовной полиции — У. Литтлом.

ОГОНЕК. Инспектор, не расскажете ли вы нам, при каких обстоятельствах произошло похищение золотой богини?

ЛИТТЛ. Вам, очевидно, известно, что она была похищена с выставки почтовых марок. Могу сообщить, что богиня охранялась шестью частными детективами, которые находились в помещении, где была выставка.

ОГОНЕК. Можете ли вы сказать, сколько человек участвовало в краже?

ЛИТТЛ. Больше, чем один.

ОГОНЕК. Где сейчас находится богиня — в Англии или за ее пределами?

ЛИТТЛ. На это трудно ответить. Статуя богини небольшого размера, всего двенадцати дюймов высотой.

ОГОНЕК. Располагаете ли вы какими-нибудь уликами, связанными с этой кражей?

ЛИТТЛ. Да, у нас есть некоторые нити, которые мы хотим проследить до конца.

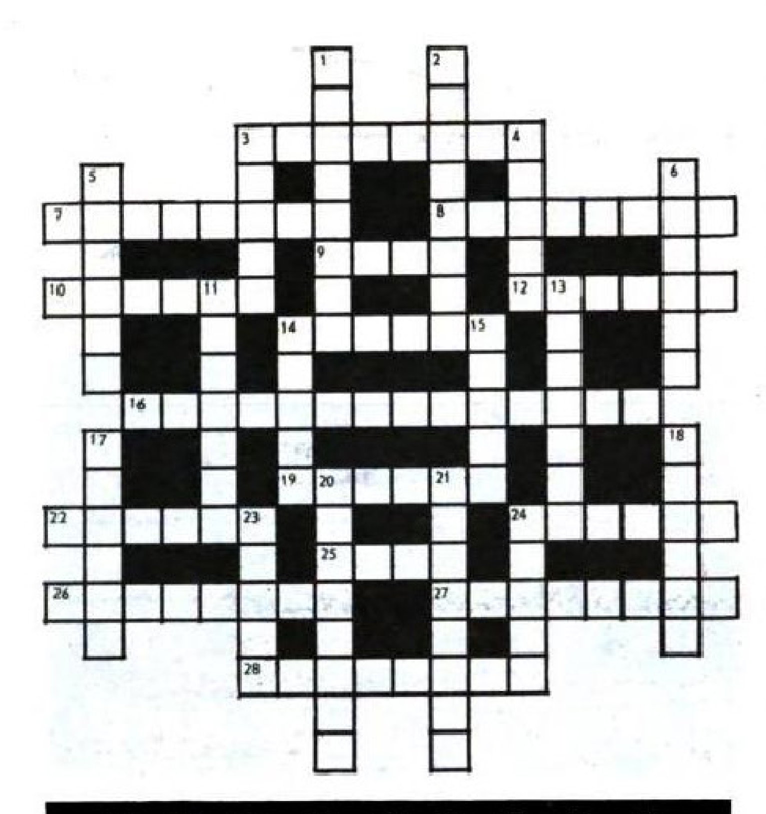
ОГОНЕК. Надеетесь ли вы найти кубок?

ЛИТТЛ. Мы, безусловно, надеемся, что кубок будет найден.

Прежде чем закончился разговор со Скотланд-Ярдом, главный инспектор Литтл попросил сообщить номер телефона редакции и мою фамилию.

Итак, богиня исчезла, шерлоки холмсы за работой. Удастся ли им не посрамить славы героя Конан-Дойля? Поживем — увидим.

А. СЕРВИН

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Порт на берегу Эгейского моря. 7. Звание ученого. 8. Озеро в Швеции. 9. Узкая полоска кожи по краям обуви. 10. Букварь. 12. Угол между направлением на север и заданным движением. 14. Металл. 16. Государство в Европе. 19. Оборот речи, не переводимый дословно. 22. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 24. Стихотворение А. С. Пушкина. 25. Инертный газ. 26. Почтовое отправление. 27. Искусственная кожа. 28. Мерило для оценки.

По вертикали:

1. Французский живописец. 2. Ярлык. 3. Лососевая рыба. 4. Приток Камы. 5. Литературный жанр. 6. Самая высокая гора на Алтае. 11. Растение, в листьях которого содержится щавелевая кислота. 13. Отблеск далекой грозы. 14. Бухта моря Лаптевых. 15. Союзная республика. 17. Период жизни после отрочества до зрелости. 18. Музыкальная пьеса в медленном темпе. 20. Раздел механики. 21. Цитрусовое дерево. 23. Машина для уплотнения грунта. 24. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

6. Позитрон. 7. Парамушир. 9. Мейерхольд. 12. Примула. 13. Афоризм. 14. Сервис. 16. Мойеро. 17. Армения. 19. Носорог. 20. Карась. 22. Мышкин. 23. Таблица. 25. Брезент. 27. Катапульта. 28. Можайский. 29. Фольклор.

По вертикали:

1. Морфема. 2. Благой. 3. Смальта. 4. Ботаника. 5. «Живописец». 8. Артерия. 10. Мусоргский. 11. Мотороллер. 14. Сантим. 15. Сапсан. 18. Грибоедов. 19. Нокдаун. 21. «Зверобой». 24. Аралсор. 25. Баталов. 26. Калина.

На первой странице обложки: Коммунисты Московского часового завода № 2. На переднем плане — делегат XXIII съезда КПСС А. Г. Илюшин.

Фото Г. Копосова и А. Узляна.

На второй странице обложки и титуле: Плакат художника Виктора Иванова. (Издательство «Советский художник».)

На последней странице обложки: К звездам.

Фотокомпозиция Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10561. Подписано к печати 23/III 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 573. Заказ № 737.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НЕДОСТОЙНАЯ ЗАДАЧА

Статья В. Кардина «Легенды и факты», опубликованная в журнале «Новый мир» (№ 2 за 1966 г.), видимо, не у нас одних вызвала горечь и недоумение. Ратуя за «голый» и непритязательный факт против легенд, автор с удивительной и необъяснимой бестактностью пытается развенчать некоторые легенды (или, как он иронически называет их, «великолепные сказки»), ставшие святынями для советского народа. Не пощадил он среди других и героическую, революционную историю крейсера «Аврора». В сознании многих поколений советских людей живет образ могучего залпа «Авроры», возвестившего новую эру человеческой истории. «А между тем залпа не было,— с удовлетворением первооткрывателя пишет В. Кардин.— Был один-единственный холостой выстрел». Да, действительно был единственный выстрел, грозно оповестивший классовых врагов о непреклонной воле восставшего Балтийского флота защитить дело революции всеми калибрами своих орудий! Вот почему этот «один-единственный холостой выстрел» стал для нас олицетворением этой воли, прозвучал на весь мир залпом, сокрушающим твердыни капитализма. Да, есть факты и действия людей, которые благодарный народ поэтизирует в произведениях искусства, потому что они учат потомков подвигу, вселяют в них великий дух борьбы за передовые идеалы человечества.

История воздала свои почести крейсеру «Аврора», назвав его легендарным. Хочется спросить В. Кардина, любителя «черного хлеба» фактов»: что ж, останемся при «холостом выстреле» и упраздним по вашей воле легендарную историю «Авроры»?

Недостойную и даже вредную задачу поставил перед собой автор статьи «Легенды и факты», взявшись развенчивать святые реликвии истории советского народа. И странно, что подобным «изысканиям» журнал «Новый мир» предоставил свои страницы.

А. БЕЛЫШЕВ, первый комиссар Военно-революционного комитета на крейсере «Аврора», член КПСС с 1917 года.
Б. БУРКОВСКИЙ, начальник филиала Центрального военно-морского музея на крейсере «Аврора».

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Подписчики «Огонька», срок подписки у которых истекает в июне 1966 года, могут заблаговременно возобновить подписку на 2-е полугодие 1966 года.

Подписка принимается в отделах и агентствах «Союзпечати», в отделениях связи, а также общественными распространителями печати на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях.

Издательство «Правда».

Эти снимки сделаны на берегу Черного моря в те дни, когда в Москве лежали сугробы и редкие солнечные дни сменялись частыми снегопадами.

Сейчас весна идет к нам, северянам. Те солнечные приметы, которые вы видите — душистые почки, первые хлопоты рыболовов, первый загар,— все это очень скоро будет у нас.

Южные ветры налетают все чаще. Они приносят с собой свежее, теплое дыхание!

Фото Б. КУЗЬМИНА
и С. КОРОТКОВА.

ВЕСНА !..

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663